

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

### Главный редактор:

директор учебно-методического центра «УдГУ-Лингва», доцент, канд. филол. наук *Л. М. Малых* (УдГУ, Ижевск, Россия)

### Заместители главного редактора:

профессор, канд. филол. наук *Т. С. Медведева* (УдГУ, Ижевск, Россия) доцент, канд. филол. наук *Н. М. Шутова* (УдГУ, Ижевск, Россия)

### Члены редакционной коллегии:

профессор, д-р пед. наук *Н. В. Барышников* (ПГУ, Пятигорск, Россия)  
профессор, д-р филол. наук *Т. И. Зеленина* (УдГУ, Ижевск, Россия)  
профессор, д-р филол. наук *Н. В. Кондратьева* (УдГУ, Ижевск, Россия)  
доцент, канд. пед. наук *Е. Л. Кудрявцева* (научный руководитель международных сетевых лабораторий «Инновационные технологии в сфере поликультурного образования», Германия)  
профессор, д-р пед. наук *Л. К. Мазунова* (БашГУ, Уфа, Россия)  
доцент, канд. филол. наук *Д. И. Медведева* (УдГУ, Ижевск, Россия)  
профессор, д-р филол. наук *С. Л. Мишиланова* (ПГНИУ, Пермь, Россия)  
профессор, д-р филол. наук *Д. А. Салимова* (ЕИ КФУ, Елабуга, Россия)  
профессор, д-р филол. наук *И. Антанасиевич* (Белградский университет, Белград, Сербия)  
профессор, д-р филол. наук *Е. В. Стоянова* (Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Шумен, Болгария)  
профессор *S. O. Cheang* (Народный университет Женевы, Женева, Швейцария)  
профессор *T. Easley-Giraldo* (Джонсон Каунти Комьюнити Колледж, Канзас, США)  
профессор, д-р филол. наук, *R. G. Tirado* (член президиума МАПРЯЛ Гранадский университет, Гранада, Испания)

### Ответственный секретарь:

И. С. Шульмина

### Учредитель журнала:

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»



### Редакция:

426034, Удмуртская Республика,  
г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, ауд. 310  
Тел.: (3412) 916-267, e-mail: mnogoyaz@yandex.ru

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»  
Институт языка и литературы  
НОЦ «Инновационное проектирование  
в мультилингвальном образовательном пространстве»  
Учебно-методический центр «УдГУ-Лингва»  
Международная лаборатория с распределенным участием  
«Многоязычие и межкультурная коммуникация»

## **МНОГОЯЗЫЧИЕ в образовательном пространстве**

**Том 14**

**Научный журнал**

**DOI 10.35634/2500-0748-2022-14**

Сборник научных трудов с 2009 г.  
Научный журнал с 2016 г.

Материалы журнала размещаются на платформах:  
Российской универсальной научной электронной библиотеки (РИНЦ):  
[https://elibrary.ru/title\\_about\\_new.asp?id=64145](https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=64145);  
Российской государственной библиотеки;  
Российской научной электронной библиотеки КиберЛенинка;  
Электронно-библиотечной системы Лань;  
Электронно-библиотечной системы Znanium;  
Международной мультидисциплинарной базы данных научных журналов ResearchBible;  
Научной библиотеки УдГУ;  
Международной базы данных научных журналов The CiteFactor;  
Международной электронной базы научных работ Scilit;  
Международной библиографической базы данных WorldCat;  
Журналов открытого доступа DOAJ (Directory of Open Access Journals).



Ижевск 2022

## **EDITORIAL BOARD:**

### **Editor-in-Chief:**

*L. M. Malykh* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

### **Deputy Editors:**

*T. S. Medvedeva* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

*N. M. Shutova* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

### **Members of the Editorial Board:**

*N. V. Baryshnikov* (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia)

*T. I. Zelenina* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

*N. V. Kondrat'eva* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

*E. L. Koudrjavitseva* (International Network of Laboratories –Innovative Technologies in the Field of Multicultural Education, Germany)

*L. K. Mazunova* (Bashkir State University, Ufa, Russia)

*D. I. Medvedeva* (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

*S. L. Mishlanova* (Perm State University, Perm, Russia)

*D. A. Salimova* (Yelabuga Institute of Kazan Federal University, Yelabuga, Russia)

*I. Antanasijevic* (Belgrade University, Belgrade, Serbia)

*E. V. Stoyanova* (Bishop Konstantin Preslavski Shumen University, Shumen, Bulgaria)

*S. O. Cheang* (University Populaire of Geneva Canton, Geneva, Switzerland)

*T. Easley-Giraldo* (Johnson County Community College, Kansas, USA)

*R. G. Tirado* (Granada University, Granada, Spain)

### **Managing Editor:**

I. S. Shulmina

**Founder of the Journal** is Udmurt State University



### **Address for Correspondence:**

Editorial Office, Russian Journal of Multilingualism and Education

1, Universitetskaya str., bld. II, room. 310,

Izhevsk 426034, Russia

phone: (3412) 916-267

e-mail: mnogoyaz@yandex.ru

# **RUSSIAN JOURNAL OF MULTILINGUALISM AND EDUCATION**

**Volume 14**

**DOI 10.35634/2500-0748-2022-14**

The journal is included into the Russian Index of Scientific Citation (RISC) and is available on-line in eLIBRARY.ru: [https://elibrary.ru/title\\_about\\_new.asp?id=64145](https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=64145);

Russian State Library;

CyberLeninka;

Electronic Library System –Lan;

Electronic Library System –Znanium;

Academic Resource Index –Research Bible;

International Database of Scientific Journals – The CiteFactor;

International Electronic Database of Scientific Papers – Scilit;

International Bibliographic Database –WorldCat;

Directory of Open Access Journals (DOAJ);

The Scientific Library of Udmurt State University.



Izhevsk 2022



## СОДЕРЖАНИЕ

### I. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МНОГОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ ..... 9

**Чиршева Г. Н., Кожухова М. А.** (Череповец, Россия)

СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ) ..... 9

**Шамилов Р. М.** (Нижний Новгород, Россия)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЛИЧНЫХ ИМЕН В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НА ЛАТИНИЦУ (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОГО, АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)..... 21

### II. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР ..... 35

**Касаткина Т. Ю.** (Ижевск, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ СЛОВ «КОРКА» И «ЙОРТ» (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ) ..... 35

**Сандлер М. Р.** (Брюссель, Бельгия)

ПОСТСОВЕТСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ КАТЕГОРИИ ADVANCED: ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПРИНИМАЮЩЕГО ЕВРОПЕСКОГО СООБЩЕСТВА И МНЕНИЕ МИГРАНТОВ О ТОЛЕРАНТНОСТИ..... 48

**Стихина И. А.** (Екатеринбург, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПАРАДИГМЫ СООТВЕТСТВИЙ НЕМЕЦКИМ СЛОЖНЫМ СЛОВАМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....58

**Шутова Н. М., Назарова Д. В.** (Ижевск, Россия)

ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕКЛАМЫ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РЕКЛАМЫ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ КОСМЕТИКИ) ..... 68

### III. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ..... 79

**Малых В. С.** (Ижевск, Россия)

HYBRID SPECULATIVE FICTION AS A GENRE PHENOMENON IN MODERN LITERATURE OF THE U.S. AND RUSSIA ..... 79

**Мосалева Г. В.** (Ижевск, Россия)

РОССИЯ ЧИЧИКОВА И РОССИЯ ГОГОЛЯ В ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» ..... 85

**IV. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ..... 94**

**Нгуен Тхи Ханг** (Хошимин, Вьетнам)

«ОБУЧЕНИЕ ПО СТАНЦИЯМ» – ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ВО ВЬЕТНАМСКОМ ВУЗЕ..... 94

**Савченко Т. Е.** (Брно, Чехия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СРЕДНИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ..... 105

**V. НОВЫЕ МОНОГРАФИИ..... 115**

**Беляева Е. Г.** (Санкт-Петербург, Россия)

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «THE ENGLISHIZATION OF HIGHER EDUCATION IN EUROPE» / «АНГЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ». 115

## CONTENTS

### I. LANGUAGE CONTACTS IN A CONTEMPORARY MULTILINGUAL SOCIETY..... 9

**Chirsheva G. N., Kozhukhova M. A.** (Cherepovets, Russia)  
STRUCTURE, SEMANTICS AND PRAGMATICS OF CODE-SWITCHING IN THE SPEECH  
OF SECONDARY SCHOOL AND UNIVERSITY STUDENTS ..... 9

**Shamilov R. M.** (Nizhny Novgorod, Russia)  
THE ISSUE OF RENDERING PERSONAL NAMES IN THE CONTEXT OF TRANSITION  
OF TURKIC LANGUAGES TO THE LATIN SCRIPT (A CASE STUDY OF AZERBAIJANI,  
TURKISH AND KAZAKH LANGUAGES) ..... 21

### II. CONTRASTIVE STUDIES OF LANGUAGES AND CULTURES..... 35

**Kasatkina T. Yu.** (Izhevsk, Russia)  
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ASSOCIATIVE FIELDS OF THE WORDS “KORKA”  
AND “YORT” (BASED ON THE MATERIAL OF THE UDMURT AND TATAR LANGUAGES)  
..... 35

**Sandler M. R.** (Brussels, Belgium)  
POST-SOVIET MIGRATION IN EUROPE OF THE ADVANCED CATEGORY: TOLERANCE  
OF THE HOST EUROPEAN COMMUNITY AND MIGRANTS’ OPINION ON TOLERANCE 48

**Stikhina I. A.** (Yekaterinburg, Russia)  
UPDATING THE PARADIGM OF CORRESPONDENCES TO GERMAN COMPOUND  
WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE .....58

**Shutova N. M., Nazarova D. V.** (Izhevsk, Russia)  
GENDER CHARACTERISTICS OF ADVERTISING IN TERMS OF TRANSLATION (BASED  
ON THE COMPARATIVE ANALYSIS OF WOMEN’S AND MEN’S COSMETICS  
COMMERCIALS) ..... 68

### III. LITERARY PROCESS..... 79

**Malykh V. S.** (Izhevsk, Russia)  
HYBRID SPECULATIVE FICTION AS A GENRE PHENOMENON IN MODERN  
LITERATURE OF THE U.S. AND RUSSIA ..... 79

**Mosaleva G. V.** (Izhevsk, Russia)  
RUSSIA OF CHICHIKOV AND RUSSIA OF GOGOL IN THE POEM “DEAD SOULS” ..... 85

**IV. PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES OF MODERN LANGUAGE EDUCATION ..... 94**

**Hang Nguyen Thi** (Ho Chi Minh City, Vietnam)  
“TEACHING IN CORNERS” AS AN INNOVATIVE TECHNOLOGY OF TEACHING  
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A VIETNAM UNIVERSITY ..... 94

**Savchenko T. E.** (Brno, the Czech Republic)  
USING POETIC TEXTS FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE  
AT SECONDARY SCHOOLS OF THE CZECH REPUBLIC: THE RESULTS OF PILOT STUDY  
..... 105

**V. NEW MONOGRAPHS..... 115**

**Belyaeva E. G.** (Saint Petersburg, Russia)  
REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH «THE ENGLISHIZATION OF HIGHER  
EDUCATION IN EUROPE»..... 115

# I. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МНОГОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-9-21

УДК: 811.161.1:811.111:811.112.2(045)

**Чиршева Г. Н.**

*Череповецкий государственный университет,  
Череповец, Россия*

**Кожухова М. А.**

*Школа английского языка Helen Doron, Россия*

## **СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Кодовые переключения – неоднозначное и многостороннее явление, которое проявляется по-разному в зависимости от сферы, условий, участников коммуникации. Наиболее частотным типом кодовых переключений являются вкрапления с денотативным компонентом, выполняющие предметно-тематическую функцию; при этом для студентов характерны пиджинизированные переключения, а для школьников – «голые формы», что характеризует особенности их компетенции в английском языке. В статье рассматриваются структурные, семантические и прагматические характеристики кодовых переключений в речи русскоязычных школьников и студентов, усваивающих английский и немецкий языки. Цель статьи – выявить наиболее частотные модели переключений и определить их функции в речи русскоязычных школьников и студентов вузов. Материал исследования представлен 157 высказываниями, содержащими 165 кодовых переключений (79 кодовых переключений – у школьников, 86 кодовых переключений – у студентов), которые были извлечены из устной спонтанной речи 16 школьников и 16 студентов. Фиксация речевых высказываний проводилась с помощью диктофона, а также письменных записей, сделанных авторами данной работы в 2021 г. Материал был собран в два этапа с помощью невключенного наблюдения (первый этап – наблюдение за школьниками, второй этап – наблюдение за студентами). В качестве основного метода исследования был использован межъязыковой сопоставительный анализ для выявления специфики кодовых переключений школьников и студентов. Удалось установить, что наиболее продуктивной моделью для билингвальной речи школьников являются собственно вкрапления и «голые формы», для речи студентов – собственно вкрапления и пиджинизированные переключения. У всех наблюдаемых переключения обычно выполняют предметно-тематическую функцию, используя для обозначения новых денотатов, а у студентов иногда сопровождаются коннотативными компонентами. Аспекты данного феномена исследовались в рамках различных подходов, однако связь структурных, прагматических и семантических характеристик кодовых переключений в речи русскоязычных школьников и студентов до сих пор не была предметом специального анализа. Заполнение этого пробела в изучении кодовых переключений обуславливает новизну данной статьи для билингвологии.

*Ключевые слова:* кодовые переключения, русский язык, английский язык, немецкий язык, модели кодовых переключений, функции кодовых переключений, речь школьников, речь студентов.

*Сведения об авторах:*

**Чиршева Галина Николаевна**, профессор, доктор филол. наук, кафедра германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет (г. Череповец); e-mail: chirsheva@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0001-6627-693X. ResearcherID E-8827-2010.

**Кожухова Мария Андреевна**, преподаватель английского языка, школа английского языка Helen Doron, Россия; e-mail: mariia\_medvedeva18@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0002-1393-4377.

## **Введение**

Для людей, говорящих на двух и более языках, характерны кодовые переключения, т. е. переход с одного языка на другой в билингвальной коммуникации. Актуальность исследования определяется тем, что кодовые переключения в речи людей, владеющих одним или несколькими иностранными языками, исследованы на недостаточно разнообразном материале и не во всех возможных аспектах. Так, кодовые переключения в речи русскоязычных школьников и студентов, изучающих английский и немецкий языки как иностранные, пока не стали предметом специального углубленного анализа.

Кодовые переключения изучались отечественными и зарубежными исследователями на основании различных теоретических и методологических подходов и языковых комбинаций [Poplack, Meechan, 1995; Jakobson, 1971; Чиршева, 2012; 2015; Эбзеева, Тутова, 2012; Остапенко, 2014; Денисова, 2019]. Структурным особенностям кодовых переключений с выделением разных единиц анализа и контекстуальных условий их реализации посвящены исследования ученых на материале речи детей и взрослых [Myers-Scotton, 1997; Myers-Scotton, Jake, 2009; Исаева, 2008; Балакина, Соснин, 2015; Хилханова, Папинова, 2018; Королева, 2020; Чиршева, Коровушкин, 2021].

Прагматические особенности кодовых переключений описываются как наиболее значимая составляющая их плана содержания, частично связанная с семантикой и стилистикой [Auer, 1999; Brice, 2000; Багана, Блажевич, 2010; Артамонов, 2011; Tariq, Bilal, Abbas, Mahmood, 2013]. Структурные и прагматические характеристики кодовых переключений связаны между собой, на что указывают исследования ряда отечественных лингвистов [Чиршева, 2008; Паутова, 2018; Тихомирова, 2021].

Кодовые переключения студентов филологического направления представляют особый интерес для изучения. Отмечается, что на начальном этапе обучения механизм кодовых переключений активируется по отношению к искусственно осваиваемому языку, а на продвинутом этапе он увеличивает свою активность по отношению к естественно освоенному языку [Доценко, Лещенко, Остапенко, 2013: 83].

Наименее изученным аспектом для кодовых переключений остается их семантика. В речи школьников и студентов билингвальные и трилингвальные комбинации языковых единиц до сих пор не подвергались семасиологическому анализу.

Цель работы заключается в выявлении структуры, семантики и прагматики кодовых переключений в речи русскоязычных школьников и студентов, изучающих английский и немецкий языки. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) зафиксировать высказывания с кодовыми переключениями в речи школьников и студентов; 2) описать структурные характеристики и прагматические функции кодовых переключений; 3) выявить денотативный и коннотативный компоненты кодовых переключений в составе тематических групп; 4) определить частотность структурных, семантических и прагматических характеристик кодовых переключений; 5) установить корреляцию между структурой, семантикой и прагматикой кодовых переключений в речи школьников и студентов; 6) сопоставить кодовые переключения в речи школьников и студентов по всем рассмотренным аспектам.

Комплексный анализ устных кодовых переключений с комбинацией трех языков в речи двух возрастных групп пока не проводился ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике. Новизной обладает и речевой материал, собранный авторами исследования на основе невключенного наблюдения.

## **1. Методика исследования кодовых переключений**

Материал исследования представлен 157 высказываниями, содержащими 165 кодовых переключений (79 – у школьников, 86 – у студентов). Все школьники, речь которых подвергалась наблюдению, изучали английский язык шесть лет, немецкий язык – три года. Студенты изучали английский язык в школе и продолжают его изучение в университете, немецкий язык изучался ими на протяжении трех лет. Материал с помощью наблюдения собирался в два этапа: 1) в сентябре–октябре 2021 г. – за речью школьников (16 часов); 2) в ноябре–декабре 2021 г. – за речью студентов (16 часов). Фиксация осуществлялась при помощи аудио- и письменных записей как во время учебных занятий, так и на переменах.

Кодовые переключения из собранных высказываний выявляются с помощью приема межъязыкового сопоставления, в ходе которого важно было установить принимающий (матричный) и принимаемый (гостевой) языки. Матричный язык устанавливает порядок слов и морфем, а также регулирует морфолого-синтаксическое оформление всех единиц высказывания. В большинстве примеров матричным языком выступал русский язык (родной язык школьников и студентов), в редких случаях – английский. Гостевыми языками были английский, русский и немецкий. Немецкий в качестве гостевого языка в собранном материале встречается довольно редко (10 примеров).

Процедура анализа кодовых переключений включала следующие шаги.

1. Анализ структуры кодовых переключений в речи школьников, затем – студентов на основе классификации кодовых переключений по месту появления в речи [Чиршева, 2008: 65-67]; она частично основана на модели рамки матричного языка К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1997]: выделяются матричный и гостевые языки, устанавливается их роль в структуре высказывания, определяются типы морфем, как основной единицы анализа кодовых переключений.

2. Описание прагматических особенностей кодовых переключений школьников и студентов на основе классификации прагматических функций кодовых переключений [Чиршева, 2000].

3. Распределение кодовых переключений школьников и студентов по тематическим группам в соответствии с их денотативным значением. Затем в пределах установленных групп выделяются коннотативные значения.

4. Установление взаимозависимости структурных, прагматических и семантических характеристик кодовых переключений в речи школьников и студентов с помощью метода коррелятивного анализа.

5. Сопоставление всех рассмотренных характеристик кодовых переключений в речи двух наблюдаемых групп – школьников и студентов.

## **2. Результаты исследования**

### **2.1. Структура кодовых переключений**

Кодовые переключения в собранном материале состоят из различных структурных элементов (см. табл. 1).

Таблица 1 – Структурный состав кодовых переключений

Структурный элемент	Студенты		Школьники		Всего	
	Частота	Процент	Частота	Процент	Частота	Процент
Слово	66	76,7%	53	67,1%	119	72,1%
Словосочетание	16	18,6%	12	15,2%	28	17%
Предложение	4	4,7%	14	17,7%	18	10,9%
<b>Всего</b>	86	100%	79	100%	165	100%

Наиболее частотным структурным элементом кодового переключения как для школьников, так и для студентов является слово, поскольку включить в высказывание на родном языке единичную лексему на иностранном языке у них не вызывает затруднения. Словосочетание как структурный элемент распространено в меньшей степени. Предложение более характерно для речи школьников, особенно в учебной ситуации.

Согласно классификации кодовых переключений по месту появления в речи, все выявленные примеры можно поделить на три типа: 1) выбор языкового кода; 2) межфразовые; 3) внутрифразовые переключения (см. табл. 2 и примеры ниже).

Таблица 2 – Кодовые переключения по месту появления в речи

Тип	Студенты		Школьники		Всего	
	Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Выбор языкового кода	4	4,7 %	11	13,9%	15	9,1%
Межфразовые переключения	3	3,5%	8	10,1%	11	6,7%
Внутрифразовые переключения	79	91,9%	60	75,9%	139	84,2%
<b>Всего</b>	86	100%	79	100%	165	100%

Наименее частотным типом кодовых переключений в собранном материале являются межфразовые переключения (6,7%), которые более характерны для школьников (10,1%), чем для студентов (3,5%). У школьников они появляются в виде дублирования предложений на двух языках, распределение языков по ролям, например: *That's all I wanted to tell you. Вроче все*. В речи студентов межфразовые переключения включаются в единое высказывание из предложений на двух языках, например: *Happy birthday! Пусть все сбудется!*

Выбор языкового кода составляет 9,1% от общего числа кодовых переключений и представлен чаще у школьников (13,9 %), чем у студентов (4,7 %). При выборе языкового кода меняется язык общения, например, в вопросно-ответном диалоге: *Почему люди учат английский? – Because it is language of computers* (школьник). *Как спектакль? – Perfect* (студент).

Самыми частотными стали внутрифразовые переключения (84,2%), в большей степени представленные в речи студентов (см. табл. 3).

Таблица 3 – Виды внутрифразовых кодовых переключений

Вид	Студенты		Школьники		Всего	
	Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Собственно вкрапления	29	36,7%	18	30%	47	33,8%
Остров	13	16,5%	14	23,3%	27	19,4%
Голая форма	8	10,1%	18	30%	26	18,7%
Парентетическое переключение	10	12,7%	9	15%	19	13,7%
Пиджинизированные переключения	16	20,3%	0	0%	16	11,5%
Пиджинизированное переключение + остров + дублир. морфология	2	2,5%	0	0%	2	1,4%
Парентетическое переключение + остров	0	0%	1	1,7%	1	0,7%
Остров + голая форма	1	1,3%	0	0%	1	0,7%
<b>Всего</b>	<b>79</b>	<b>100%</b>	<b>60</b>	<b>100%</b>	<b>139</b>	<b>100%</b>

Наиболее распространенным видом стали собственно вкрапления (33,8%). Такие кодовые переключения употребляются без аффиксов матричного языка, поскольку морфосинтаксическая рамка предложения их не требует (например, для существительных любого языка в функции подлежащего или для русских существительных мужского и среднего рода в винительном падеже в функции прямого дополнения), что делает их наиболее доступными для включения в речь как для школьников, так и для студентов, например: *I find **существительное*** (школьник). *Нам нужен весь клоунский **equipment*** (студент).

Островные переключения, в рамках которых сочетаются единицы и / или действуют правила грамматики гостевого языка (например, использованы показатели морфологических категорий гостевого языка), в большей степени характерны для школьников, чем для студентов (23,3% и 16,5%, соответственно), например: ***Give back** это кому-то вернуть, a **take back** – себе.* (школьник). *Я поняла, что это не мой **cup of tea*** (студент).

«Голые формы» составляют 18,7% от общего количества всех кодовых переключений; при этом у студентов они являются одной из наименее распространенных структур (10,1%), а у школьников составляют почти треть всех переключений (30%). Отчасти они похожи на собственно вкрапления, поскольку и те, и другие не снабжаются грамматическими показателями матричного языка. Однако, если для собственно вкраплений этого и не требуется в той морфосинтаксической рамке, в которой они использованы, то для «голых форм» эта необходимость определяется их позицией в предложении, но они по каким-то причинам этими показателями, необходимыми для морфосинтаксической рамки матричного языка, не оформлены. Так, для существительного ***history*** в винительном падеже в женском роде в русском предложении необходима флексия *-ю*, а для образования предложного падежа – флексия *-и*, но в «голых формах» они не добавляются. Например: *Давайте **history** за сорок. А в **history** уже всё было?* (школьник). Для студентов появление «голых форм»

у существительных менее характерно, но встречается среди прилагательных и наречий, например: *Это не colloquial стиль? Как раз и узнаем background информацию о нем.*

Парентетические переключения, которые грамматически с предложением не связаны, а потому легко внедряются в начале или конце предложений, составляют 13,7% от общего количества кодовых переключений (15% у школьников, 12,7% у студентов): *Ой, is everything ready?* (школьник). *Можешь на brake дать, please?* (студент).

Пиджинизированные переключения, которые грамматически адекватно вписываются в морфосинтаксическую рамку матричного языка, встречаются только у студентов и составляют 20,3% их кодовых переключений. Такие иноязычные слова внедряются в русскую речь студентов с помощью добавления к содержательным (обычно корневым) морфемам гостевого языка системных (словоизменительных и словообразовательных) морфем матричного языка, например: *За-friend-иться можно же. Kamerad-ы, какой у нас был доклад на прошлую пару?*

В некоторых внутрифразовых кодовых переключениях комбинируются несколько структур. Например, парентетическое переключение + остров: *I'd like to know, так, двенадцатый вопрос* (школьник).

В речи студентов комбинации были более сложными, например, пиджинизированное переключение + остров + дублированная морфология: *Я не знаю никаких грамматических terms-ов* (студент), где остров имеет окончание *-s* для оформления множественного числа по правилам гостевого языка, пиджинизированное переключение проявляется в добавлении русского окончания *-ов*, а дублированная морфология характеризуется наличием показателей множественного числа из гостевого и матричного языков.

Таким образом, школьники чаще используют переключения без грамматических модификаций (собственно вкрапления и «голые формы»), а студенты переключаются на другие языки грамматически более креативно.

## 2.2. Прагматика кодовых переключений

Наиболее частотной прагматической функцией кодовых переключений является предметно-тематическая (38,8 %) как у школьников, так и у студентов, что объясняется учебной ситуацией и узкой тематической направленностью их занятий. На переменах тематика переключений была более вариативной. Примеры: *Почему я на Facebook захожу?* (школьник). *Надо же просто feedback дать, да?* (студент).

Эмоциональная функция чаще наблюдалась у школьников (11,4%), чем у студентов (8,1%). Например: *Это easy, easy! Причем даже очень!* (школьник). *Сейчас тест? Jetzt?* (студент).

Металингвистическая функция переключений более характерна для студентов (10,5%), чем школьников (7,6%), например: *I find существительное* (школьник). *Вы уверены, что здесь polysyndeton?* (студент).

Воздействующая функция у школьников наблюдалась чаще, чем у студентов (12,7% и 5,8%, соответственно). Школьники с помощью кодовых переключений чаще пытались обратить на себя внимание как учителя, так и одноклассников, повлиять на собеседника, например: *Макс, садись ко мне, come here. Disappoint, ну же!* (школьник). *Help me, куда заходить?* (студент).

Юмористическая функция более характерна для речи студентов (14%), чем школьников (2,5%), например: *Мышь крадется, вот это по-mousy-ить. Вы вообще who?* (студент).

Функция самоидентификации кодовых переключений помогает говорящему подчеркнуть, что он владеет иностранным языком, что более характерно для студентов (10,5%), чем для школьников (5,1%), например: *Почему люди учат английский? – Because it is language of computers* (школьник). *Она напомнит тебе, I bet you* (студент).

Фатическая функция переключений реализовалась в виде этикетных форм

приветствия и прощания, например: *До свидания. Thank you for sweets!* (школьник). *Я сказала, что я все знаю, и меня отпустили, goodbye* (студент).

Функция экономии речевых усилий в собранном материале более характерна для кодовых переключений школьников, чем студентов (10,1% и 2,3%, соответственно), например: *Eleven тоже надо?* (школьник). *Это будет тоже не sehr gut* (студент).

Адресатная и цитатная функции реализованы в единичных случаях (см. табл. 4).

Таблица 4 – Прагматические функции кодовых переключений

Функция	Студенты		Школьники		Всего	
	Частота	Проценты	Частота	Проценты	Частота	Проценты
Предметно-тематическая	34	39,5%	30	38%	64	38,8%
Эмоциональная	7	8,1%	9	11,4%	16	9,7%
Металингвистическая	9	10,5%	6	7,6%	15	9,1%
Воздействующая	5	5,8%	10	12,7%	15	9,1%
Юмористическая	12	14%	2	2,5%	14	8,5%
Самоидентификации	9	10,5%	4	5,1%	13	7,9%
Фатическая	7	8,1%	4	5,1%	11	6,7%
Экономии речевых усилий	2	2,3%	8	10,1%	10	6,1%
Адресатная	0	0%	6	7,6%	6	3,6%
Цитатная	1	1,2%	0	0%	1	0,6%
<b>Всего</b>	<b>86</b>	<b>100%</b>	<b>79</b>	<b>100%</b>	<b>165</b>	<b>100%</b>

### 2.3. Семантика кодовых переключений

Все кодовые переключения были распределены по тематическим группам, сформированным на основе экстралингвистических факторов: учеба, образ жизни, эмоции, речевое поведение, качества и люди (см. табл. 5).

Таблица 5 – Тематические группы кодовых переключений

Тематическая группа	Студенты		Школьники		Всего	
	Частота	Процент	Частота	Процент	Частота	Процент
Учеба	26	30,2%	41	51,9%	67	40,6%
Образ жизни	22	25,6%	5	6,3%	27	16,4%
Эмоции	16	18,6%	10	12,7%	26	15,8%
Речевое поведение	9	10,5%	13	16,5%	22	13,3%
Качества	10	11,6%	8	10,1%	18	10,9%
Люди	3	3,5%	2	2,5%	5	3%
<b>Всего</b>	<b>86</b>	<b>100%</b>	<b>79</b>	<b>100%</b>	<b>165</b>	<b>100%</b>

Наиболее частотной тематической группой как для школьников, так и для студентов является «Учеба» (40,6%), что определяется спецификой их коммуникации и окружающей обстановкой. Например: *Нам сейчас надо будет retell домашний текст* (школьник). *Это не colloquial стиль?* (студент).

Тема «Образ жизни» представлена кодовыми переключениями студентов чаще (25,6%), чем у школьников (6,3%), например: *Hobby тут не поможет.* (школьник). *Бегаешь every day?* (студент).

Тематическая группа «Эмоции» характерна как для школьников (12,7%), так и для студентов (18,6%). Например: *Твоя очередь! – No, no, God, please!* (школьник). *Есть «боязнь», а есть синоним? – ... fear* (студент).

В тематическую группу «Речевое поведение» (13,3 %) включены кодовые переключения, отражающие формы вежливости, этикета, «слова-паразиты» и др.

дискурсивные фразы, например: *Я бы сказала auf Wiedersehen, но скажу до свидания* (школьник). Скажите, *please* (студент).

Тематическая группа «Качества», куда включены переключения для описания характеристик объектов, представлена практически в равной степени у школьников и студентов (10,1% и 11,6%, соответственно). Например: *I am красивая* (школьник). *But her faith is traurig* (студент).

В наименее распространенную тематическую группу «Люди» (3%), входят кодовые переключения, обозначающие роли человека, например: *Я тебя сегодня как bro запишу* (школьник). *Kamerad-ы, какой у нас был доклад на прошлую пару?* (студент).

При рассмотрении внутрифразовых кодовых переключений, состоящих из одного слова (47 у школьников и 60 у студентов), устанавливалась структура их лексического значения. Оказалось, что большинство кодовых переключений (56,1%) имеет только денотативный компонент. Кодовые переключения с коннотацией (47) включали оценочный, эмоциональный и функционально-стилистический компоненты (см. табл. 6).

Таблица 6 – Компоненты коннотации

Компонент коннотации	Студенты		Школьники		Всего	
	Частота	Процент	Частота	Процент	Частота	Процент
Функционально-стилистический	20	62,5%	5	33,3%	25	53,2%
Оценочный	6	18,8%	6	40%	12	25,5%
Эмоциональный	6	18,8%	4	26,7%	10	21,3%
<b>Всего</b>	<b>32</b>	<b>100%</b>	<b>15</b>	<b>100%</b>	<b>47</b>	<b>100%</b>

Функционально-стилистический компонент регулирует выбор и употребление слова, семантика которого соответствует конкретной ситуации общения, например: *Я тебя сегодня как bro запишу.* (школьник). *Check-ни, пожалуйста* (студент). В обоих примерах прослеживается стилистическая сниженность, что характерно для общения подростков и молодых людей.

Оценочный компонент с помощью кодового переключения становится гораздо более выразительным, например: *Нереально, чтобы тыква выросла такой большой. Я думаю, false* (школьник). *Wrong выбор это* (студент).

Эмоциональный компонент сопровождает денотативное значение и передает эмоциональное отношение. Например: *Ой, is everything ready?* (школьник). *В смысле the younger, если обоим по пятнадцать?* (студент).

#### 2.4. Взаимосвязь структуры, прагматики и семантики кодовых переключений

Для школьников в большей степени характерны внутрифразовые кодовые переключения в виде собственно вкраплений и «голых форм» (60%). Чаще всего они обладают только денотативным компонентом, но некоторые собственно вкрапления имели и оценочный компонент коннотации, а «голые формы» – функционально-стилистический компонент. Кодовые переключения, выполняющие предметно-тематическую функцию, в большинстве случаев имеют только денотативный компонент, что связано с тематической направленностью и спецификой урока. В наиболее продуктивной тематической группе «Учеба» кодовые переключения школьников имеют только денотативный компонент, поскольку во время уроков ученики старались использовать преимущественно нейтральную лексику. Например: *Потому что library получается. Что такое excuse?*

Для студентов характерны внутрифразовые кодовые переключения в виде собственно вкраплений и пиджинизированных переключений (36,7% и 20,3%, соответственно). У большинства собственно вкраплений есть только денотативное значение, но иногда встречаются и компоненты коннотации: оценочный (4 примера), эмоциональный (3 примера)

и функционально-стилистический (1 пример). Пиджинизированные переключения в большинстве примеров (13) обладают функционально-стилистическим компонентом. Кодовые переключения студентов, выполняющие предметно-тематическую функцию, обычно имеют лишь денотативное значение, хотя нередко (10 примеров) оно сопровождается функционально-стилистическим компонентом коннотации, что обусловлено разнообразными по тематике занятиями и практикой в различных стилях речи. В кодовых переключениях наиболее продуктивных тематических групп студентов «Учеба» и «Образ жизни» чаще всего представлено только денотативное значение, но изредка присутствует и функционально-стилистический коннотативный компонент. Например: *Some people think that some idea can be a good оправдание excuse of the crime. Мы также палимся или мы со skill-ами повыше?*

### Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования удалось установить следующее.

1. Наиболее частотным типом кодовых переключений являются вкрапления, среди которых для школьников более характерны «голые формы», а для студентов – пиджинизированные переключения, что объясняется особенностями их компетенции в гостевых языках. «Голые формы» отражают неуверенность в том, как оформлять иностранные слова в речи на родном языке и совмещать грамматические характеристики двух и более языков. Пиджинизированные переключения показывают, что индивид проявляет творческий подход к иноязычным единицам и активно применяет к их оформлению модели словообразования и словоизменения родного языка.

2. В большинстве случаев кодовые переключения выполняют предметно-тематическую функцию, что связано с тематикой речи как студентов, так и школьников: они обычно используют английские и немецкие единицы для обозначения тех явлений, которые связаны с иностранными языками и объектами, которые присутствуют в общении на этих языках.

3. В плане содержания большинства кодовых переключений как у студентов, так и у школьников самым заметным явлением стала их принадлежность к тематической группе «Учеба», что отражается в денотативном значении этих иноязычных единиц, связанных с учебной деятельностью. Более насыщенным в семантическом плане являются кодовые переключения студентов, в которых присутствует и коннотативное значение в виде функционально-стилистического компонента. Эмоциональный и оценочный компоненты коннотации проявляются в незначительной степени как у школьников, так и у студентов.

4. Типичное кодовое переключение школьников – собственно вкрапление или «голая форма» с денотативным компонентом (тематическая группа «Учеба»), выполняющее предметно-тематическую прагматическую функцию; у студентов – собственно вкрапление и пиджинизированное переключение с денотативным компонентом (тематические группы «Учеба» или «Образ жизни») и / или с функционально-стилистическим компонентом, и выполняющее предметно-тематическую прагматическую функцию.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, можно использовать при изучении кодовых переключений как лингвистического феномена в рамках курсов по билингвологии и билингвальной речи – для иллюстрации теоретических положений, касающихся структуры, прагматики и семантики кодовых переключений. Специфические случаи структуры кодовых переключений (например, комбинации пиджинизированное переключение + остров + дублированная морфология) могут послужить основой для дискуссий.

На основе материалов исследования возможна разработка практических заданий по определению структурного типа и вида кодового переключения, основной и сопутствующих прагматических функций, распределению кодовых переключений по тематическим группам. Задание может быть построено на сравнении структурных, прагматических и семантических

особенностей кодовых переключений, извлеченных из речи людей разного возраста, профессий, с разным уровнем компетенции и т. п. Результаты проведенного исследования могут быть использованы также при анализе перевода устной спонтанной речи, когда возникает вопрос о том, следует ли переводить кодовые переключения, и если да, то каким образом.

Дальнейшее исследование проблематики кодовых переключений предполагает их анализ и сопоставление в письменной речи у обучающихся с разным уровнем языковой компетенции и на различных этапах изучения иностранных языков. Перспективным является и расширение возрастных групп наблюдаемых (преподавателей школ, колледжей и университетов).

### **Литература:**

1. Poplack S., Meechan, M. Patterns in Language Mixture: Nominal Structure on Wolof-French and Fongbe-French Bilingual Discourse // *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 199–232.
2. Jakobson R. *Linguistics and Communication Theory // Selected Writings*. Word and Language. The Hague: Mouton, 1971. P. 570–578.
3. Чиршева Г. Н. Я живу in New York: Переключения на родной язык в учебной ситуации // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2012. № 2. С. 133–136.
4. Чиршева Г. Н. Вред сивой кобылы: Билингвальный и трилингвальный юмор студентов и преподавателей // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. № 5. С. 80–83.
5. Эбзеева Ю. Н., Тутова Е. В. Проблема переключения кодов и языковые контакты // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2012. № 3. С. 138–143.
6. Остапенко Т. С. Становление понятия «переключение кодов»: Междисциплинарный подход // *Социо- и психолингвистические исследования*. 2014. № 2. С. 171–176.
7. Денисова А. Е. Проявление гостевого языка в англоязычном художественном тексте // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 1. С. 50–55.
8. Myers-Scotton, C. *Duelling Languages: Grammatical Structures in Code-switching*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
9. Myers-Scotton C., Jake J. A Universal Model of Code-Switching and Bilingual Language Processing and Production // *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-Switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 336–357.
10. Исаева М. Г. Структурный анализ кодовых переключений в журнальных публикациях // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 36. С. 63–68.
11. Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5–11.
12. Хилханова Э. В., Папинова Ж. Б. К вопросу о терминах «переключение кодов», «вкрапления» и критериях их разграничения // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 2. С. 668–671.
13. Королева Л. Ю. Полилингвальное переключение кодов в академическом дискурсе // *Преподаватель XXI век*. 2020. № 1. С. 352–362.
14. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Переключения кодов в речи пятилетних детей-билингвов // *Вестник Томского государственного университета*. Филология. 2021. № 71. С. 169–184.
15. Auer P. From Code-Switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech // *International Journal of Bilingualism*. 1999. Vol. 3, № 4. P. 309–332.
16. Brice A. Code-Switching and Code-Mixing in the ESL Classroom: A Study of Pragmatic and Syntactic Features // *International Journal of Speech-Language Pathology*. 2000. Vol. 2, № 1. P. 19–28.

17. Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12. С. 63–68.
18. Артамонов А. С. Кодовое переключение как компонент интерактивного взаимопроникновения // Ученые записки. 2011. № 10. С. 129–132.
19. Tariq A. R., Bilal H. A., Abbas N., Mahmood A. Functions of Code-Switching in Bilingual Classrooms // Research on Humanities and Social Sciences. 2013. Vol. 3, № 14. P. 29–34.
20. Чиршева Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 6. Воронеж, 2008. С. 63–79.
21. Паутова С. М. Взаимосвязь структуры кодовых переключений с их прагматическими функциями в современных русскоязычных произведениях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. № 4. С. 103–109.
22. Тихомирова М. С. Кодовые переключения в Интернет-мемах: дис... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2021.
23. Доценко Т. И., Лещенко Е. Ю., Остапенко Т. С. Кодовые переключения как межъязыковые взаимодействия в ситуации комбинированного билингвизма (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции) // Вопросы психолингвистики. 2013. № 18. С. 78–89.
24. Чиршева Г. Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец: Изд-во Череповецкого гос. ун-та, 2000.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 7.11.2022

**Chirsheva G. N.**

*Cherepovets State University, Cherepovets, Russia*

**Kozhukhova M. A.**

*Helen Doron School of English for Children, Russia*

## **STRUCTURE, SEMANTICS AND PRAGMATICS OF CODE-SWITCHING IN THE SPEECH OF SECONDARY SCHOOL AND UNIVERSITY STUDENTS**

Code-switching is a complex phenomenon that varies in structure, semantics and pragmatics in different communicative situations. The aim of the study is to identify structural, semantic and pragmatic characteristics of code-switching in the speech of Russian schoolchildren and University students learning English and German as foreign languages. The data are 157 utterances containing 165 code switches extracted from oral spontaneous speech of 16 schoolchildren and 16 University students. Their bilingual speech samples were collected by means of non-participant observation and fixed with the help of voice-recorder for 32 hours (16 for schoolchildren and 16 for University students) from October till December, 2021. Comparative analysis was used as the main method to interpret the features of schoolchildren' and University students' code-switching. The results of the research demonstrated that the most productive for schoolchildren were insertions proper and bare forms performing message-oriented pragmatic function and intended to denote school objects associated with English classes. For University students most frequent structures were classical switches in the form of insertions proper performing message-oriented pragmatic function. Semantically, code-switches among University students were more complicated since they were intended not only to denote specific University objects, but also to express stylistically relevant shades of meaning. Though code-switching has already been studied within various frameworks, the correlation between structural, pragmatic and semantic characteristics of code-switching in the speech of Russian-speaking school and University students has been under-researched, which

provides originality of the present work.

*Key words:* code-switching, Russian, English, bilingual speech of schoolchildren, bilingual speech of University students.

*About the author:*

**Chirsheva Galina Nikolaevna**, Professor, Doctor of Philology, the Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia); e-mail: chirsheva@mail.ru.

ORCID ID 0000-0001-6627-693X. ResearcherID E-8827-2010.

**Kozhukhova Maria Andreevna**, English language teacher, Helen Doron School of English for children (Chita, Russia); e-mail: mariia\_medvedeva18@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0002-1393-4377.

### References:

1. Poplack, S., Meechan, M. "Patterns in Language Mixture: Nominal Structure on Wolof-French and Fongbe-French Bilingual Discourse." *One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching*. Cambridge, 1995, pp. 199–232.
2. Jakobson, R. "Linguistics and Communication Theory." *Selected Writings. Word and Language*, The Hague, 1971, pp. 570–578.
3. Chirsheva, G. N. "I Live in New York: Code-Switching to a Native Language in Classroom Situations." *Vestnik Cherepoveckogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 2, 2012, pp. 133–136.
4. Chirsheva, G. N. "Bullshit: Bilingual and Trilingual Humor of Students and Teachers." *Vestnik Cherepoveckogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 5, 2015, pp. 80–83.
5. Ebzeeva, Y. N., Tutova, E. V. "The Problem of Code-Switching and Language Contacts." *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzby Narodov, Linguistics*, no. 3, 2012, pp. 138–143.
6. Ostapenko, T. S. "The Development of the Notion "Code-Switching": Interdisciplinary Approach." *Sociolinguistic and Psycholinguistic Studies*, no. 2, 2014, pp. 171–176.
7. Denisova, A. E. "The Embedded Language in English Fiction." *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 1, 2019, pp. 50–55.
8. Myers-Scotton, C. *Duelling Languages: Grammatical Structures in Code-Switching*. Oxford, 1997.
9. Myers-Scotton, C., Jake, J. "A Universal Model of Code-Switching and Bilingual Language Processing and Production." *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-Switching*, Cambridge, 2009, pp. 336–357.
10. Isaeva, M. G. Structural Analysis of Code-Switching in Magazine Articles." *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 36, 2008, pp. 63–68.
11. Balakina, Y. V., Sosnin, A. V. "Theoretical Base for Code-Switching and Functioning of Borrowings in Contact Linguistics Framework." *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 2, 2015, pp. 5–11.
12. Khilkhanova, E. V., Papinova, Z. B. "On the Terms "Code-Switching", "Insertion", and the Criteria for their Differentiation." *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, no. 2, 2018, pp. 668–671.
13. Korolyova, L. Y. "Polylingual Code-Switching in Academic Discourse." *Prepodavatel' XXI vek*, no. 1, 2020, pp. 352–362.
14. Chirsheva, G. N., Korovushkin, P. V. "Code-Switching in the Speech of Five-Year-Old Bilingual Children." *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Philology*, no. 71, 2021, pp. 169–184.
15. Auer, P. "From Code-Switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech." *International Journal of Bilingualism*, vol. 3, no. 4, 1999, pp. 309–332.
16. Brice, A. "Code-Switching and Code-Mixing in the ESL Classroom: A Study of Pragmatic and Syntactic Features." *International Journal of Speech-Language Pathology*, vol. 2, no. 1, 2000, pp. 19–28.
17. Baghana, J., Blazhevich, Y. S. "On the Question of Code-Switching." *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 12, 2010, pp. 63–68.
18. Artamonov, A. S. "Code-Switching as a Component of Interactive Interrelation." *Research Notes*, no. 10, 2011, pp. 129–132.

19. Tariq, A. R., Bilal, H. A., Abbas, N., Mahmood, A. "Functions of Code-Switching in Bilingual Classrooms." *Research on Humanities and Social Sciences*, vol. 3, no. 14, 2013, pp. 29–34.
20. Chirsheva, G. N. "Code-Switching in Russian Students' Communication." *Language, Communication and Social Environment*, vol. 6, 2008, pp. 63–79.
21. Pautova, S. M. "Interrelation of Structural and Pragmatic Characteristics of Code-Switches in Modern Russian Fiction." *Scientific Result*, no. 4, 2018, pp. 103–109.
22. Tikhomirova, M. S. *Code-Switching in the Internet Memes*, Cand. Sci. (Philol.) Dissertation, Cherepovets, 2021.
23. Dotsenko, T. I., Leschenko E. Y., Ostapenko T. S. "Code-Switching as Interlingual Contacts in the Situation of Combinatory Bilingualism (on the Background of Professional Linguistic Development)." *Problems of Psycholinguistics*, no. 18, 2013, pp. 78–89.
24. Chirsheva, G. N. *Introduction to Child Bilingualism*. Cherepovets, 2000.

Received 7.11.2022

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-21-34

УДК: 811.512'255=124(045)

**Шамилов Р. М.**

*Нижегородский государственный лингвистический университет  
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЛИЧНЫХ ИМЕН В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА  
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ НА ЛАТИНИЦУ  
(НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОГО, АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО  
И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу опыта перехода на латинскую графику азербайджанского и турецкого языков. Рассматриваются способы личных имен с европейских языков, аналогично азербайджанскому и турецкому языкам, использующих латинский алфавит, на указанные тюркские языки и наоборот. Автор исходит из презумпции, что по способу решения проблемы передачи личных имен как особой категории имен собственных можно судить о том, насколько успешно проходит (будет проходить) лингвистическая интеграция любого языка, сменившего свое прежнее письмо на латиницу, в семью языков и культур, связанных друг с другом общностью использования латинизированных алфавитов. В этой связи актуальность исследования заключается в возможности научно обоснованного прогноза с учетом аналогичного опыта родственных языков и определения траектории развития казахского языка, намеревающегося перейти на латинскую графику. Цель исследования – изучить опыт перехода на латиницу тюркских языков.

Новизна исследования обусловлена выбором метода лингвистического прогноза, опирающегося исключительно на реальный опыт исследуемых языков и потому гарантирующего стопроцентную верифицируемость прогноза по итогам запланированного на ближайшее будущее полного перехода Казахстана на казахскую латиницу. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в методологическую базу сравнительно-сопоставительного изучения родственных языков и создания для них алфавитов, а также возможностью использования полученных результатов в дальнейших исследованиях, перед которыми будет стоять задача научного осмысления особенностей функционирования языка в переводческом аспекте после его перехода на новый алфавит.

В результате исследования удалось выявить способы передачи личных имен с/на

европейские языки, применяемые на сегодняшний день в турецком (абсолютный и относительно полный перенос) и азербайджанском (транскрипция и транслитерация) языках. Сквозь призму практического опыта указанных языков сделан объективный прогноз в отношении казахского языка на случай его полного перехода на латиницу. Автор приходит к выводу, что у казахского языка есть основания пойти как по пути турецкого языка, как языка государства, которому в определенной степени удалось успешно интегрироваться в Европу в культурном, экономическом и политическом плане, к чему, безусловно, стремится и Казахстан, так и по пути азербайджанского языка, с которым казахский язык роднит общее культурно-историческое прошлое.

*Ключевые слова:* латиница, перевод, языковая политика, личное имя, азербайджанский язык, казахский язык, турецкий язык.

*Сведения об авторе:*

**Шамилов Равиддин Мирзоевич**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Россия); e-mail: raviddin@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0002-6693-4397.

*«Имя человека – самый сладостный  
и самый важный для него звук на любом языке»  
Дейл Карнеги*

## **Введение**

Ожидается, что в недалеком будущем Казахстан полностью перейдет на латиницу. Столь ответственный шаг в социально-политической жизни страны, по словам бывшего президента Казахстана Н. А. Назарбаева, должен способствовать объединению Казахстана, являющего собой успешный пример межэтнического согласия и толерантности, с мировой культурой (цит. по [Смайыл, 2019]). Идея сама по себе неплохая, другое дело – какой в итоге окажется результат подобной лингвистической интеграции в Европу, где большинство языков для своей письменности также использует латинский алфавит. Этот результат, однако, представляется возможным спрогнозировать на основе изучения прецедентных случаев перехода языка, использовавшего ранее письменность на основе другого алфавита и впоследствии сменившего его на латиницу. Примечательно, что примерами таких языков могут послужить родственные казахскому языку по группе тюркских языков турецкий и азербайджанский языки. Как и в случае с казахским языком, смена алфавитов в турецком (латиницей был заменен арабский алфавит [1 Kasım 1928...]) и азербайджанском (латиница сменила кириллицу [25 dekabr 1991-ci il tarixli 34 sayli...]) языках, если вывести за скобки возможные политико-экономические мотивы, была обусловлена все тем же желанием сближения с Европой и приобщения к ее культуре вновь образованной после падения Османской империи Турецкой Республики в 20-х гг. прошлого столетия и обретшей независимость после развала СССР в 90-х гг. прошлого века Азербайджанской Республики.

Об успешности языковой интеграции в Европу можно судить, в числе прочего, по тому, каким образом передаются на европейских языках имена собственные с языков, перешедших на латиницу. Очевидно, что высшая степень интеграции в таком случае достигается, когда личные имена передаются таким же способом, как это происходит внутри самого европейского сообщества при переводе с одного европейского языка, имеющего в своей основе латинский алфавит, на другой, использующий пусть и несколько модифицированную диакритическими знаками, но тоже латиницу. Так, в соответствии с устоявшейся в Европе традицией, личные имена независимо от переводящего языка передаются не

транслитерацией и не транскрипцией, а простым переносом без каких-либо изменений с сохранением их исходного написания, к чему призывают, например, и разработанные Европейской комиссией ЕС методические рекомендации для авторов и переводчиков, осуществляющих перевод на английский язык [English Style Guide, 2022: 31].

Турецкий язык в этом отношении преуспел: именно вышеуказанным образом передаются личные имена с европейских языков на турецкий язык и почти так же с турецкого языка на любой европейский язык. Исходное турецкое написание имен собственных практически всегда остается единственно верным абсолютно для всех европейских языков, использующих латиницу.

Однако этого нельзя сказать об азербайджанском языке, с которого имена продолжают передаваться на разные европейские языки, можно сказать, опосредованно через русский язык путем транскрипции кириллических (записанных кириллицей) версий личных имен, т. е. так, словно азербайджанский язык продолжает (как в советское время) пользоваться кириллицей. И в результате для каждого европейского языка появляется свой вариант написания имени собственного. Стоит полагать, что причиной столь противоположных результатов реализации проекта по переходу на латиницу, в частности, в вопросе передачи личных имен, стали разное видение этой проблемы в целом и разная расстановка приоритетов, реализуемых в рамках языковой политики каждого из двух государств.

Цель настоящей статьи заключается в изучении опыта перехода на латиницу тюркских языков. Задача исследования:

- 1) изучить опыт перехода на латиницу на примере турецкого и азербайджанского языков;
- 2) провести сравнительно-сопоставительный анализ действующих способов передачи личных имен с этих языков и способов передачи, принятых в большинстве европейских языков;
- 3) спрогнозировать оптимальное решение проблемы перевода имен собственных для казахского языка.

## **1. Латиница для казахского языка**

Как уже было заявлено во введении нашей работы, в обозримом будущем в Республике Казахстан произойдет смена кириллицы на письменность на основе латинского алфавита. Внедрение латиницы является одним из проектов, вошедших в «повестку дня на ближайшие годы» и направленных на осуществление Третьей модернизации Казахстана, о начале которой весной 2017 г. в своей статье под названием «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» объявил действующий на тот момент глава Республики Казахстан Н. А. Назарбаев [Назарбаев, 2017]. Значимость этого проекта Н. А. Назарбаев объясняет следующим образом: «Переход на латиницу имеет свою глубокую историческую логику. Это и особенности современной технологической среды, и особенности коммуникаций в современном мире, и особенности научно-образовательного процесса в XXI веке» [Назарбаев, 2017]. Согласно плану, представленному в статье, переход казахского языка на латиницу планировалось проводить поэтапно в течение восьми лет. До конца 2017 г. предполагалось разработать и принять «единый стандартный вариант казахского алфавита в новой графике», с 2018 г. – приступить к подготовке кадров для преподавания казахского языка на основе нового алфавита, а также учебников для средних школ, последующие два года посвятить необходимой организационной и методической работе, а к 2025 г. – полностью перевести на латиницу все делопроизводство и издательскую деятельность в стране [Там же, 2017]. В соответствии с установленным графиком, были разработаны и переданы на рассмотрение несколько вариантов будущего алфавита, один из которых в итоге и был утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 г. № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» [Указ № 569]. Однако предложенная Н. А. Назарбаевым версия казахской латиницы, состоявшая из 32 букв, не получила широкого

распространения, прежде всего, из-за наличия в ней многочисленных апострофов, которые, по мнению пользователей, лишь вносят путаницу и делают текст нечитабельным, а также из-за неспособности передавать фонетическое многообразие казахского языка [Миклашевская, 2018]. Указанные недостатки с сохранением общего количества букв в алфавите казахстанскими лингвистами было предложено устранить с помощью диакритических знаков, а именно – акутов, а также диграфов, что и нашло отражение в новой версии алфавита, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан [Указ № 637]. В скорректированной версии латиницы на смену буквам **A' a'** [ə], **G' g'** [ɣ], **I' i'** [и, й], **N' n'** [ң, нг], **O' o'** [ə], **S' s'** [ш], **C' c'** [ч], **U' u'** [y], **Y' y'** [y] пришли **Á á** [ə], **Ĝ ĝ** [ɣ], **I, i** [и, й], **Ń ń** [ң], **Ó ó** [ə], **Sh sh** [ш], **Ch ch** [ч], **Ú ú** [y], **Ý ý** [y] соответственно.

Из истории письменности казахского языка можно установить, что упомянутая выше попытка реформирования алфавита является отнюдь не первой. Первая попытка внедрения алфавита на основе латинской графики была предпринята в ходе реализации языковой политики, принятой в СССР в 20-е гг. прошлого столетия. Как отмечает Д. А. Аманжолова, «языковая политика большевиков являлась частью комплекса мер по утверждению социальной справедливости и самоопределения народов, тем более что уровень грамотности большинства населения бывшей Российской империи был неудовлетворительным, более 60 народов не имели письменности, часть из них, в том числе казахи, использовали арабский шрифт» [Аманжолова, 2017: 172]. Результатом реализации этой языковой политики стало введение в употребление 25 июля 1929 г. утвержденного ЦИК и правительством КазАССР нового казахского алфавита на основе латиницы [Аманжолова, 2017: 173]. Официально латиница сохранялась до 1940 г., хотя переход на эту графику в различных сферах жизни общества и государства проходил с переменным успехом.

О трудностях на пути к достижению полного перехода на новый казахский алфавит и отказа от арабского письма говорится, к примеру, в протоколе заседания ЦИК КазАССР 1 января 1932 г. Согласно этому протоколу, к 1932 г. введение латиницы наиболее активно проходило в учебных заведениях, чего нельзя было сказать о госаппарате, где краевые учреждения перешли на новый алфавит на 60%, районные – всего лишь на 40%, а в некоторых районах и вовсе продолжали, как и прежде, использовать арабский алфавит [Саятова и др. 2020: 581]. Отсутствие значимых результатов в переводе населения республики на латиницу привело к необходимости очередного реформирования письменности в 1940 году, и на этот раз в основу алфавита легла кириллица, которая продолжает использоваться в Казахстане и на сегодняшний день.

Исходя из вышесказанного, первой казахской латинице так или иначе удалось просуществовать одиннадцать лет. Что же касается утвержденного при Н. А. Назарбаеве алфавита, действующим руководством республики принято решение отсрочить полный переход на новую графику, запланированный, как уже было отмечено, на 2025 г. Объяснение этому можно найти в речи нынешнего президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева, прозвучавшей на первом заседании Национального курултая 16 июня 2022 г.: «<...> Некоторые представители общественности обеспокоены тем, что мы до сих пор не можем отойти от кириллицы. Прежде всего, это очень сложный, с лингвистической точки зрения, вопрос. Это следует хорошо понимать. <...> Перейти с кириллицы на латиницу искусственным путем, только лишь заменив соответствующие буквы, невозможно. В противном случае это приведет к большой ошибке. Самое главное, чтобы граждане, особенно наша молодежь, четко знала порядок написания всех слов казахского языка латиницей. То есть надо пересмотреть правила правописания, которые имеются в нашем языке. <...> Я поручил Институту языкознания провести специальную работу над новой орфографией казахского языка. Только тогда можно будет говорить о переходе на латиницу. Мы не должны торопиться. <...>» (здесь и далее перевод мой. – *Р. Ш.*) [Токаев, 2022].

Независимо от того, как скоро мы станем свидетелями установления в Казахстане латиницы в качестве единственной графики для письма на казахском языке, рискнем

предположить, что перед казахстанскими лингвистами поставлена задача выработать рекомендации относительно передачи имен собственных, в частности, личных имен, с казахского языка на европейские языки, использующие латинскую графику, и наоборот. С определенной долей уверенности можно сказать, что от принятого в этом вопросе решения будет зависеть успешность лингвокультурной интеграции Казахстана в европейскую семью языков и культур. Мы можем предположить, что для нахождения оптимального решения специалистами будет изучен соответствующий опыт стран, которые по историческим меркам сравнительно недавно также перешли на латинскую графику. В этой связи, на наш взгляд, определенный интерес мог бы представить опыт практического применения латинской графики двух языков, родственных казахскому по принадлежности к общей группе тюркских языков, а именно – турецкого и азербайджанского языков. Если опираться на опыт этих языков, в частности, в вопросе передачи личных имен с / на европейские языки, казахский язык, как нам видится, может пойти по одному из двух противоположных сценариев – по сценарию турецкого языка или же по сценарию азербайджанского языка.

## 2. Сценарий турецкого языка

Современный алфавит турецкого языка на основе латиницы берет свое начало с Закона № 1353 «О принятии и применении турецких букв» (*Türk Harflerinin Kabul ve Tetbiki Hakkında Kanun*), который был принят руководством Турецкой Республики во главе с М. К. Ататюрком 1 ноября 1928 г. Разработанная с целью замены арабского письма, на котором и был написан текст закона на момент его публикации в № 1030 «Официальной газеты Турецкой Республики» (*T. C. Resmî Gazete*) от 03.11.1928 [1 Kasım 1928...], турецкая латиница состоит из 29 букв. Некоторые из букв алфавита содержат диакритические знаки – **Ç ç** [ч], **Ğ ğ** [г, без звука], **Ö ö** [о, ё], **Ş ş** [ш], **Ü ü** [у, ю], одна буква в целях ее разграничения от схожей по звучанию другой буквы (**İ i** [и]) лишена исходного знака – **ı** [ы]. Одна буква, сохраняя исходное написание, обретает турецкое звучание – **С с** [дж]. В дополнение к буквам алфавита в некоторых словах над гласными для смягчения предыдущей согласной может использоваться циркумфлекс: **â, î, û**.

На сегодняшний день передача имен собственных с европейских языков, использующих латиницу, на турецкий язык регламентируется правилами, установленными Институтом турецкого языка при Высшем совете культуры, языка и истории Турецкой Республики им. Ататюрка (*T.C. Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu*). В первом из пунктов, посвященных передаче на турецкий язык имен собственных с языков, использующих латинскую графику, говорится следующее:

«1. Имена собственные, принадлежащие языкам, использующим для письма латинские буквы, следует передавать в их исходном написании: *Beethoven, Byron, Cervantes, Chopin, Eminescu, Grimm, Horatius, Molière, Puccini, Rousseau, Shakespeare; Bologna, Buenos Aires, Iorga, Ile-de-France, Karlovy Vary, Latium, Loire, Mann, New York, Nice, Rio de Janeiro, Vaasa, Wuppertal* и т. д. В скобках можно указать, как произносятся подобные имена на исходных языках: *Shakespeare (Şekspir)* и т. д.» [Yabancı Özel Adların ..., 2022]. Тут важно сделать оговорку (впрочем, суть этой оговорки изложена во втором пункте правил), что речь идет о тех именах собственных, которые не имеют уже устоявшихся соответствий на турецком языке (*Napolyon, Şarlken, Şarl (Demirbaş Şarl); Atina, Brüksel, Cenevre, Londra, Marsilya, Münih, Paris, Roma, Selânik, Venedik, Viyana, Zürich; Hollanda, Letonya, Lüksemburg*).

Пользователи турецкого языка (авторы, переводчики, редакторы и др.) неукоснительно соблюдают предписанное правило. Наиболее наглядными примерами в подтверждение этому могут послужить фрагменты из различных материалов, опубликованных в турецких СМИ. Возьмем, к примеру, отрывки из текстов изданий на турецком языке, в которых освещаются актуальные на сегодняшний день события из мира политики, науки, спорта и т. д.:

1. *İtalya'da pazar günü Temsilciler Meclisi ve Senato üyelerinin belirlendiği erken genel seçimleri, aşırı sağcı lider Giorgia Meloni'nin "İtalya'nın Kardeşleri Partisi" (FdI) kazandı*

(Milliyet, 27.09.2022).

2. NATO Genel Sekreteri **Jens Stoltenberg** ile Avrupa Komisyonu Başkanı **Ursula von der Leyen**, Belçika'nın başkenti Brüksel'de bir araya geldi. NATO ve AB, işbirliği konusunda Ortak Deklarasyon yayınlamayı planlıyor (Hürriyet, 26.09.2022).

3. Curtin Üniversitesi'nden araştırmayı yöneten **Kate Trinajstić**, Birleşik Krallık'ın (BK) kamu yayımcısı BBC'ye açıklamasında, "Bu evrimimizde çok önemli bir nokta. İlk dönemlerden beri evrimleşen vücut yapımızı ortaya koyuyor. Bunu ilk defa bu fosillerde görüyoruz" dedi (Cumhuriyet, 20.09.2022).

4. Son karşılaşmalar öncesinde B Ligi'ne düşmesi kesinleşen İngiltere, sahasında Almanya ile 3-3 berabere kaldı. Ev sahibinin golleri, 71'inci dakikada **Luke Shaw**, 75'inci dakikada **Mason Mount** ve 83'üncü dakikada penaltıdan **Harry Kane**'den gelirken; Almanya'nın gollerini ise 52'nci dakikada penaltıdan **İlkay Gündoğan** ve 67 ile 87'nci dakikalarda **Kai Havertz** kaydetti (Habertürk, 27.09.2022).

Несколько отличается положение дел в переводе в обратном направлении. Сложно найти однозначное объяснение, почему в разных источниках в пределах одного и того же языка по-разному подходят к передаче турецких имен собственных. Казалось бы, на этот счет имеются соответствующие предписания, и почему бы им не следовать? Например, в методических рекомендациях авторам, пишущим на английском языке, и переводчикам, выполняющим переводы на этот язык для Европейской комиссии, содержится следующее предписание:

«5.2. Личные имена должны записываться с сохранением исходных диакритических знаков. Например: Cañete, Malmström, Šefčovič. <...>» [English Style Guide, 2022: 31].

Это требование, не содержащее в себе какого-либо ограничения по языку или диакритическому(-им) знаку(-ам) и потому допускающее самую широкую интерпретацию с точки зрения его применимости на практике, судя по многочисленным материалам, публикуемым в англоязычных СМИ, не всегда выполняется в полном объеме, когда авторам (переводчикам, редакторам и др.) приходится иметь дело с именами собственными турецкого происхождения. Достаточно сравнить материалы различных изданий, например, на английском языке, чтобы убедиться, что турецкие имена собственные переводятся одним из двух способов полного переноса, причем выбор того или иного способа – личное решение издания, продиктованное принятой им редакционной политикой. Иначе как объяснить разное написание одного и того же имени в двух (трех) изданиях одной страны? В то же время, по всей видимости, эта политика не исключает возможности одновременного использования (в рамках разных текстов, разумеется) обоих способов перевода. В этом можно убедиться, если в поисковую строку на официальном сайте издания поочередно ввести имя собственное в двух вариантах его написания – в исходном турецком с сохранением всех диакритических знаков и, назовем его условно, «европейском» без сохранения этих знаков. Для наглядности можно взять, к примеру, имя и фамилию действующего министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу, которые суммарно содержат четыре буквы с диакритическими знаками: **Mevlüt Çavuşoğlu**. Варианты перевода указанного личного имени тем или иным способом в материалах, размещенных на официальных сайтах некоторых британских и американских изданий, представлены ниже.

1. Относительно полный перенос (без сохранения диакритических знаков):

- “Many Asian countries, especially Malaysia and Indonesia, show great interest in our defence industry products. Agreements are being signed,” Turkish foreign minister **Mevlut Cavusoglu** told a press conference in Tokyo (Reuters, 26.09.2022).
- At the United Nations, the change was requested in a letter from Foreign Minister **Mevlut Cavusoglu** of Turkey that was received on Wednesday and took effect immediately, according to a spokesman for the U.N. (The New York Times, 02.06.2022).
- Turkish Foreign Minister **Mevlut Cavusoglu** on Sunday began his trip to Greece with

*an unofficial visit to the northeastern province of Thrace, where most of Greece's Muslim minority resides* (Independent, 30.05.2021).

- *But Turkey's foreign minister, **Mevlut Cavusoglu**, told reporters the agreement was only a "pause" in Turkey's latest military operation against its long-standing regional enemy. "We got what we wanted," Cavusoglu said* (Time, 17.10.2019).

2. Абсолютный перенос (с сохранением диакритических знаков):

- *The Turkish foreign minister **Mevlüt Çavuşoğlu** held a meeting yesterday in Ankara between Syrian opposition and the regime aimed at establishing a "permanent" solution to the ongoing crisis, according to Russian news agencies* (Independent, 28.12.2016).
- *The comments by the foreign minister, **Mevlüt Çavuşoğlu**, came moments after the Israeli prime minister, Yair Lapid, announced the resumption of full diplomatic relations, including the reappointment of ambassadors* (The Guardian, 17.08.2022).
- *"A dialogue process began with Israel after the new government took office," said Turkish Foreign Minister **Mevlüt Çavuşoğlu**, in an apparent reference to Israel's longest-serving leader, Benjamin Netanyahu, who left office in June 2021. "The appointment of ambassadors was among the steps we said we would take to normalize relations."* (Time, 18.08.2022).

Так обстоят дела в вопросе передачи с / на европейские языки личных имен с турецкого языка и наоборот сегодня. Однако нельзя исключать, что со временем под влиянием новых политических, социальных, экономических и пр. факторов может возникнуть необходимость в том, чтобы потребовать – причем это требование должно будет исходить непосредственно от государства – написания личных имен одним единственным способом. Вполне вероятно, что выбор будет сделан в пользу точного воспроизведения исходного написания. Тот факт, что по просьбе властей Турции ООН недавно одобрила изменение написания страны во всех официальных документах на языках, письменность которых основана на латинской графике, с *Turkey, Türkei, Turquie* и т. п. на единственно допустимое отныне *Türkiye* (см. [Шустрова, 2022]), наводит на мысль о том, что первый шаг в этом направлении уже сделан.

### 3. Сценарий азербайджанского языка

Своим рождением, а точнее, возрождением, учитывая прежний советский опыт (1928–1939) использования латинского алфавита, современная азербайджанская латиница обязана Решению Совета национальностей Верховного совета Азербайджанской Республики от 25 декабря 1991 г. № 34 «О правилах вступления в силу Закона Азербайджанской Республики «О восстановлении азербайджанского алфавита на основе латинской графики»» («*Latin qrafikalı Azərbaycan əlifbasının bərpası haqqında*» Azərbaycan Respublikası Qanununun qüvvəyə minməsi qaydası barədə) [25 dekabr 1991-ci il tarixli 34 saylı...]. Днем полного перехода азербайджанского языка на латиницу считается 1 августа 2001 г. Именно эта дата, которая сегодня в Азербайджанской Республике отмечается как День азербайджанского алфавита и языка, была указана в качестве крайнего срока для обеспечения «полного перехода на латинскую графику газет, журналов, бюллетеней, книг и других печатных изданий, издаваемых в стране на азербайджанском языке» в Указе Президента Азербайджанской Республики от 18 июня 2001 г. № 506 «Об усовершенствовании дела применения государственного языка» [18 iyun 2001-ci il tarixli 506 saylı...]. Содержащий 32 буквы, азербайджанский алфавит буквенным составом полностью повторяет турецкий алфавит, но дополнен тремя буквами, которых нет в турецком: **Ə ə** [a, e], **X x** [x], **Q q** [ɣ].

Если способом передачи турецких личных имен с / на европейские языки, использующие латиницу и наоборот, является перенос (относительно полный или абсолютный), то в случае с азербайджанским языком традиционными способами передачи личных имен считаются транслитерация и транскрипция. *Транслитерация* (с той степенью точности, которую позволяет латиница конкретного европейского языка) как прием перевода

применяется для передачи азербайджанских личных имен на европейские языки, в основе письменности которых лежит латинская графика. Для осуществления же перевода иноязычных (европейских) личных имен на азербайджанский язык используется *транскрипция*. Сказанное можно подтвердить на примере следующего информационного сообщения, повествующего о встрече между министром иностранных дел Азербайджана Джейхунуом Байрамовым (азерб. Ceyhun Bayramov) и президентом США Джо Байденом (англ. Joe Biden), и опубликованного пресс-службой МИД Азербайджанской Республики на азербайджанском и английском языках на официальном сайте ведомства.

- *21 sentyabr tarixində Azərbaycan Respublikası xarici işlər naziri Ceyhun Bayramov Nyu Yorkda BMT Baş Assambleyasının 77-ci sessiyasının yüksək səviyyəli həftəsi çərçivəsində Amerika Birləşmiş Ştatlarının Prezidenti Co Bayden tərəfindən təşkil edilən rəsmi qəbulda iştirak edib (No: 438/22).*
- *On September 21, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan Jeyhun Bayramov participated in the official reception organized by the President of the United States of America Joe Biden on the sidelines of the high-level week of the 77th session of the UN General Assembly in New York (No: 438/22).*

Для демонстрации разительного контраста между подходами к передаче личных имен с азербайджанского и турецкого языков, например, на английский язык можно привести следующий фрагмент из новостного сообщения из британской газеты *The Guardian*, в котором фигурируют уже упоминавшиеся нами министры иностранных дел Турции и Азербайджана:

*“Armenia should cease its provocations and focus on peace negotiations and cooperation with Azerbaijan,” Turkey’s foreign minister, Mevlüt Çavuşoğlu, tweeted after a phone call with his Azerbaijani counterpart, Jeyhun Bayramov (The Guardian, 13.09.2022).*

Каждый, кому довелось хоть раз переводить документы, знает, что транслитерация и транскрипция были и продолжают оставаться единственно правильными приемами передачи имен собственных, когда языковые пары представлены языками, использующими для письма совершенно разные алфавиты. Так, именно транслитерацией и транскрипцией передаются имена собственные с русского языка на абсолютно все языки, не использующие кириллицу, и наоборот. С помощью этих же приемов сегодня продолжают выполнять передачу личных имен с еще не перешедшего на латиницу казахского языка. К этим же приемам прибегали в «кириллическую эпоху» (1940–1991) и переводчики с / на азербайджанский язык. Однако то обстоятельство, что транслитерация и транскрипция продолжают, оставаться в силе в азербайджанском языке и сегодня, спустя тридцать лет после принятия решения о переходе на латинскую графику и двадцать один год с начала ее повсеместного употребления, у азербайджанской общественности вызывает сомнение целесообразность сохранения изживших себя способов передачи личных имен. Сам по себе этот факт частью населения страны рассматривается как настоящая проблема, которую в обязательном порядке необходимо решить. Свою обеспокоенность и точку зрения по этому вопросу в публикациях на различных порталах, блогах и сайтах выражают, прежде всего, те, чья профессиональная деятельность так или иначе связана с языком, – журналисты, переводчики, редакторы, писатели, публицисты и др. Определенный интерес представляют соображения некоторых из них.

Суть недостатка продолжения использования транслитерации и транскрипции, к примеру, публицист Э. Мирзоев излагает следующим образом: «<...> Можно сказать, что во всех языках и странах (в том числе в Турции!), в которых используются латинские буквы, имена и фамилии людей пишутся без каких-либо изменений, мы же в свою очередь имена всех людей, даже имена исторических личностей, записываем, по-прежнему, используя транскрипционную систему так, как мы это слышим, без какой-либо логики (напр., *İ. S. Vax* вместо *I. S. Bach* (страшное в этом случае заключается в том, что с такой фамилией есть малоизвестный английский композитор!), *Kondoliza Rays* вместо *Condoleezza Rice*, *Corc Buş*

вместо *George Bush*, *Rixard Vaqner* вместо *Richard Wagner*, <...> *Eko* вместо *Eco*), что в итоге приводит к тотальной безграмотности и неточности. <...>» [Mirzəyev, 2010].

Разобраться в том, на каком основании люди принимают решение о выборе конкретного варианта перевода на азербайджанский язык личных имен европейского происхождения и какой логикой они при этом руководствуются, пытается выяснить журналист Н. Алиева: «*Stefan Sveyq*, *Ştefan Çveyq* или все же *Ştefan Tsveyq*? На самом деле, ни один из них! Правильный вариант – это тот, который представлен в документе, удостоверяющем личность, т. е. *Stefan Zweig*! <...> Указанные три варианта перевода имени известного австрийского писателя Стефана Цвейга я взяла со страницы сайта <...>, на котором был размещен перевод на азербайджанский язык новеллы «Письмо незнакомки», выполненный переводчиком Илькином Сеидзаде, а также с его собственного сайта. <...> Тот факт, что у нас принято «переводить» имя и фамилию человека, но это было бы еще полбедеды, переводят их неправильно и, более того, в одном и том же тексте предлагаются два и более вариантов «перевода» <...> указывает на плачевное состояние, в котором мы пребываем сегодня в этом вопросе. Немецкая, английская, французская, американская пресса имя итальянского происхождения *Giovanni* передает так же, как и сами итальянцы – *Giovanni*. Азербайджанская же пресса – это имя азербайджанизирует и «переводит» на азербайджанский язык как *Covanni*. <...> Личные имена — это особая категория имен и должны писаться так же, как в оригинале. <...>» [Əliyeva, 2011].

Своего возмущения не скрывает и известный в Азербайджане композитор Ф. Аллахверди: «<...> Записываемую нами как *Şekspir* фамилию вся семья алфавитов на основе латиницы передает как *Shakespeare*. Только мы, как кукушки, пишем *Şekspir*. Так почему же? А потому, что одно время мы пользовались кириллицей (и, конечно же, были обучены транскрипции иностранных имен собственных с помощью кириллицы), и сегодня мы создали поразительный синтез двух традиций передачи имен. <...> Если мы пользуемся латинской графикой, это значит, что мы являемся полноправным членом семьи латинских алфавитов. Мы должны уважать других, а другие – нас. Если мы фамилию их писателя записываем как *Shakespeare*, то и они, например, фамилию нашего певца должны писать как *Üzeyir Mehdizadə*, а не *Uzeyir Mehdizada* или *Mehdi-zadeh* <...>» [Allahverdi, 2011].

Для доведения актуальной проблемы до внимания академической среды и приглашения коллег к дискуссии соответствующая попытка была предпринята переводоведом и практикующим переводчиком, профессором Азербайджанского университета языков Гылынджханом Байрамовым. В своем докладе, прозвучавшем на Международной научной конференции «Межкультурный диалог: лингвистические, педагогические и литературные аспекты» (*Mədəniyyətətlərarası Dialoq: Linqvistik, Pedaqoji və Ədəbi Aspektlər*), прошедшей с 25 по 26 ноября 2010 г. в Баку Г. Байрамов на примере множества неудачных переводов указывает на первостепенную важность решения проблемы, которая заключается в буквальном смысле в трансформации имен собственных при передаче с одного языка на другой, и обращается ко всем со следующими словами призыва: «<...> Давайте не будем адаптировать наши имена, давайте хотя бы на языки, использующие латинскую графику, будем передавать их, как есть. Давайте при переводе личных имен собственных с языков с письмом на латинице сохранять их исходное написание. В таком случае, никто не сможет трансформировать наши имена, как им заблагорассудится, и наши имена не будут искажаться. <...>» [Bayramov, 2010].

Несмотря на призывы отдельных граждан, равнодушных к обозначенной проблеме, с чьими воззрениями одиннадцати- и двенадцатилетней давности мы ознакомились выше, наличие несчетного количества примеров, подобных тем, которые нами были представлены в этом разделе, подтверждает, что проблема передачи личных имен собственных в Азербайджане продолжает оставаться, и что по истечении очередного десятилетия ситуация с мертвой точки она так и не сдвинулась. Найдут ли отклик эти и подобные им призывы в будущем – вопрос открытый.

## Заключение

В заключение настоящего исследования позволим себе спрогнозировать, на каком из рассмотренных сценариев с большей долей вероятности может остановить свой выбор Казахстан. Учитывая ту геополитическую и геоэкономическую роль, на которую претендует Казахстан в разрешении глобальных и региональных проблем, его стремление к укреплению своего авторитета на международной арене и желание интегрироваться в общеевропейскую семью языков и культур, велика вероятность, что, перейдя на латиницу, казахский язык пойдет по пути турецкого языка, поскольку многолетний непрерывный проверенный временем опыт именно этого языка представляется оптимальным средством в обеспечении достижения стоящих перед страной целей и задач и ее скорейшего сближения с Европой. С другой стороны, с азербайджанским языком казахский язык связывают общее историческое прошлое, общий опыт непродолжительного использования латинской графики, а также общий опыт употребления кириллицы. И с этой точки зрения, нет объективных оснований исключать вероятность того, что, по крайней мере, на первых порах после перехода на новую казахскую латиницу в Казахстане личные имена собственные по инерции будут продолжать передавать транскрипцией, т. е. сложится ситуация, аналогичная той, которая наблюдается в Азербайджане сегодня. Какой вариант записи своего имени на европейских языках в итоге предпочтет для себя действующий глава Казахстана, на чью долю, по всей вероятности, выпадет счастливая участь сделать, в определенной степени, судьбоносный для страны выбор, – транскрибированное с казахской кириллицы *Kassym-Jomart Tokayev* или исходное казахское *Qasym-Jomart Toqayev* – покажет время. Как говорится, поживем – увидим.

## Литература:

1. Смайл М. Назарбаев напомнил о переходе на латиницу // Tengrinews.kz. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://tengrinews.kz/kazakhstan\\_news/nazarbaev-napomnil-o-perehode-na-latinitu-379885/](https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-napomnil-o-perehode-na-latinitu-379885/).
2. 1 Kasım 1928 tarih 1353 sayılı “Türk Harflerinin Kabul ve Tatbiki Hakkında Kanun” // Resmî Gazete. Tarihi: 03.11.1928. Sayı: 1030. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/1030.pdf>.
3. 25 dekabr 1991-ci il tarixli 34 sayılı «Latin qrafikalı Azərbaycan əlifbasının bərpası haqqında» Azərbaycan Respublikası Qanununun qüvvəyə minməsi qaydası barədə Azərbaycan Respublikası Ali Soveti Milli Şurasının Qərarı // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi Hüquqi aktların vahid elektron bazası. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-qanun.az/framework/6804>.
4. English Style Guide: A Handbook for Authors and Translators in the European Commission, 2022.
5. Назарбаев Н. А. Взгляд в будущее: Модернизация общественного сознания // Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.akorda.kz/ru/events/akorda\\_news/press\\_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya](https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya).
6. Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 года № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» // Юрист. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=36104889&pos=3;-108#pos=3;-108](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36104889&pos=3;-108#pos=3;-108).
7. Миклашевская А. Казахстанские ученые не понимают президентских апострофов // Коммерсантъ. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3521512>.
8. Указ Президента Республики Казахстан от 19 февраля 2018 года № 637 «О внесении изменения в Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 года № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику»». [Электронный ресурс] // Юрист. Режим доступа: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=34288412&pos=2;-108#pos=2;-108](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34288412&pos=2;-108#pos=2;-108).

9. Аманжолова Д. А. Некоторые вопросы реформирования письменности в Казахстане в 1920–1936 // Үлкен Алтай әлемі. 2017. Вып. 3 (2). С. 172–187.
10. Саятова А. С., Шахиева А. М., Аликеева Г. М. 20-е годы прошлого века: История введения латинского алфавита в казахскую письменность // Вестник КАЗНМУ. 2020. № 4. С. 577–581.
11. Токаев К.-Ж. К. Выступление Главы государства на первом заседании Национального курултая // Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 16 июня 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-pervom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-165936>.
12. Yabancı Özel Adların Yazılışı // Т. С. Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tdk.gov.tr/icerik/yazim-kurallari/yabanci-ozel-adlarin-yazilisi/>.
13. İtalya’da aşırı sağ iktidar oldu // Milliyet. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.milliyet.com.tr/dunya/italyada-asiri-sag-iktidar-oldu-6831335>.
14. Stoltenberg ve von der Leyen Brüksel’de bir araya geldi // Hürriyet. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/stoltenberg-ve-von-der-leyen-brukselde-bir-araya-geldi-42143712>.
15. Dünyanın en eski kalbi bulundu // Cumhuriyet. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.cumhuriyet.com.tr/bilim-teknoloji/dunyanin-en-eski-kalbi-bulundu-1983076?utm\\_medium=Kategori%20Sayfasi&utm\\_source=Cumhuriyet&utm\\_campaign=Kategori%20Sayfasi](https://www.cumhuriyet.com.tr/bilim-teknoloji/dunyanin-en-eski-kalbi-bulundu-1983076?utm_medium=Kategori%20Sayfasi&utm_source=Cumhuriyet&utm_campaign=Kategori%20Sayfasi).
16. İngiltere: 3 – Almanya: 3 MAÇ SONUCU // Habertürk. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.haberturk.com/ingiltere-3-almanya-3-mac-sonucu-3523889-spor>.
17. Turkey Says Malaysia, Indonesia Interested in Buying Armed Drones // Reuters. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/turkey-says-malaysia-indonesia-interested-buying-armed-drones-2022-09-26/>.
18. Now It’s Türkiye, Not Turkey, at the United Nations // The New York Times. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2022/06/02/world/europe/turkiye-turkey-united-nations.html?searchResultPosition=3>.
19. Turkey and Russia Agree Terms of Syria Ceasefire, State Media Reports // Independent. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/turkey-russia-agree-terms-of-syria-ceasefire-state-media-reports-a7498346.html>.
20. Kurds Await Fate as Trump, Turkey Celebrate Temporary “Ceasefire” // Time. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://time.com/5704368/turkey-temporary-ceasefire-syria/>.
21. Turkey’s Foreign Minister Cavusoglu Begins Visit to Greece // Independent. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/turkeys-foreign-minister-cavusoglu-begins-visit-to-greece-mevlut-cavusoglu-kyriakos-mitsotakis-turkey-muslim-receptauyip-erdogan-b1856680.html>.
22. Turkey Vows to Back Palestinians Despite Restoring Israel Ties // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/17/turkey-vows-back-palestinians-despite-restoring-israel-ties>.
23. Turkey and Israel Are Normalizing Ties Again. It Will Be a Long, Uncertain Path // Time. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://time.com/6206992/turkey-israel-normalization/>.
24. Шустрова М. Больше не «индейка»: ООН переименовала Турцию // Газета.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/02/14937416.shtml>.
25. 18 iyun 2001-ci il tarixli 506 sayılı “Dövlət dilinin tətbiqi işinin təkmilləşdirilməsi haqqında” Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı // Azərbaycan Respublikasının Ədliyyə Nazirliyi Hüquqi aktların vahid elektron bazası. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-qanun.az/framework/3568>.
26. No: 438/22, Azərbaycan Respublikası Xarici İşlər Nazirliyinin Mətbuat xidməti idarəsinin nazir Ceyhun Bayramovun Amerika Birləşmiş Ştatlarının Prezidenti Co Bayden tərəfindən təşkil edilən rəsmi qəbulda iştirakına dair məlumatı // Azərbaycan Respublikası Xarici İşlər Nazirliyi.

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.az/az/news/no43822>.
27. No: 438/22, Information of the Press Service Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan on the Participation of Minister Jeyhun Bayramov in the Official Reception Organized by the President of the United States of America, Joe Biden // Republic of Azerbaijan Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mfa.gov.az/en/news/no43822>.
  28. About 100 Troops Killed in Clashes between Armenia and Azerbaijan // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/13/deadly-clashes-erupt-in-disputed-territory-between-azerbaijan-and-armenia>.
  29. Mirzəyev E. Siz Latinca yaza bilirsiniz? // Elmir Mirzəyevin bloqu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elmirmirzoev.wordpress.com/2010/05/20/siz-latinca-yaza-bilirsiniz/>.
  30. Əliyeva N. Hansı əsasla? Hansı məntiqlə? // Azadlıq Radosu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.azadliq.org/a/24306743.html>.
  31. Allahverdi F. Transliterasiya problemi // Firudin Allahverdinin bloqu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://fallahverdi.blogspot.com/2011/07/transliterasiya-problemi\\_26.html](http://fallahverdi.blogspot.com/2011/07/transliterasiya-problemi_26.html).
  32. Bayramov Q. Adların transformasiya problemi (müzakirə təriqilə) // Mədəniyyətlərarası Dialoq: Linqvistik, Pedaqoji və Ədəbi Aspektlər, 25–26 noyabr 2010 (Bakı, Azərbaycan). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://happytranslating.wordpress.com/2011/09/23/xususi-adlarin-t%c9%99cum%c9%99si-problemi-1-ci-hiss%c9%99-3/>.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 10.11.2022

**Shamilov R. M.**

*N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny  
Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

## **THE ISSUE OF RENDERING PERSONAL NAMES IN THE CONTEXT OF TRANSITION OF TURKIC LANGUAGES TO THE LATIN SCRIPT (A CASE STUDY OF AZERBAIJANI, TURKISH AND KAZAKH LANGUAGES)**

The paper deals with a comparative and contrastive analysis of the experience Azerbaijani and Turkish languages have gained in the transition to the Latin script. The methods of rendering personal names from European languages which, similarly to Azerbaijani and Turkish, use the Latin alphabet into the specified Turkic languages and vice versa are considered. The author presumes that the way a problem of rendering personal names as a special category of proper names is solved provides the grounds for giving an opinion on how successful the integration of a language that has switched to a Latin-based alphabet into a family of languages and cultures sharing the similar Latin alphabets has been or is going to be. In this respect, the study is topical since it enables one, by considering similar experiences of the languages involved, to forecast the trajectory the Kazakh language, intending to switch to the Latin-based alphabet in the near future, is going to follow.

The novelty of the study consists in the linguistic forecasting method applied, which implies solely the study of the real experience of the languages subject to study and therefore provides the forecast with one hundred percent verifiability to be achieved once Kazakhstan has entirely transitioned to the Latin script. The theoretical value of the research consists in a contribution it makes to the methodological basis of the comparative and contrastive studies of related languages, including the creation of alphabets for them, as well as in a possibility of making use of the results achieved herein in further studies aimed at theoretical comprehending the peculiarities of a language functioning in the translation aspect after its transition to a new alphabet.

The study has made it possible to identify the methods of rendering personal names from/to European languages, used nowadays in Turkish (absolute and relatively complete transfer) and Azerbaijani (transcription and transliteration) languages. Through the prism of practical experience of these languages, an objective forecast is made with respect to the Kazakh language in case of its complete transition to the Latin-based alphabet. The paper concludes that the Kazakh language has reasons to follow either the way of Turkish, as the language of the state, which to a certain extent has managed to successfully integrate into Europe in cultural, economic and political terms, and what Kazakhstan certainly strives for, or the way of Azerbaijani, to which the Kazakh language is connected with ties of a shared cultural and historical past.

*Key words:* latin script, translation, language policy, personal name, Azerbaijani language, Kazakh language, Turkish language.

*About the autor:*

**Shamilov Raviddin Mirzoyevich**, Candidate of Philology, Senior Researcher at the “Theoretical and Applied Issues of Translation Studies” International Scientific Research Laboratory, Associate Professor at the Department of the English Language and Translation Theory and Practice, N.A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia); e-mail: raviddin@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0002-6693-4397.

### References:

1. Smayyl, M. Nazarbayev Reminded about the Transition to the Latin Alphabet. *Tengrinews.kz*, 2019, [https://tengrinews.kz/kazakhstan\\_news/nazarbaev-napomnil-o-perehode-na-latinitu-379885/](https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-napomnil-o-perehode-na-latinitu-379885/).
2. Law № 1353 of November, 1928 on Acceptance and Application of Turkish Letters. *Resmi Gazete*, Date: 03.11.1928, №: 1030, <https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/1030.pdf>.
3. Decision of National Council of Supreme Soviet of the Republic of Azerbaijan № 34 of December 25, 1991 on Entering into Effect of the Law of the Republic of Azerbaijan “On Restoring a Latin-based Alphabet of Azerbaijani.” *Azerbaijan Respublikasynyn Edliyye Nazirliyi Hugugi aktlaryn vahid elektron bazasy*, <https://e-qanun.az/framework/6804>.
4. *English Style Guide: A Handbook for Authors and Translators in the European Commission*, 2022.
5. Nazarbaev, N. A. “A Look into the Future: Modernization of Public Consciousness.” *Ofitsial’nyy Sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan*, 2017, [https://www.akorda.kz/ru/events/akorda\\_news/press\\_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya](https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya).
6. “Decree of the President of the Republic of Kazakhstan Dated October 26, 2017 No. 569 “On the Translation of the Alphabet of the Kazakh Language from Cyrillic to Latin Graphics.” *Yurist*, [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=36104889&pos=3;-108#pos=3;-108](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36104889&pos=3;-108#pos=3;-108).
7. Miklashevskaya, A. “Kazakh Scientists Don’t Understand Presidential Apostrophes.” *Kommersant*, 2018, <https://www.kommersant.ru/doc/3521512>.
8. “Decree of the President of the Republic of Kazakhstan Dated February 19, 2018 No. 637 “On Amendments to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan Dated October 26, 2017 No. 569 “On the Translation of the Alphabet of the Kazakh Language from Cyrillic to Latin Graphics.”” *Yurist*, [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=34288412&pos=2;-108#pos=2;-108](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34288412&pos=2;-108#pos=2;-108).
9. Amanzholova, D. A. “Some Issues of Writing Reform in Kazakhstan in 1920–1936.” *Ylken Altay alemi*, 2017, no. 3 (2), pp. 172–187.
10. Sayatova, A. S., Shakhieva, A. M., Alikeeva, G. M. “The 20s of the Last Century: The History of the Introduction of the Latin Alphabet into the Kazakh Script.” *Vestnik Kazahskogo Nacional’nogo Medicinskogo Universiteta*, 2020, no. 4, pp. 577–581.
11. Tokaev, K.-J. K. “Speech of the Head of State at the First Meeting of the National Kurultai.” *Ofitsial’nyy Sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan*, 2022, <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-pervom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-165936>.
12. “How Are the Foreign Personal Names Are to Be Rendered.” *T. C. Ataturk Kultur, Dil ve Tarih Yuksek Kurumu Turk Dil Kurumu*, <https://www.tdk.gov.tr/icerik/yazim-kurallari/yabanci-ozel-adlari-yazilisi/>.
13. “In Italy a Far-right Party Has Become the Ruling Party.” *Milliyet*, 2022,

- <https://www.milliyet.com.tr/dunya/italyada-asiri-sag-iktidar-oldu-6831335>.
14. “Stoltenberg and von der Leyen Have Met in Bruxelles.” *Hurriyet*, 2022, <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/stoltenberg-ve-von-der-leyen-brukselde-bir-araya-geldi-42143712>.
  15. “The Oldest Heart of the World Has Been Found.” *Cumhuriyet*, 2022, [https://www.cumhuriyet.com.tr/bilim-teknoloji/dunyanin-en-eski-kalbi-bulundu-1983076?utm\\_medium=Kategori%20Sayfasi&utm\\_source=Cumhuriyet&utm\\_campaign=Kategori%20Sayfasi](https://www.cumhuriyet.com.tr/bilim-teknoloji/dunyanin-en-eski-kalbi-bulundu-1983076?utm_medium=Kategori%20Sayfasi&utm_source=Cumhuriyet&utm_campaign=Kategori%20Sayfasi).
  16. “England: 3 – Germany: 3. Results of The Match.” *Haberturk*, 2022, <https://www.haberturk.com/ingiltere-3-almanya-3-mac-sonucu-3523889-spor>.
  17. “Turkey Says Malaysia, Indonesia Interested in Buying Armed Drones.” *Reuters*, 2022, <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/turkey-says-malaysia-indonesia-interested-buying-armed-drones-2022-09-26/>.
  18. “Now It’s Türkiye, Not Turkey, at the United Nations.” *The New York Times*, 2022, <https://www.nytimes.com/2022/06/02/world/europe/turkiye-turkey-united-nations.html?searchResultPosition=3>.
  19. “Turkey and Russia Agree Terms of Syria Ceasefire, State Media Reports.” *Independent*, 2021, <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/turkey-russia-agree-terms-of-syria-ceasefire-state-media-reports-a7498346.html>.
  20. “Kurds Await Fate as Trump, Turkey Celebrate Temporary “Ceasefire”.” *Time*, 2019, <https://time.com/5704368/turkey-temporary-ceasefire-syria/>.
  21. “Turkey’s Foreign Minister Cavusoglu Begins Visit to Greece.” *Independent*, 2016, <https://www.independent.co.uk/news/turkeys-foreign-minister-cavusoglu-begins-visit-to-greece-mevlut-cavusoglu-kyriakos-mitsotakis-turkey-muslim-recep-tayyip-erdogan-b1856680.html>.
  22. “Turkey Vows to Back Palestinians Despite Restoring Israel Ties.” *The Guardian*, 2022, <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/17/turkey-vows-back-palestinians-despite-restoring-israel-ties>.
  23. “Turkey and Israel Are Normalizing Ties Again. It Will Be a Long, Uncertain Path.” *Time*, 2022, <https://time.com/6206992/turkey-israel-normalization/>.
  24. Shustrova, M. “No Longer a “Turkey””: the UN Renamed Turkey.” *Gazeta.ru*, 2022, <https://www.gazeta.ru/politics/2022/06/02/14937416.shtml>.
  25. “Decree of the President of the Republic of Azerbaijan № 506 of June 18, 2001 “On Improving the Application of the State Language.” *Azerbaijan Respublikasynyn Edliyye Nazirliyi Hugugi aktlaryn vahid elektron bazasy*, <https://e-qanun.az/framework/3568>.
  26. “No: 438/22, Information of the Press Service Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan on the Participation of Minister Jeyhun Bayramov in the Official Reception Organized by the President of the United States of America, Joe Biden.” *Azerbaijan Respublikasy Khariji İşler Nazirliyi*, <https://www.mfa.gov.az/az/news/no43822>.
  27. “No: 438/22, Information of the Press Service Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan on the Participation of Minister Jeyhun Bayramov in the Official Reception Organized by the President of the United States of America, Joe Biden.” *Republic of Azerbaijan Ministry of Foreign Affairs*, <https://mfa.gov.az/en/news/no43822>.
  28. “About 100 Troops Killed in Clashes between Armenia and Azerbaijan.” *The Guardian*, 2022, <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/13/deadly-clashes-erupt-in-disputed-territory-between-azerbaijan-and-armenia>.
  29. Mirzeyev, E. “Do You Know Latin?” *Elmir Mirzeyevin Blogu*, 2010, <https://elmirmirzoev.wordpress.com/2010/05/20/siz-latinca-yaza-bilirsiniz/>.
  30. Aliyeva, N. “On What Grounds? With What Logic?” *Azadlyg Radiosu*, 2011, <https://www.azadliq.org/a/24306743.html>.
  31. Allahverdi, F. “A Problem of Transliteration.” *Firudin Allahverdinin Blogu*, 2011, [http://fallahverdi.blogspot.com/2011/07/transliterasiya-problemi\\_26.html](http://fallahverdi.blogspot.com/2011/07/transliterasiya-problemi_26.html).
  32. Bayramov, Q. “A Problem of Transformation of Names (Invitation for Discussion).” *Medeniyyetlerarasy Dialog: Lingvistik, Pedagoghi ve Edebi Aspektler*, 25–26 noyabr 2010 (Baky, Azerbaijan), <https://happytranslating.wordpress.com/2011/09/23/xususi-adlarin-t%C9%99cum%C9%99si-problemi-1-ci-hiss%C9%99-3/>.

Received 10.11.2022

## II. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-35-47

УДК: [811.511.131:811.512.145]’37(045)

**Касаткина Т. Ю.**

*Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия*

### СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ СЛОВ «КОРКА» И «ЙОРТ» (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье представлены результаты межъязыкового сопоставления содержания ассоциативных полей (АП) слова «дом» в сознании носителей удмуртского и татарского языков. АП в психолингвистике рассматривается как средство доступа к содержанию и структуре значения слова, которое представляет собой коммуникативно релевантную часть смыслового содержания концепта.

Новизна исследования семантики слова в таком ракурсе определяется тем, что подобных сравнительных исследований с носителями удмуртского и татарского языков ранее не проводилось. Целью работы является выявление универсальных и национально-специфических признаков в содержании ассоциативного поля удмуртской лексемы КОРКА и татарской лексемы ЙОРТ. Выявлены особенности семантической структуры слов-коррелятов в исследуемых языках. Исследование показало, что реальное значение слова в сознании людей намного шире, объёмнее и многообразнее значения, представленного в словарях, и включает в себя как эмоционально-оценочные характеристики, так и жизненные ценности народов.

Цель статьи – продемонстрировать практические возможности использования одного из эффективных способов изучения семантики слова по его ассоциативному полю (окружению). Показать, каким образом, данный подход может быть использован в сопоставительных исследованиях при мультилингвальном обучении.

Основным методом исследования является ассоциативный эксперимент, в результате которого исследователь получает совокупность вербальных реакций, которые образуют ассоциативное поле слова. В ходе работы с АП используются метод сопоставительного семантического анализа, метод анализа словарных дефиниций.

В статье проанализированы ассоциативные поля, выявлены количественные и качественные параметры содержания АП исследуемых стимулов, определены основные способы идентификации значения слова участниками эксперимента.

Количественный анализ материала выявил, что носители удмуртского языка отличаются высоким уровнем стереотипности ответов, присутствием реакций данных на русском языке. АП, полученное от носителей татарского языка намного шире благодаря большому разнообразию единичных реакций. Обе группы распознали предложенный стимул, главным образом, через реакции парадигматического типа. Основные способы идентификации слова оказались универсальными и проявились через опоры на ментальный образ или представление и эмоционально-оценочные связи со словом-стимулом.

*Ключевые слова:* семантика слов «КОРКА» И «ЙОРТ», ассоциативное поле, удмуртский язык, татарский язык, межъязыковое сопоставление, ассоциативный эксперимент.

*Сведения об авторе:*

**Касаткина Татьяна Юрьевна**, кандидат филол. наук, доцент кафедры профессионального иностранного языка, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); e-mail: tatkas512@yandex.ru.

## **Введение**

В последние годы исследования национально-культурной специфики языкового сознания носителей разных языков приобрели особую актуальность в связи с тем, что они позволяют выявить общие и отличительные черты в образах мира и определить лингвокультурные особенности строения лексикона.

Современные психолингвистические исследования с использованием ассоциативного эксперимента в качестве основного метода направлены на изучение таких важных понятий как картина мира, языковая личность, национальное языковое сознание [Зелевская, 2015; Овчинникова, 2018; Попова, 2015; Потанина, Подлеская, Федорова, 2016].

Ценности любого народа обладают национально-культурным своеобразием. Для их изучения нами проводится психолингвистическое сопоставительное исследование национально-культурной специфики лексических единиц, входящих в ядро языкового сознания этнических групп.

Межъязыковое сопоставление экспериментальных данных проводится лингвистами и психолингвистами для выявления универсальных закономерностей и тенденций при идентификации слова, а также для установления различий в речевом поведении носителей того или иного языка, обусловленных факторами языка и культуры. Соглашаясь с мнением А. А. Залевской, отметим, что межъязыковое сопоставление экспериментальных материалов позволяет выявить такие параметры ассоциативного поля, которые могли остаться незамеченными при анализе данных в рамках отдельных языков [Залевская, 1979:16]. Методическим вопросам проведения межъязыкового сопоставительного анализа посвящено немало исследований [Рогожникова, 2000; Некрасова, 2004; Итигелова, 2007; Стернин, Стернина, 2015].

На сегодняшний день имеется достаточное количество публикаций результатов ассоциативных экспериментов на материале разных языков с разными категориями испытуемых. Ассоциативное поле, получаемое в результате эксперимента, может трактоваться как многокомпонентная семантическая структура, позволяющая сделать определенные выводы об этнокультурной специфике языкового сознания исследуемой этнической группы. АП позволяет заглянуть в глубинные структуры содержательной стороны слова и определить, насколько обширной может быть ассоциативно-вербальная сеть исходного слова.

К сожалению, психолингвистическая парадигма сегодня не так богата сопоставительными исследованиями, выполненными на материале удмуртского и татарского языков. Востребованность и актуальность исследований с носителями указанных языков обусловлена не только социальными контактами в Удмуртской республике, но также значимостью получаемых в ходе проведения межъязыкового сопоставительного анализа результатов для выявления национальных различий и сходств в содержании семантики значимых языковых единиц. В рамках данной статьи воспользуемся данными ассоциативных экспериментов с носителями удмуртского и татарского языков и представим некоторые способы анализа АП по различным параметрам на примере эквивалентов лексической единицы «дом» в исследуемых языках.

Целью исследования является изучение и анализ АП удмуртской лексики **КОРКА** и татарской лексики **ЙОРТ** и выявление общих и отличительных черт в ассоциативном значении этих слов. Данная работа является частью комплексного психолингвистического исследования семантики слова с носителями удмуртского языка, которое наряду с внутриязыковым сопоставлением результатов предполагает и кросскультурное.

Новизна исследования заключается в том, что межъязыковое сравнительное исследование психолингвистического значения данных лексем на материале удмуртского и татарского языков в таком ракурсе проводится впервые. Полученные результаты могут быть успешно использованы при обучении удмуртскому и татарскому языку как средство получения лингвистических и психолингвистических знаний о семантической составляющей лексических единиц языка и закономерностях их использования в речевой деятельности человека.

### **1. Ассоциативный эксперимент как основной метод исследования**

С носителями татарского языка было проведено большое количество экспериментальных исследований, результаты которых зафиксированы в ассоциативном словаре татарского и башкирского языков. Данный ассоциативный словарь был подготовлен на кафедре языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета по результатам экспериментальных исследований закономерностей функционирования слова и текста в индивидуальном сознании носителей данных языков. Словарь вышел в свет в 2016 г. под общей редакцией профессора Т. М. Рогожниковой. В нем представлены результаты масштабных психолингвистических исследований, проведенных уфимскими психолингвистами на протяжении многих лет с испытуемыми разных возрастов, в условиях нормы и патологии, в онтогенезе и геронтогенезе с выявлением универсальных и специфических особенностей в семантической структуре памяти человека. Нас интересуют результаты, полученные от носителей татарского языка в условиях нормы. Данные по АП слова ЙОРТ заимствованы нами из этого словаря.

Поскольку ассоциативного словаря удмуртского языка не существует, мы провели ассоциативный эксперимент (АЭ) с носителями удмуртского языка в соответствии со всеми правилами и методикой проведения свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте участвовало более 130 человек. Для удобства сравнительного анализа полученного материала рассматривались ответы только 100 участников. Участники эксперимента свободно владеют устной и письменной речью на родном языке. Удмуртский язык, наряду с русским, для них – язык повседневного общения. Основную массу респондентов составили студенты Удмуртского государственного университета, Института удмуртской филологии, которые получают образование на родном для них языке. Для получения более полных и достоверных данных к эксперименту были привлечены жители городов и сельской местности, средний возраст которых составил 24 года. Для эксперимента были выбраны слова, которые обладают высокой значимостью в национальном ментальном пространстве любого этноса – *мон* (я), *улон* (жизнь), *коньдон* (деньги), *музьем* (земля), *шудбур* (счастье), *дыр* (время), *вераськыны* (говорить), *тöдды* (белый), *сьöд* (черный), *адями* (человек). Часть из них уже проанализирована в предыдущих работах [Касаткина, 2018; 2020].

Сущность АЭ заключается в необходимости реагировать на предъявленные слова-стимулы первым словом, которое приходит на ум испытуемому и регистрировать его письменно в специально подготовленной анкете. Поскольку само понятие ассоциативного процесса исключает идею отбора ответов, то испытуемый незамедлительно, без длительных раздумий должен дать реакцию-ответ. В результате АЭ экспериментатор получает для каждого слова-стимула некоторое множество реакций, одни из которых довольно частотны, а другие единичны. Это упорядоченное множество также принято называть ассоциативным значением слова. Все элементы ассоциативного поля взаимосвязаны и имеют семантически-релевантные отношения с исходным словом-стимулом. По мнению Н. В. Уфимцевой, ассоциативное поле слова-стимула, полученное в результате АЭ представляет собой фрагмент образа мира определенного этноса, отраженного в сознании его среднего носителя, его мотивов, оценок и культурных стереотипов [Уфимцева, 2014: 341].

Одним из преимуществ АЭ является то, что он позволяет исследователю получить материал, изучить его и сделать определенные выводы об ассоциативном окружении слова и идентифицировать наиболее актуальные для носителей языка лексико-семантические варианты (ЛСВ). В задачи подобного рода работ входит исследование коллективного сознания носителей определенного языка и культуры, что вызывает необходимость массового анкетирования группы людей с целью получения репрезентативной выборки. Полученное в ходе эксперимента ассоциативное поле является инструментом анализа семантики слова. АП любого слова имеет ядро с наиболее частотными реакциями и периферию с наименее частотными и единичными реакциями и проявляется в многообразии семантических, тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей.

Как указывают исследователи, ассоциативный эксперимент открывает большие возможности для определения как универсальных сторон ассоциаций, свойственных всем людям, так и специфических сторон, отражающих культуру того или иного народа. Исследования такого рода имеют большие перспективы, особенно в условиях многоязычного социума.

## 2. Вербальные ассоциативные связи семантики слов «КОРКА» и «ЙОРТ»

Ассоциативное поле может рассматриваться как психолингвистическая модель, которая содержит актуальные для носителей языка вербальные ассоциативные связи между лексическими единицами, выявленные в ходе АЭ. Эта модель представляет собой определенный фрагмент языкового сознания этноса [Борисова, 2019: 269].

Свободные ассоциации, полученные от респондентов на стимул, отражают психолингвистическое значение слова, которое включает не только эмоционально-оценочные характеристики, но и культурные ценности людей. Среди этих ценностей безусловно важным в жизни человека представляется *дом*, в узком и широком смысле этого слова. В ходе эксперимента исследователь получает набор ассоциаций, которые впоследствии выстраиваются в определенную структуру (ассоциативную статью) по мере убывания их частоты. Принцип построения ассоциативной статьи в нашем эксперименте соответствует принципам построения ассоциативной статьи в Русском ассоциативном словаре. Каждая ассоциативная статья сопровождается количественными показателями, где первая цифра – общее число ответов, вторая – число разных ответов, третья – число нулевых ответов и четвертая – число единичных ответов.

В ходе эксперимента с носителями татарского языка были получены следующие реакции на стимул **ЙОРТ**: *зур* (большой) 7; *өй* (дом (домашний очаг)) 5; *хужалы* (хозяйство) 4; *биек* (высокий); *матур* (красивый); *ихата* (двор/ усадьба) 3; *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *олы* (большой); *тынычлык* (покой / тишина); *төзелеш* (постройка); *эче* (внутренняя часть); *яшәу урыны* (место жительства) 2; *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *агач* (дерево / деревянный); *алма-агачлар чәчкә ата* (яблони цветут); *ата-ана йорты* (родительский дом); *бакча* (сад / огород); *балалар йорты* (детский дом); *балачак* (детство); *бар* (есть); *бина* (здание); *бүрәнә* (бревенчатый); *бүрәнә өйләр* (бревенчатые дома); *баләкәй* (маленький); *гөл чәчәкләр белән* (с цветами); *зал* (зал); *зур төзелеш* (большая постройка); *иркен* (просторный); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *ишек* (дверь); *квартира* (квартира); *кирәк шартлар* (необходимые условия); *королты* (инструменты); *күркәм* (красивый / прелестный); *мал-туар* (домашний скот); *мал* (скот); *мунча* (баня); *нурлы* (светлый / приветливый); *рәсем* (картинка / рисунок); *ташланган* (заброшенный); *тирәсе* (вокруг); *торган өй* (жилой дом); *торган җир* (место, где живут); *тора торган җир* (там, где живут); *туган авыл* (родная деревня); *туган йорт ихатасы* (двор родного дома); *туган туфрак* (родная земля, страна); *туган җир* (родная земля); *тыныч* (спокойный / тихий); *түбә* (крыша); *төз* (прямой); *төзек* (исправный, ухоженный дом); *төзәргә кирәк* (нужно построить); *уңайлыклар* (удобства); *урыны* (место (дома)); *хайваны* (животные (домашние)); *чирәмлек* (зеленая лужайка); *чиста* (чистый);

*чисталык* (чистота); *чэчкэ эчендә утырган өй* (дом, утопающий в цветах); *шакмак* (квадрат); *эт* (собака); *юк* (нет); *яши торган өй* (дом, в котором живут); *яшәү өчен* (для жилья); *өй салынган урын* (место, где поставлен дом); *өй кәртәсе* (двор); *үзезнең йорт* (наш дом); *үземнең йорт* (мой дом) *үземнең ихата* (мой двор); *жиһазы* (мебель / домашняя утварь); *жиимерек* (разрушенный) 1. 100+66+0+49.

В результате эксперимента на слово **КОРКА** от носителей удмуртского языка было получено следующее АП стимула:

*шуньт* (теплый) 17; *уют* 14; *вордйськем инты* (родной дом / место рождения); мой дом – моя крепость 7; *анай* (мама); *семья* (семья 5); *анай-атай(ес)* (родители); *югыт* (светлый); *яратоно валес* (любимая кровать 4); *гурт* (деревня); *жсуась гур* (растопленная печь); *пу корка* (деревянный дом); *улон инты* (место проживания); очаг 3; *азбар* (двор); *шудбур* (счастье); *шутэтскон* (отдых 2); *бадзым шуньт корка, кытын улэ бадзым семья* (большой теплый дом, в котором живет большая семья); *вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ* (родной дом, в котором все любят тебя); защищенность; *кышноен карт* (муж с женой); *липет* (навес); *пинальес* (дети); *укно* (окно); *ни* (сын); спокойствие; *чебер* (красивый); *шумпотыны* (испытывать радость); *яратон* (любовь) 1. 100+30+0+12.

Представленные выше ассоциативные статьи послужили материалом для сопоставительного анализа семантики слова ДОМ в татарском и удмуртском языках по количественным и качественным показателям.

### 3. Количественный анализ ассоциативных полей исследуемых слов

В числе количественных параметров анализа материалов, проведенных нами экспериментов, учитываются:

- 1) уровень стереотипности реакций;
- 2) количество разных и единичных реакций на слово-стимул;
- 3) преобладание синтагматических или парадигматических реакций;
- 4) расхождения в степенях актуальности различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Рассмотрим их подробнее.

1. Порождение стандартных, стереотипных ассоциаций вызвано рядом закономерностей. Как правило, стандартные ассоциации возникают на основе регулярной совместной встречаемости слов в текстах. Главным образом, это речевые и языковые ассоциации, обусловленные частой совместной встречаемостью слов в речи и языке. Таким образом, правомерно будет сказать, что стереотипные ассоциативные связи возникают у человека как способ закрепления прошлого речевого и когнитивного опыта. Стереотипные ответы на стимул возникают произвольно, что указывает на хорошо сформированный автоматизм установления связи между словами [Грановская, Крижанская, 1994: 77]. Анализ фактического материала в предыдущих наших работах показывает, что обычно, если предъявленные слова-стимулы достаточно часто встречаемы, то стандартные для носителей данного языка и культуры ответы скорее преобладают. Р. М. Фрумкина полагает, что если ассоциативный эксперимент повторить в аналогичной группе лиц, то результаты будут схожими [Фрумкина, 2003: 193]. В. П. Серкин отмечает, что частотные ассоциации в ассоциативном эксперименте являются наиболее информативными [Серкин, 2005: 227]. Некоторые ученые полагают, что по показателям стереотипности реакций можно делать выводы о динамике изменения структуры языкового этнического сознания [Ершова 1998: 67]. Предполагается, что высокий уровень стереотипности реакций указывает на слабые изменения языкового сознания, и наоборот, разнообразие реакций демонстрирует динамичность, подвижность сознания.

А. А. Залевская отмечает, что уровень стереотипности в психолингвистических исследованиях можно определить следующими способами:

1) выявить, какой процент от общего числа реакций составляют три наиболее частые реакции;

2) определить среднее количество разных реакций на стимул [Залевская, 1979: 6].

Анализ ассоциативного материала позволил нам выявить стереотипные реакции удмуртов и татар. Ниже представлена таблица 1, в которой приведены данные об уровне стереотипности реакций с наиболее высокими показателями по исследуемым языкам.

Таблица 1 – Сопоставительная таблица данных об уровне стереотипности реакций с наиболее высокими показателями

Исследуемая группа	Самая частая реакция на предъявленный стимул	Уровень стереотипности
удмурты	<i>шуньит</i> / теплый	17%
	<i>уют</i>	14%
	<i>вордйськем инты</i> / родной дом / место рождения	7%
	<i>мой дом – моя крепость</i>	7%
татары	<i>зур</i> / большой	7%
	<i>өй</i> / дом (домашний очаг)	5%
	<i>хужалык</i> / хозяйство	4%

1. Данная таблица наглядно демонстрирует, что носители удмуртского языка показали более высокий уровень стереотипности, чем носители татарского языка. Среди стереотипных реакций удмуртов выделяются ответы, данные на русском языке – *уют* и *мой дом – моя крепость*. 17% респондентов дали реакцию *шуньит / теплый*. Для носителей татарского языка наиболее стереотипными оказались слова *зур / большой* и *өй / дом (домашний очаг)*.

2. Ассоциативные реакции носителей татарского языка отличаются разнообразием единичных ответов. Содержание АП намного шире и объемнее по когнитивно-ассоциативным связям и отношениям между стимулом и реакцией. Но стоит отметить одну важную особенность: несмотря на большое количество единичных реакций, многие из них имеют очень близкие значения. Например, *зур (большой)*; *олы (большой)*; *торган жсир* (место, где живут); *тора торган жсир* (там, где живут); *мал-туар* (домашний скот); *мал* (скот); *туган туфрак* (родная земля / страна); *туган жсир* (родная земля); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки), *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *бүрәнә* (бревенчатый); *бүрәнә өйләр* (бревенчатые дома). Носители удмуртского языка дали только 12 % единичных реакций.

3. Исследование семантической структуры слова и его функционирования в языке неразрывно связано с изучением его сочетаемости. Основной единице лексико-семантической системы – слову, присущи два типа структурных отношений – парадигматические и синтагматические. Э. М. Медникова высказывает мнение о том, что парадигматические связи, существующие в языке, и синтагматические связи, существующие в речи, вместе наиболее полно раскрывают семантику слова. Они не могут рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку, являясь членом определенной лексико-семантической парадигмы, слово может выступать лишь в определенных синтагматических связях [Медникова, 1974: 47-51].

По мнению В.П. Беянина, здесь проявляется принцип «минимального контраста», т. е., чем меньше слово-стимул отличается от слова-реакции по составу семантических компонентов, тем выше вероятность «актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе» [Беянин, 2011: 131].

Рассмотрим синтагматические реакции носителей татарского языка:

**ЙОРТ:** *зур* (большой); *биек* (высокий); *матур* (красивый); *олы* (большой); *агач* (дерево/ деревянный); *ата-ана йорты* (родительский дом); *балалар йорты* (детский дом); *бүрәнә* (бревенчатый); *бүрәнә өйләр* (бревенчатые дома); *баләкэй* (маленький); *иркен* (просторный); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *күркәм* (красивый / прелестный);

*нурлы светлый* (приветливый); *ташланган* (заброшенный); *торган өй* (жилой дом); *тыныч спокойный* (тихий); *төз* (прямой); *төзек* (исправный, ухоженный дом); *чиста* (чистый); *чәчкә эчендә утырган өй* (дом, утопающий в цветах); *үзбезнең йорт* (наш дом); *үземнең йорт* (мой дом); *жәсимерек* (разрушенный).

Синтагматические реакции удмуртской группы представлены следующими ассоциатами:

**КОРКА:** *шуныт* (теплый); *югыт* (светлый); *пу корка* (деревянный дом); *бадзым шуныт корка, кытын улэ бадзым семья* (большой теплый дом, в котором живет большая семья); *чебер* (красивый).

Как видно из примеров, слово-стимул вступает в синтаксические отношения со словом-реакцией и образует словосочетание или грамматическую основу предложения, например, атрибутивные реакции, представленные выше.

Рассмотрев синтагматические реакции татар и удмуртов, выявляем, что испытуемые татарской группы дали 34% синтагматических реакций на предъявленное слово, а респонденты удмуртской группы – 26%. Синтагматическая связь **КОРКА** – *шуныт* (теплый) является самой частой, автоматизированной ассоциативной парой. Для носителей татарского языка – **ЙОРТ** – *зур* (большой).

Парадигматические ассоциации, как правило, включают в себя отношения синонимии:

**КОРКА:** *вордйськем инты* (родной дом/место рождения); *мой дом – моя крепость*; *улон инты* (место проживания); очаг.

**ЙОРТ:** *өй* (дом (домашний очаг)); *хужалы* (хозяйство); *ихата* (двор / усадьба); *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *төзелеш* (постройка); *яшәү урыны* (место жительства); *бина* (здание); *зур төзелеш* (большая постройка); *квартира* (квартира); *торган өй* (жилой дом); *торган жәир* (место, где живут); *тора торган жәир* (там, где живут); *туган авыл* (родная деревня); *туган туфрак* (родная земля / страна); *туган жәир* (родная земля); *яши торган өй* (дом в котором живут); *яшәү өчен* (для жилья).

Многие ученые признают, что результаты АЭ возможно применить для изучения синонимии [Дударева, 2017; Рудакова, Стернин, 2015 и др]. Многокомпонентный анализ ассоциативных полей слов-стимулов дает возможность моделировать синонимические гнезда слов.

Учитывая процент синтагматических реакций в обеих группах, приходим к выводу, что большинство испытуемых во время эксперимента идентифицировали анализируемые слова-стимулы через реакции парадигматического типа, что позволяет нам говорить о том, что восприятие слова – это в первую очередь, восприятие некоторого образа, который чаще всего обозначает предмет (одушевленный, неодушевленный, абстрактный, собирательный и т. д.) и выражается, как правило, при помощи имени существительного. Существительные составляют ядро лексикона человека и наилучшим образом соответствуют роли единиц идентификаторов.

Таким образом, в содержании слов **КОРКА** и **ЙОРТ** для носителей удмуртского и татарского языков концентрируются самые существенные признаки: ядро, представленное парадигматическими реакциями, называющими конструктивные элементы (*липет* (навес); *укно* (окно); *жәуась гур* (растопленная печь); *ишек* (дверь); *зал* (зал); *зур төзелеш* (большая постройка), а также знания, преломленные в сознании индивида в соответствии с его чувственной сферой – пониманием дома, связанном с представлением уютного, теплого уголка; чувствами и эмоциональными переживаниями человека, вызванными образом дома, его положительной оценкой. Особо следует выделить те значения исследуемой лексемы, которые объединены семьей «группа людей». В сознании представителей как удмуртской, так и татарской культуры при употреблении эквивалентов слова ДОМ на их национальных языках часто возникает образ семьи, людей, живущих вместе, под одной крышей, а также хозяйство, быт семьи. Данные слова в сознании испытуемых вызывает на чувственном уровне ощущение спокойствия, любви, теплоты и защищенности. Это подтверждают

следующие реакции на удмуртском языке: *шудбур* (счастье); *шутэтскон* (отдых); *шумпотыны* (испытывать радость); *яратон* (любовь). На татарском языке были получены реакции: *тынычлык* (покой / тишина); *тыныч* (спокойный / тихий).

4. Группировка ассоциаций по общности основания для их связи с исходным словом и анализ структуры ассоциативного поля слов предполагает работу с толковыми словарями исследуемых языков. Необходимо соотнести ассоциативные реакции с указанными в толковых словарях лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Для решения поставленной задачи были использованы электронные версии удмуртско-русского, русско-удмуртского словарей и толкового словаря татарского языка.

В новом русско-удмуртском словаре зафиксированы следующие ЛСВ слова **КОРКА / ДОМ**:

ЛСВ<sub>1</sub> – здание, строение для жилья; ЛСВ<sub>2</sub> – жилое помещение, квартира, жилье; ЛСВ<sub>3</sub> – семья, люди, живущие одним хозяйством; ЛСВ<sub>4</sub> – царствующий род, династия; ЛСВ<sub>5</sub> – о составе названий различных учреждений, заведений (дом культуры, дом отдыха, дом техники); ЛСВ<sub>6</sub> – о помещении, служащем временным жильем; ЛСВ<sub>7</sub> – о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим.

В толковом словаре татарского языка выделено 7 ЛСВ лексемы **ЙОРТ / ДОМ**:

ЛСВ<sub>1</sub> – сооружение, здание, построенное для проживания или размещения различных организаций и т. п.; ЛСВ<sub>2</sub> – дом и прилегающие к нему хозяйственные постройки; ЛСВ<sub>3</sub> – двор; ЛСВ<sub>4</sub> – люди одной семьи, проживающие в одном хозяйстве / люди нескольких семей, живущие под одной крышей; ЛСВ<sub>5</sub> – здание, сооружение, специально предназначенное для определенной цели; ЛСВ<sub>6</sub> – страна, государство; место рождения, проживания; ЛСВ<sub>7</sub> – организация, учреждение; ЛСВ<sub>8</sub> – ист. однодворцы, потомки.

Обобщив данные словарей и изучив содержание АП, мы выделили *основные ЛСВ исследуемых слов*:

1. здание, строение для жилья; 2. жилое помещение, квартира, жилье; 3. семья, люди, живущие одним хозяйством; 4. о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим.

Результаты группировки реакций по общности основания для их связи со словом-стимулом представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ удмуртского слова **КОРКА** и татарского слова **ЙОРТ**

ЛСВ		Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ <sub>1</sub>	здание, строение для жилья	<i>Удмуртский</i> : пу корка (деревянный дом); мой дом–моя крепость; бадӟым шунит корка, кытын улэ бадӟым семья (большой теплый дом, в котором живет большая семья). <i>Татарский</i> : кура ((собир.) дом и надворные постройки); төзелеш (постройка); ата-ана йорты (родительский дом); бина (здание); бүрэнә өйләр (бревенчатые дома); зур төзелеш (большая постройка); иске агач йорт (старый деревянный дом); квартира (квартира); торган өй (жилой дом); торган җир (место, где живут); тора торган җир (там, где живут); яшәү өчен (для жилья).
ЛСВ <sub>2</sub>	жилое помещение, квартира, жилье	<i>Удмуртский</i> : шунит (тепло); уют; югыт (светлый); яратоно валес (любимая кровать); җуась гур (растопленная печь); очаг; шутэтскон (отдых); защищенность; спокойствие. <i>Татарский</i> : өй (дом (домашний очаг)); хуҗалы (хозяйство); эче (внутренняя часть); зал (зал); квартира (квартира); кирәк шартлар (необходимые условия); уңайлыклар (удобства); яшәү өчен (для жилья); җиһазы (мебель / домашняя утварь).

ЛСВ <sub>3</sub>	семья, люди, живущие одним хозяйством	<b>Удмуртский:</b> <i>анай</i> (мама); <i>семья</i> (семья); <i>анай-атай(ес)</i> (родители); <i>кышноен карт</i> (муж с женой); <i>нылпиос</i> (дети); <i>пи</i> (сын). <b>Татарский:</b> <i>гайлә</i> (семья); <i>семья</i> (семья); <i>гайлә бәхете</i> (счастье семьи / семейное счастье); <i>кешеләр яши</i> (люди живут); <i>хуҗа</i> (хозяин); <i>әни</i> (мама).
ЛСВ <sub>4</sub>	о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим)	<b>Удмуртский:</b> <i>улон инты</i> (место проживания); <i>гурт</i> (деревня); <i>вордйськем инты</i> (родной дом); <i>вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ</i> (родной дом, в котором все любят тебя). <b>Татарский:</b> <i>яшәу урыны</i> (место жительства); <i>туган авыл</i> (родная деревня); <i>туган йорт ихатасы</i> (двор родного дома); <i>туган туфрак</i> (родная земля / страна); <i>туган җир</i> (родная земля); <i>үзбегнең йорт</i> (наш дом); <i>үземнең йорт</i> (мой дом).

В ответах татарских респондентов также актуализировался ЛСВ<sub>2</sub>, зафиксированный в толковом словаре татарского языка – дом и прилегающие к нему хозяйственные постройки: *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *мунча* (баня). Также один из участников дал ответ *балалар йорты* (детский дом), что соответствует зафиксированному в словаре ЛСВ<sub>5</sub> – здание, сооружение, специально предназначенное для определенной цели.

В основном, судя по ассоциациям, в сознании носителей татарского языка при предъявлении стимула **ЙОРТ** возникает образ частного дома: *хуҗалы* (хозяйство); *ихата* (двор / усадьба); *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *бакча* (сад / огород); *мал-туар* (домашний скот); *мал* (скот); *мунча* (баня); *туган авыл* (родная деревня); *туган йорт ихатасы* (двор родного дома); *өй картәсе* (двор); *үземнең ихата* (мой двор).

Другие ЛСВ не актуализировались в эксперименте, что указывает на слабость установленных связей и отношений между стимулом и предполагаемыми реакциями, связанными с этими ЛСВ.

#### 4. Способы идентификации значения слова

Доступ к структурам памяти, к продуктам жизненного опыта индивида осуществляется при помощи различных опор и стратегий, которые, охватывая все многообразие увязываемых со словом впечатлений и переживаний, определяют целостность идентификационного процесса. В работах по ассоциативной психолингвистике упоминается о двух основных способах доступа к слову-стимулу и последующему его распознаванию: идентификации по формальным поверхностным признакам и идентификации по глубинным семантическим признакам слова.

Интерпретация содержания АП исследуемых лексем позволила нам сделать следующие выводы:

1. В процессе идентификации слова-стимула и удмурты, и татары использовали вариативные стратегии и опоры. Наиболее отчетливо прослеживается опора на конкретную понятийную систему (с опорой на конкретный образ или представление), например, удмуртские реакции на стимул **КОРКА**: *анай* (мама); *семья* (семья); *анай-атай(ес)* (родители); *яратоно валес* (любимая кровать); *гурт* (деревня); *җәуась гур* (растопленная печь); *пу корка* (деревянный дом); *улон инты* (место проживания); *азбар* (двор); *кышноен карт* (муж с женой); *липет* (навес); *пинальес* (дети); *укно* (окно); *пи* (сын). Татарские реакции на стимул **ЙОРТ**: *ихата* (двор / усадьба); *бура* (сруб); *кура* ((собир.) дом и надворные постройки); *абзар-кура* (хлев с другими надворными постройками и оградой); *алма-агачлар чәчкә ата* (яблони цветут); *гөл чәчәкләр белән* (с цветами); *зал* (зал); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *ишек* (дверь); *квартира* (квартира); *королты* (инструменты); *мал-туар*

- (домашний скот); *мал* (скот); *мунча* (баня); *чирәмлек* (зеленая лужайка); *эт* (собака).
2. Некоторые испытуемые при идентификации стимула опирались на «абстрактную» понятийную систему». По мнению М. А. Холодной, «человек, обладающий высоким уровнем абстрактности, способен переступить границы непосредственного и двигаться в рамках более отдаленных семантических и смысловых расстояний» [Холодная 2002]. Для наглядности приведем несколько примеров. Удмуртские реакции: *шудбур* (счастье), *шутэтскон* (отдых); защищенность, спокойствие, *яратон* (любовь). Татарские реакции: *тынычлык* (покой / тишина); *чисталык* (чистота).
  3. Несмотря на то, что участников эксперимента просили реагировать одним словом на стимул, присутствуют развернутые ответы-дефиниции и устойчивые выражения: **удмуртские реакции:** *бадзым шуныт корка кытын улэ бадзым семья* (большой теплый дом, в котором живет большая семья); *вордйськем инты кытын ваньзы ярато тонэ* (родной дом, в котором все любят тебя; *мой дом – моя крепость*. **Татарские реакции:** *алма-агачлар чэчкэ ата* (яблони цветут); *иске агач йорт* (старый деревянный дом); *торган өй* (жилой дом); *торган жыр* (место, где живут); *тора торган жыр* (там, где живут); *туган авыл* (родная деревня); *туган йорт ихатасы* (двор родного дома); *чэчкэ эчендэ утырган өй* (дом, утопающий в цветах).
  4. В АП стимулов присутствуют реакции на русском языке, которые мы условно обозначили как переводные: удмуртские: *уют*; *мой дом – моя крепость*; *очаг*; *защищенность*; *спокойствие*. В АП слова **ЙОРТ** реакции на русском языке отсутствуют.
  5. Эмоционально-оценочный компонент значения слова проявился в следующих реакциях на стимул **КОРКА**: *теплый, светлый, красивый*. Стимул **ЙОРТ** вызвал в сознании татарской группы реакции: *матур* (красивый); *иркен* (просторный); *куркэм* (красивый / прелестный); *нурлы* (светлый / приветливый); *ташланган* (заброшенный); *тыныч спокойный* (тихий); *чиста* (чистый); *чэчкэ эчендэ утырган өй* (дом, утопающий в цветах); *жимерек* (разрушенный).
  6. Персонифицированные реакции. В татарском АП – *үзөбезнең йорт* (наш дом); *үземнең йорт* (мой дом); *үземнең ихата* (мой двор); в удмуртском АП такие реакции отсутствуют.

Таким образом, при идентификации значения слова и установлении связи между стимулом и реакцией носители удмуртского и татарского языка используют схожие базовые стратегии и опоры.

### Заключение

Психолингвистический полевой подход к изучению значения лексической единицы языка позволяет выявить семантические потенции слова и разнообразие возможных семантических отношений с другими словами. Межъязыковое сопоставление ассоциативных полей показало, что в слове **КОРКА** для носителей удмуртского языка и слове **ЙОРТ** для носителей татарского языка концентрируются самые существенные признаки понятия «дом». Дом является реалией, неизменно присутствующей на всем протяжении жизнедеятельности человека, и представляет одну из ключевых культурных констант, зафиксированных в индивидуальном сознании вне зависимости от принадлежности к той или иной этнической группе. Сопоставительный анализ этнокультурных представлений о доме на материале удмуртского и татарского языков выявил универсальные и отличительные смысловые параметры ассоциативных полей.

Среди отличительных черт стоит отметить высокий уровень стереотипности реакций у носителей удмуртского языка, присутствие реакций на русском языке на удмуртский стимул. Ответы татарских респондентов отличаются большим разнообразием единичных ответов. При сравнении ассоциативных статей обращает на себя внимание то, что носители татарского языка дали более развернутые ответы, чем носители удмуртского языка, тем самым актуализировав большее количество ассоциаций.

Универсальность проявилась в стратегиях идентификации слова, т. е. в процессе распознавания визуального стимула. Среди множества способов наиболее ярко проявились идентификация слова-стимула с опорой на образ и представление, эмоционально-оценочные переживания. Испытуемые обеих групп идентифицировали стимулы через реакции парадигматического типа. Семантическая структура предъявленного стимула реализовалась в значениях «место проживания людей», «совместно проживающие люди», «здание, постройка», «оценка дома». Все участники экспериментов видят «дом» в положительном свете, ассоциируя его с семьей, уютом, родным очагом. Понятие *дом* в удмуртской и татарской языковой картине мира представлено базовыми жизненными ценностями этноса: семья, спокойствие, защищенность.

В настоящее время актуальным является прикладное использование полученных данных. Ассоциативные исследования лексических единиц демонстрируют все многообразие их семантического содержания, а также наиболее эффективные способы их запоминания в процессе изучения любого национального языка. АЭ не только применяется как метод исследования, помогающий в решении широкого спектра лингвистических задач, но и служит средством обучения и контроля знаний в методике преподавания языков. Ассоциативные данные также могут быть использованы в качестве объекта изучения концептов. Психолингвистическое значение слова, представленное в АП в виде семантически связанных лексических единиц, указывает на его коммуникативный потенциал. Изучение развитой вербальной сети в рамках не только своего родного языка, но и вновь изучаемого языка, ведет к осуществлению успешной коммуникации.

#### **Литература:**

1. Залевская А. А. Ментальный лексикон: Конструкт, метафора или миф? // GISAP: Philological Sciences. 2015. № 8. С. 42–44.
2. Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи: Интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2. С. 84–98.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
4. Потанина Ю. Д., Подлеская В. И., Федорова О. В. Вербальная рабочая память и лексико-грамматические сигналы речевых затруднений: Данные русского мультимодального корпуса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды межд. конф. «Диалог-2016». Москва, 2016. С. 173–183.
5. Залевская А. А. Межъязыковое сопоставление в психолингвистике: учеб. пособие. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979.
6. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа: Изд-во Уфимск. гос. авиац. техн. ун-та, 2000.
7. Некрасова С. В. О методике проведения межъязыкового анализа экспериментального материала // Вопросы обучения иностранным языкам: Методика, лингвистика, психология: материалы межд. научно-практ. конф. Уфа, 2004. С. 232–235.
8. Итигелова В. С. Ассоциативный эксперимент как средство выявления национально-культурной специфики образов языкового сознания // Вестник Иркутского гос. техн. ун-та, 2007. № 2 (30). С. 148–150.
9. Стернин И. А., Стернина М. А. Сопоставительные исследования 2015: материалы I всерос. научной конференции. Воронеж, 2015.
10. Касаткина Т. Ю. Психолингвистические исследования семантики слова. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2018.
11. Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14 (4). С. 589–603.
12. Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник Иркутск. гос. техн. ун-та. 2014. № 9 (92). С. 340–347.
13. Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 265–275.

14. Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. СПб.: Эксклюзив, 1994.
15. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2003.
16. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Изд-во Сев. междунар. ун-та, 2005.
17. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. Москва: Высшая школа, 1974.
18. Белянин В. П. Психоллингвистика. Москва: Флинта, 2011.
19. Дударева Я. А. Возможности использования «Неймингового словаря русского языка» в исследовании синонимии // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 154–158.
20. Рудакова А. В., Стернин И. А. Методика психоллингвистического исследования синонимов // Вопросы психоллингвистики. 2015. № 2. С. 271–285.
21. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 13.10.2022

**Kasatkina T. Yu.**

*Udmurt State University, Izhevsk, Russia*

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ASSOCIATIVE FIELDS OF THE  
WORDS “KORKA” AND “YORT”  
(BASED ON THE MATERIAL OF THE UDMURT AND TATAR LANGUAGES)**

The paper presents the results of an interlanguage study of the semantics of the word “house” in the minds of speakers of the Udmurt and Tatar languages. In psycholinguistics the associative field (AF) of a word is treated as a verbal model and a tool of accessing the content and structure of the word meaning, which is regarded as a communicatively relevant part of the concept. It is important to note that the meaning of its semes conveys the cognitive features and components that form the concept, but this is always only part of the semantic content of the concept.

The novelty of studying the semantics of a word in this perspective is determined by the fact that such comparative studies with native speakers of the Udmurt and Tatar languages have not been conducted before. The aim of the work is to identify universal and national-specific features in the content of the associative field of the Udmurt lexeme KORKA and the Tatar lexeme YORT. The features of the semantic structure of the correlative words in the studied languages are revealed. The study showed that the real meaning of the word in the minds of people is much broader, more voluminous and more diverse than the meaning presented in dictionaries, and it includes both emotional and evaluative characteristics and vital values of peoples.

The purpose of the article is to demonstrate the practical possibilities of using one of the effective ways to study the semantics of a word by its associative field and to show how this approach can be used in interlanguage research.

The main method of research is an associative experiment, as a result of which the researcher receives a set of verbal reactions that form the associative field of the word. In the course of working with the AF, the method of comparative semantic analysis and the method of analysing dictionary definitions were used.

The article analyses associative fields, identifies quantitative and qualitative parameters of the content of the AF of the studied stimuli, defines the main ways of identifying the meaning of the word by the participants of the experiment.

Quantitative analysis of the material revealed that native speakers of the Udmurt language are distinguished by a high level of stereotypical responses, the presence of reactions in the Russian

language. The AF received from native Tatar speakers is much broader due to the wide variety of individual reactions. Both groups recognised the proposed stimulus mainly through paradigmatic type reactions. The main ways of identifying the word turned out to be universal and manifested through reliance on a mental image or representation and emotional-evaluative connections with the stimulus word.

**Keywords:** semantics of the words “KORKA” and “YORT”, associative field, Udmurt language, Tatar language, interlanguage comparison, associative experiment

*About the author:*

**Kasatkina Tatiana Yuryevna**, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Professional Foreign Language, Udmurt State University (Izhevsk); e-mail: tatkas512@yandex.ru.

#### **References:**

1. Zalevskaya, A. A. “Mental Lexicon: Construct, Metaphor or Myth?” *GISAP: Philological Sciences*, no. 8, 2015, pp. 42–44.
2. Ovchinnikova, I. G. “Syntagmatic Failures in Russian Speech: Interpretation in the Light of Actual Models of Mental Lexicon.” *Voprosy Psikholingvistiki*, no. 2, 2018, pp. 84–98.
3. Popova, Z. D., Sternin, I. A. *Language and National Picture of the World*. Moscow-Berlin, 2015.
4. Potanina, Yu. D., Podlesskaya, V. I., Fedorova, O. V. “Verbal Working Memory and Lexico-Grammatical Signals of Speech Difficulties: Data of the Russian Multimodal Corpus.” *Komp'yuternaya Lingvistika i Intellektual'nye Tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog–2016”*, Moscow, 2016, pp. 173–183.
5. Zalevskaya, A. A. *Interlanguage Comparison in Psycholinguistics*. Kalinin, 1979.
6. Rogozhnikova, T. M. *Psycholinguistic Study of the Functioning of a Polysemantic Word*. Ufa, 2000.
7. Nekrasova, S. V. “On the Methodology of Interlanguage Analysis of Experimental Material.” *Voprosy Obucheniya Inostrannym Yazykam: Metodika, Lingvistika, Psikhologiya*: conference papers. Ufa, 2004, pp. 232–235.
8. Itigelova, V. S. *Associative Experiment as a Means of Revealing the National-Cultural Specificity of Images of Linguistic Consciousness*. Irkutsk, no. 2 (30), 2007.
9. Sternin, I. A., Sternina, M. A. “Comparison as a Linguistic Methodology.” *Sopostavitel'nye Issledovaniya*. Voronezh, 2015.
10. Kasatkina T. Yu. *Psycholinguistic Studies of the Semantics of the Word*. Izhevsk, 2018.
11. Kasatkina T. Yu. “Associative Field as a Model for Analyzing the Meaning of a Word.” *Ezhegodnik Finno-Ugorskikh Issledovaniy*, no. 14 (4), 2020, pp. 589–603.
12. Ufimtseva, N. V. *Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World*. Irkutsk, no. 9 (92), 2014.
13. Borisova, Yu. A. “Associative Experiment in Modern Psycholinguistic Research.” *Psikhologiya. Istoriko-Kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya*, vol. 8, no. 1A, 2019, pp. 265–275.
14. Granovskaya, R. M., Krizhanskaya, Yu. S. *Creativity and Overcoming Stereotypes*. Sankt-Petersburg, 1994.
15. Frumkina, R. M. *Psycholinguistics: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions*. Moscow, 2003.
16. Serkin, V. P. *The Way of the World and the Way of Life*. Magadan, 2005.
17. Mednikova, E. M. *The Meaning of the Word and Methods of its Description*. Moscow, 1974.
18. Belyanin, V. P. *Psycholinguistics*. Moscow, 2011.
19. Dudareva, Ya. A. *Possibilities of Using the “Naming Dictionary of the Russian Language” in the Study of Synonymy*. Kemerovo, no. 1, 2017, pp. 154–158.
20. Rudakova, A. V., Sternin, I. A. “Methodology of Psycholinguistic Research of Synonyms.” *Voprosy Psikholingvistiki*, no. 2, 2015, pp. 271–285.
21. Kholodnaya, M. A. *Psychology of Intelligence. Paradoxes of Research*. Sankt-Petersburg, 2002.

Received 13.10.2022

**Сандлер М. Р.**

*Институт международных миграционных и гендерных исследований IMAGRI,  
Брюссель, Бельгия*

## **ПОСТСОВЕТСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ КАТЕГОРИИ ADVANCED: ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПРИНИМАЮЩЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА И МНЕНИЯ МИГРАНТОВ О ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Опросы, проведенные Институтом международных миграционных и гендерных исследований (IMAGRI) в Европе в декабре 2021 – январе 2022, и, вынужденно продолженные после 24 февраля 2022 г., позволили получить мнение постсоветской миграции об ее отношении к европейским ценностям и перспективах Европы и европейцев в свете возникновения «форс-мажорной» миграции – лавинообразного переселения в Европу миллионов жителей Украины. IMAGRI работает в Брюсселе с 2009 г., изучает миграцию из стран, образовавшихся на территории распавшегося СССР (постсоветскую миграцию), в частности, категорию WMA («продвинутую миграцию»). В фокусе данного исследования находится понятие толерантности – как со стороны местных жителей европейских стран, принимающих миграцию, так и самих мигрантов по отношению к местным жителям. Опросы проводились в Бельгии, Нидерландах, Германии, Чехии, Польше; экспертные оценки собраны в Бельгии, Германии, Чехии, Польше.

Цель статьи – исследование уровня толерантности в среде европейской миграции категории WMA на рубеже 2021–2022 гг. и в феврале–марте 2022 г.

В ходе исследования были использованы: метод анонимного анкетирования (в том числе онлайн – в случае отсутствия необходимости личного контакта исследователя и респондента), метод фокус-выборки и метод экспертных оценок.

Анализ анкет 254 мигрантов, проживающих в Европе более 5–10 лет, а также экспертных заключений, позволил подтвердить выводы исследований, проводимых IMAGRI в течение предыдущих лет относительно уровня толерантности образованной миграции.

*Ключевые слова:* уровень толерантности, WMA («продвинутая миграция»), высокообразованная миграция, постсоветская миграция, навыки межкультурного общения, анкетирование, фокус-выборка, экспертное заключение, IMAGRI.

*Сведения об авторе:*

**Сандлер Маргарита**, журналист, социолог миграции, основатель европейского офиса и соучредитель Института международных миграционных и гендерных исследований IMAGRI (г. Брюссель, Бельгия), эксперт по постсоветской гендерной миграции; e-mail: erawpresident@gmail.com.

### **Введение**

Термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* – «терпение») используется во многих отраслях знаний и давно стал интегративным понятием, войдя в общую лексику. В социальном аспекте толерантность лежит в основе культурных измерений человеческой субъективности, является «барометром», который в той или иной мере позволяет определить уровень общественной зрелости людей, культуру участников социального общения, их готовность к общему поиску путей примирения, согласия и мира [Экология человека]. Под толерантностью в интересующем нас сейчас общественном, социальном смысле мы понимаем терпимость к взглядам, нравам, привычкам, отличным от наших.

IMAGRI (Институт изучения проблем женщин-мигрантов в Европе) изучает проблемы миграции более десяти лет. Очередное исследование проведено в сентябре 2021 – январе

2022 г. Специальная анкета для исследования уровня толерантности мигрантов была разработана совместно с Уральским федеральным университетом имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ). В составлении анкеты приняли участие преподаватели Т. В. Куприна – кандидат педагогических наук, доцент; Е. Б. Бедрина – кандидат экономических наук. При составлении анкеты был учтен опыт изучения IMAGRI различных категорий мигрантов посредством лонгитюдных исследований, анкетирования, интервьюирования – как самих мигрантов, так и работающих с ними специалистов.

Завершив анкетирование в январе 2022 г., уже практически в процессе анализе его результатов возникла необходимость учесть начавшуюся в феврале 2022 г. российскую СВО в Украине, повлекшую существенное изменение геополитических условий. Поэтому в августе–сентябре 2022 г. дополнительно был проведен ряд экспертных интервью в нескольких европейских странах: Бельгии, Германии, Чехии, Польше. Таким образом, в нашем исследовании учтены результаты анкетирования 254 человек (все они проживают в Европе более 5–10 лет). Мы собрали также мнения экспертов – психологов и волонтеров, работающих с конца февраля этого года в различных центрах помощи беженцам с территории Украины, а также иных специалистов. Было получено несколько больше информации, нежели обычно, за счет расширения стандартных вопросов анкеты (в частности, интересовались бэкграундом респондентов: социальным происхождением, предыдущими и нынешними условиями жизни, образованием и т. д.). Были использованы современные онлайн-технологии, электронные анкеты, в некоторых случаях не требующие личных встреч, а также метод анонимного анкетирования в рамках мероприятий, форумов и конференций.

В целом, с 2009 г. и по настоящее время в опросах, фокус-группах и семинарах приняли участие (суммарно) более 2000 WMA из Бельгии, Франции, Чехии, Великобритании (Шотландии), Нидерландов. Данные, полученные в результате последнего исследования, в котором участвовали более 250 респондентов и экспертов, коррелируют с результатами, полученными нами ранее в течение предыдущих лет.

Целью данной статьи является исследование уровня толерантности в среде европейской миграции категории WMA на рубеже 2021–2022 гг. и в феврале–марте 2022 г. Использованные при написании статьи данные анкетирования и экспертные заключения являются актуальными в данный момент, так как обобщены и проанализированы после 24 февраля 2022 г. уже в новой геополитической обстановке.

Новизна полученных данных связана с изучением вопроса толерантности и интеграции постсоветской миграции *advanced* в Европе на современном этапе.

## **1. Общая современная картина европейской миграции**

Непосредственным объектом нашего исследования, как и прежде, являются «продвинутые мигранты» (*advanced*), которых западные социологи называют WMA (от *Women Migrants Advanced*). Данный термин введен IMAGRI в 2009 г. Следует отметить, что, начиная с 2022 г., под WMA мы подразумеваем любого европейского мигранта с территории, когда-то входившей в состав СССР, как минимум, с 1–2 высшими образованиями и с активной социальной позицией. У WMA также хорошо развиты навыки кросс-культурной коммуникации.

Перед тем как перейти к освещению результатов очередного исследования, кратко представим общую современную картину европейской миграции. Один из последних отчетов Европейского экономико-социального комитета – по статусу такого же Евроинститута, как Европарламент или Еврокомиссия, – был представлен на ежегодном Европейском миграционном форуме. На заседании 27–28 октября 2021 г. отмечалось, что за пределами ЕС родилось около 8% его сегодняшнего населения и что у 10% молодых людей (15–34 лет), родившихся в ЕС, как минимум, один родитель – иностранного происхождения [Eurostat, 2019]. Среди ключевых работников, в среднем, 13% являются

мигрантами. По этому показателю лидируют Люксембург (53%), Кипр (29%) и Ирландия (26%) [Eurostat, 2020].

За последнее десятилетие количество мигрантов с постсоветского пространства существенно выросло, соответственно, кратно увеличилось и количество представляющих для нас интерес WMA. Однако в последние месяцы (с конца февраля 2022 г.) в Европе отмечается объяснимый (и прогнозируемый) резкий скачкообразный рост количества мигрантов, в основном (в абсолютном численном выражении) из Украины.

Далее представлены результаты последнего, актуального на сегодня исследования, проведенного в конце 2021 – начале 2022 гг., и экспертных интервью, проведенных в августе – сентябре 2022 г. В социологическом исследовании использованы более 250 анкет мигрантов из категории WMA, приехавших из стран бывшего СССР в Бельгию, Нидерланды, Германию, Чехию. Интервью с экспертами и фокус-группами по теме миграции проведены в Чехии, Германии, Бельгии, Польше. Нами учтены как ответы фокус-групп мигрантов, так и местного населения тех же стран, поэтому мы можем ответственно говорить именно о фокус-группах высокообразованных жителей Европы.

В ходе исследования был использован метод фокус-выборки [Гринбаум, 2019: 8]. Это метод исследования множества респондентов, отобранных по общему признаку (мигранты). В ходе исследования была поставлена задача эмпирически проверить тезис о том, что низкоквалифицированная миграция практически не ощущает нетолерантного отношения местного населения при поиске работы (адекватной образованию – неквалифицированной), в то время как высокообразованная миграция при попытке найти работу, соответствующую высокому уровню образования и профессиональной квалификации, сталкивается в ряде случаев с негативным отношением. Последнее предположение на протяжении тринадцати лет подтверждалось всеми нашими мониторингами и исследованиями, круглыми столами и дебатами в рамках IMAGRI.

На наш взгляд, проблема толерантности является краеугольным камнем интеграции: получение или неполучение адекватной образованию и профессиональной квалификации работы является принципиальным для успешности дальнейшей жизни в новой стране. Мы отдаем себе отчет, что при нынешней многомиллионной европейской миграции 254 анкеты (даже при фокусной выборке и в сочетании с экспертными интервью) не являются релевантным количеством для дефинитивного исследования вопроса, однако складывающиеся тенденции уверенно определяются и по имеющимся у нас ответам.

Новостью последних месяцев стало практическое исчезновение из профессионального обихода социологов миграции термина «русскоговорящая миграция», что объясняется новыми геополитическими условиями. И это, на наш взгляд, обозначает новую формирующуюся тенденцию. Мигрантологи понимали под русскоговорящей миграцией всех, кто приехал в страны Европы с постсоветского пространства. Однако теперь, видимо, правильным будет называть таких переселенцев «постсоветскими мигрантами», хотя они по-прежнему знают русский язык, и он продолжает оставаться для значительной их части основным.

Нынешнее исследование, как и предыдущие, опровергло распространенное представление о том, что владение иностранными языками и отличные навыки межкультурного диалога в полной или почти полной мере решают проблемы самореализации иммигрантов. Практически все респонденты (96%), безусловно, подпадают под понятие «специалист по мультикультурному диалогу», однако в новой стране реализована (т. е. имеет хорошую работу и реально рассчитывает на лучшую) лишь половина из них; вторая же только мечтает о росте. Вывод, который мы можем сделать из предыдущих исследований и уверенно подкрепить нынешним: европейские представления об изначально высоких возможностях реализации потенциала мигрантов WMA в новой стране не соответствуют действительности.

В сегодняшних геополитических реалиях стало очевидно, что для значительной части

группы WMA вопрос устройства на должность или работу, эквивалентную той, что была «в другой жизни» (к примеру, в Москве), перестал быть актуальным. Для многих после переезда в Европу изменились приоритеты: на первый план вышли креативность, стремление реализоваться в абсолютно новой сфере – к примеру, социальной. В «прошлой жизни» о такой карьере люди даже не задумывались.

## 2. Результаты нового исследования уровня толерантности европейского общества, проведенного IMAGRI

### 2.1. Результаты интервью с мигрантами и местным населением

В новом исследовании респондентов попросили кратко сообщить о себе (пол, возраст, образование, статус, гражданство), а затем предложили оценить некие суждения-вопросы (см. табл. 1). Для удобства респондентам предлагались варианты ответов.

Таблица 1 – Анкета исследования

№	Вопрос анкеты (утверждение, с которым надо согласиться или не согласиться)
1.	По моему мнению, нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные
2.	На мой взгляд, к некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться
3.	Человек другой культуры обычно меня пугает или настораживает
4.	Хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей
5.	Готов дружить с человеком другой расы
6.	Мне сложно общаться с человек другой веры
7.	Для меня не важно, какой национальности мой начальник, если он имеет высокую квалификацию
8.	Я готов видеть мигранта среди своих коллег в офисе (на работе)
9.	Я готов принять в качестве члена своей семьи человека любой национальности
10.	Я отрицательно отношусь к межнациональным бракам, так как они ведут к исчезновению нации
11.	Я думаю, что мигранты приносят пользу, так как они очень трудолюбивы и старательны
12.	Я думаю, что мигранты должны иметь такой же доступ к городской инфраструктуре, что и граждане страны
13.	Я думаю, что беженцам и мигрантам не надо помогать больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше
14.	Я думаю, что национальность человека влияет на его возможности в моем городе
15.	Я поддерживаю идею, что местное население должно иметь преимущества на рынке труда
16.	Я считаю, что мигранты и беженцы осложняют обстановку в моем городе (селе)
17.	Я считаю, что мигранты повышают конкуренцию за рабочие места в моем городе (селе)
18.	Я считаю, что мигранты должны заниматься только низкоквалифицированным трудом (убирать улицы, мыть полы, посуду и т.п.)
19.	Среди моих знакомых и родственников есть те, кто готов работать на рабочих местах, где сейчас трудятся мигранты
20.	Среди моих знакомых много людей, которые негативно относятся к мигрантам
21.	Человека надо оценивать только по его моральным и деловым качествам, а не по его национальности
22.	Думаю, что любой межнациональный конфликт нужно решать, в первую очередь, путем переговоров и взаимных уступок
23.	Мне бы хотелось пожить в другой стране

Остановимся на наиболее интересных результатах.

На вопросы 1–7, про дружбу и принятие людей другой культуры, ответы были достаточно предсказуемы и, в основном, позитивны. Небольшая – подчеркнем – часть мигрантов (около 9,6%) ответили: «Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные», но в анкетах «местных» мы не получили ни одного такого ответа. Результат показывает высокий уровень толерантности сообщества и местных жителей, и мигрантов.

В ответах на вопросы 7–8 (о начальниках и коллегах в офисе) мы констатировали полную толерантность со всех сторон и принятие интернационального коллектива. Однако по теме семьи и семейных ценностей ситуация оказалась более пестрой. Коренные европейцы отвечали, что готовы принять в семью человека любой национальности (вопрос 9). Считанные единицы из них согласились, что межнациональный брак ведет к исчезновению нации (вопрос 10). Полученные нами ответы подтверждают, что

европейский мультикультурализм и его активная пропаганда, которая велась до последних лет, дали свои плоды. Однако среди мигрантов примерно 9,7% оказались против нового члена семьи «любой» национальности. 42% сочли, что возможность соединить с кем-то свою жизнь зависит от вероисповедования, религии избранника (вопрос 10).

Относительно старательности и трудолюбия мигрантов (вопрос 11) единой позиции у респондентов не оказалось – многие вообще оказались не готовы ответить на этот вопрос.

Интереснее были ответы на вопросы 12–13: мнения разделились пополам – «мигранты» против «местных». Напомним, что в исследовании принимали участие мигранты, идентифицированные нами не только по образованию, но и по продолжительности пребывания в принимающей стране (люди, прожившие здесь некоторое время, работающие и платящие налоги). Половина опрошенных считает (среди них оказались и «коренные европейцы», и приехавшие в страну некоторое время назад), что у «коренных европейцев» достаточно социальных проблем, поэтому именно им в первую очередь положены социальная помощь и доступ к инфраструктуре. В том, что мигрантам не надо помогать больше, чем местным, уверены 48% респондентов. Около 40% считают иначе; еще примерно 12% не определились с ответом.

Самыми актуальными на сегодня мы считаем мнения опрошенных о ситуации на рынке труда (вопросы 14–19). На вопрос, влияет ли национальность человека на его возможности в моем городе (вопрос 14, подчеркиваю, что мы спрашивали о квалифицированной работе), положительно ответили более 70% всех опрошенных и 92% мигрантов. Однако и в анкетах местных европейцев содержится около 30% позитивных ответов. Остальные «коренные европейцы» написали, что не знают – сами не сталкивались (это логично – они же местные).

Треть мигрантов со стажем поддержала идею, что «местное население должно иметь преимущество на рынке труда» (вопрос 15), а не согласились с этим 2/3 опрошенных. Утверждение «мигранты осложняют обстановку в городе» подтвердили 34% респондентов (не согласились с этим 60%) – это был вопрос 16. «Мигранты повышают конкуренцию за рабочие места» считают 34% опрошенных. 24% не имеют своего мнения относительно влияния мигрантов на конкуренцию за рабочие места в их населенном пункте, так как никогда с этим не сталкивались; 40% считают, что миграция не влияет негативно на рынок труда (вопрос 17). Зато в суждениях о том, только ли неквалифицированная работа предназначена для мигрантов (вопрос 18), мы увидели полную солидарность и толерантность: большинство респондентов ответили отрицательно.

45% респондентов оказались знакомы с людьми, готовыми заместить на рабочих местах мигрантов; у 33% таких знакомых нет (19 вопрос). Цифры свидетельствуют, что 45% респондентов видят конкуренцию за рабочие места между местными и мигрантами, а 22% опрошенных не сталкивались с такой проблемой.

Почти 2 / 3 (более 65%) опрошенных признались, что знакомы с людьми, которые негативно относятся к мигрантам; около 30% ответили, что с такими не знакомы. Прямого вопроса про собственную позицию респондента мы специально не задавали, выбрав более мягкую форму (вопрос 20).

Вопрос о критериях оценки человека (вопрос 21) показал, что все 100% опрошенных единодушно согласились: оценивать нужно только моральные и деловые качества, ни в коем случае не национальность. Однако 65% предыдущих ответов (вопрос 20) подтверждали, что респондент знает о принципиально негативном отношении конкретных людей к мигрантам. На первый взгляд, налицо явное несоответствие: опрошенные или знакомые, которые им вспомнились при вопросе 20, скорее всего, «негативно» относятся к «мигрантам вообще» – в общей, безликой (или обезличенной в сознании) массе. Однако при непосредственном контакте, при бытовом или рабочем общении с конкретным человеком, в котором безошибочно распознается приезжий, отношение к нему формируется индивидуально, причем в значительной степени оно является результатом поведения самого мигранта.

### 3. Результаты экспертных интервью по теме исследования

Подведя итоги данного анкетирования, мы сочли необходимым дополнить его результаты экспертными оценками, которые помогут более точно трактовать и прояснить сложившуюся ситуацию. Экспертные оценки в социологии основываются на опыте и интуиции специалистов (экспертов) по рассматриваемым вопросам; они используются при количественной обработке данных и для прогнозирования [Большой толковый социологический словарь, 2022]. Через несколько месяцев IMAGRI намерен провести новый опрос, так как совершенно ясно: геополитическая ситуация в Европе продолжит меняться, что даст иные, возможно, неожиданные, ответы на те же вопросы.

В современной обстановке закономерно повысился спрос на услуги психологов и психотерапевтов. Среди новых мигрантов – изучаемой нами высокообразованной миграции – есть не просто дипломированные специалисты этого профиля, но и достаточно много высококвалифицированных врачей, в том числе с учеными степенями. Это для нас тем более интересно, потому что к подобным специалистам обычно и обращаются образованные люди. Комментарии были даны на условиях анонимности из соображений безопасности интервьюируемых (исследователям имена известны; квалификация специалистов нами подтверждена; все эмигрировали в Бельгию много лет назад и имеют в этой стране практику).

Вопрос: *Каковы ваши профессиональные впечатления о пациентах из числа украинских беженцев? Какие они строят планы на будущее?* Ответ врача-психотерапевта, мигранта из Беларуси, кандидата медицинских наук, постоянного эксперта IMAGRI, специализирующегося на работе с постсоветской миграцией: *Да, 90% приходящих ко мне пациентов – украинцы с высшим образованием. Похоже, что минимум 90% из этих 90% хотят здесь обосноваться. Есть заключение, что эти люди, которые давно задумывались о переезде. Общая ситуация в Украине после 24 февраля стала для них возможностью переехать в Европу. Как правило это те, кто привык работать и зарабатывать.*

Ответ практикующего психолога-мигранта из России: *Есть те, и их достаточно много из приходивших ко мне на консультации, кто давно мечтал жить, работать, учиться в другой стране. Они воспользовались ситуацией. Осуждать их нечего. Там война, никто не застрахован. И право спасать жизнь одинаковое. Их мысли: устроиться, выучить язык, поступить в вуз, найти работу. Пустить корни. Этим людям тоже несладко, между прочим. Из-за несоответствия. Они часто стараются оправдать свое бегство. Даже если их об этом никто не спрашивает.*

Вопрос: *Постсоветская миграция, которую мы изучаем много лет, характеризуется высокой образованностью, наличием университетских дипломов. И этим объясняются серьезные проблемы таких мигрантов с самореализацией в новой стране. Много ли у вас сейчас пациентов, неудовлетворенных своим положением? Получивших право на работу в Бельгии, но реально работы не нашедших? В наших беседах с мигрантами эта тема стала возникать заметно чаще, поэтому хотелось бы услышать мнение специалистов вашего профиля.* Ответ врача-психотерапевта: *Я конкретно наблюдаю четыре фактора: 1. Вымышленные представления о заграничье, не отражающие реальность. 2. Советская привычка, убеждение, что государство обязано что-то дать. 3. Человек психологически живет в треугольнике Карпмана, а там все по накатанной: «Жертва» – «Спасатель» – «Агрессор». 4. Личностные проблемы часто интерпретируются как нетолерантность, как личное несоответствие.*

В Чехии и Польше нашими экспертами выступили волонтеры, с 24 февраля 2022 г. работающие в центрах помощи беженцам. Обобщенно их ответы выглядят следующим образом. О планах на будущее: практически 90% говорят о желании вернуться на родину. Что же касается жизни в Европе до момента возвращения, то практически 90% беженцев стараются как можно быстрее устроиться на работу.

Бельгия. Образованные мигранты, а также приехавшие сюда вынужденно, но решившие остаться в стране, с огромной долей вероятности начнут искать работу или постараются создать свой бизнес. Подобная тенденция отмечалась нами и в предыдущие годы. Однако типичное поведение мало- или необразованных мигрантов, которые не определились с планами или вскоре намерены уехать из Бельгии (в другую европейскую страну, на родину), обычно совершенно иное. Малообразованная временная миграция не стремится найти работу; более того, она всячески оттягивает момент начала трудовой деятельности.

К примеру, после 24 февраля 2022 г., когда в Европу хлынули потоки беженцев из Украины, клининговые фирмы готовились к наплыву потенциальных соискательниц-мигранток. В Бельгии ожидания были тем более обоснованными, что деятельность таких фирм здесь жестко контролирует государство, обеспечивая персоналу и социальные гарантии, и льготы. Работа уборщицы – неквалифицированная, но здесь совершенно не унижительная. Однако ожидания не оправдались: бывшие жительницы Украины в очередь в агентства не выстроились.

Объяснение этому очень простое. На момент написания статьи беженцы с Украины получают в Бельгии денежное пособие в 1200–1500 евро в месяц, а также бесплатный проезд и медстраховка и возможность отовариваться в социальном магазине для малообеспеченных. А вот зарплата уборщицы (и других неквалифицированных работников) – примерно 1000 – 1200 евро. Однако в соседних странах Бенилюкса ситуация иная: пособие в Нидерландах – 60 евро в неделю на человека; в Люксембурге – 500 евро в месяц на двоих, поэтому приехавшие в эти страны хотели бы начать работать. Кроме того, многие хотели бы побыстрее вернуться из этих двух стран домой. Не правда ли, налицо прямая зависимость между политикой принимающего государства и действиями прибывших на его территорию мигрантов?

Ситуация в Чехии сходна с Нидерландами и Люксембургом: пособие – 5000 крон (около 200 евро); схожие суммы выплачивает и Польша. Кроме того, сейчас постепенно отменяется и введенная в феврале «неденежная» поддержка, типа бесплатного проезда для всех беженцев. Поэтому приехавшие из Украины зимой и весной в эти страны достаточно скоро начали искать работу и относительно быстро ее нашли.

Примечательна и ситуация, сложившаяся в Литве. Страна маленькая, и нынешний поток миграции (объективно не самый большой) для нее огромен; государству очень трудно платить пособия. Правительство Литвы старается предоставить приоритет в поиске и устройстве на работу приезжим из Украины. Но в Литве уже несколько лет очень высокая безработица среди местных жителей. Соответственно, о толерантности и коренного населения, и «старой» постсоветской миграции говорить сложно: вновь прибывшие отнимают у местных рабочие места.

Описанные ситуации (в Бельгии и прочих упомянутых странах) – диаметрально противоположны. Но кто их создал? Разумеется, правительства. И интеграция мигрантов, количество которых лавинообразно возросло в последние полгода, финансируется за счет налогов, которые платят граждане. Естественно, у уважаемых европейцев возникает раздражение – одновременно и к политикам своей страны, и к миграции как явлению, и, в некоторых случаях, лично к мигрантам.

## **Заключение**

1. Толерантность к миграции всегда будет проблемой – она абсолютно по-разному выглядит с разных сторон. Недавно приехавшие мигранты считают, что их не принимают на работу из-за скрытой дискриминации. Но уже прожившие в Европе мигранты, ответив на нашу анкету (особенно нидерландские респонденты), запросили личные интервью с исследователями, чтобы заявить: постсоветская миграция несет с собой «багаж русского мира», не ориентируется на европейские принципы взаимодействия и взаимоотношений в трудовых коллективах. Нидерландские респонденты сообщили также, что и сами в прошлом совершали подобные ошибки.

Офисная культура в Европе и странах экс-СССР (определим их так) очень разнится – именно с этим часто связан отказ мигрантам в приеме на работу. В Европе более акцентированы принципы коллективного, нежели личностного лидерства, приверженцами которого являются постсоветские мигранты.

2. Важность и своевременность нашего исследования. По стечению обстоятельств, нам удалось зафиксировать толерантность к постсоветской миграции и ее собственную толерантность к принимающему обществу до новых острых геополитических процессов и сдвигов, а также уровень толерантности или скрытой интолерантности к принимающей стране. Мы сможем сравнить имеющиеся в нашем распоряжении данные с новыми, которые рассчитываем получить через несколько месяцев.

3. Нами подтвержден относительно высокий уровень толерантности населения ряда стран Европы, в которых мы проводили исследования; полагаем, данный вывод может быть распространен и на страны, которые не были охвачены исследованием.

4. Резкое увеличение количества мигрантов в стране, вызванное трагическими или форс-мажорными обстоятельствами, на некоторое (или даже довольно продолжительное – как минимум, несколько месяцев) время поначалу повышает толерантность и эмпатию у местного населения. Однако сейчас, по прошествии полугода, по соцсетям и эмпирически, мы отмечаем некоторое снижение этого уровня. Однако обоснованные выводы можно будет сделать только после проведения новых исследований.

5. Уровень толерантности в вопросах оказания мигрантам социальной поддержки и конкуренции за рабочие места различен; проблема требует дополнительного изучения. В общем виде, как показало анкетирование, «общая» толерантность к мигрантам выше, чем существующая в «профессиональной» («карьерной») среде.

6. При отсутствии продуманной и последовательной государственной политики, направленной на интеграцию, адаптацию временно или постоянно прибывших мигрантов, – по стимулированию их к трудоустройству и ответственному отношению к принимающему государству – уровень толерантности местного населения на протяжении относительно короткого времени (в месяцы) снижается.

7. Даже переселившись в страну в составе «плановой» («спокойной», «подготовленной») миграции и будучи юридически ассимилированным (де-факто и де-юре – житель Европы со всеми правами и обязанностями и паспортом европейской страны), мигрант с постсоветского пространства иногда продолжает чувствовать себя в новой стране чужим.

Как отмечает в своих исследованиях Т. В. Куприна, «социокультурные отношения представляют собой сложное многоаспектное явление. Особенно оно проявляется при взаимодействии с представителями другой культуры в дихотомии «свой» – «чужой»» [Куприна, Минасян, 2022: 208]. Данное утверждение подтверждают и результаты нашего исследования: респонденты отмечали (подлинную или кажущуюся) дискриминацию при приеме на работу или возможном повышении по службе по национальному признаку.

8. Значительная часть жителей Европы (и ощущающих себя таковыми ассимилировавшихся мигрантов) выступает против преференций мигрантам в социальных и адаптационных вопросах, а 50% полагает, что социальные права местных жителей и приезжих должны быть равны.

Этот вывод мы находим достаточно интересным и хотим дальнейшим анкетированием подробнее изучать именно этот ментальный переход «от мигранта к местному жителю».

*Автор выражает признательность журналисту Elena Myatieva (Елена Мятиева) за организацию анкетирования и экспертных интервью в Нидерландах.*

## Литература:

1. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://human\\_ecology.academic.ru](https://human_ecology.academic.ru).
2. Eurostat, Population data, 2019. Estimates for 2017 (latest year available) based on OECD/EU (2018), Settling In, Indicators of Immigrant Integration, section 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/population-demography/demography-population-stock-balance/database>.
3. Immigrant Key Workers: Their Contribution to Europe's COVID-19 Response. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ec.europa.eu/knowledge4policy/sites/know4pol/files/key\\_workers\\_covid\\_0423.pdf](https://ec.europa.eu/knowledge4policy/sites/know4pol/files/key_workers_covid_0423.pdf).
4. Гринбаум Л. Учебник и практическое руководство по фокус-групповым исследованиям: пер. с англ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.sociologos.ru/metody\\_i\\_tehnologii/Razdel\\_Kachestvennye\\_metody/Uchebnik\\_i\\_prakticheskoe\\_rukovodstvo\\_po\\_FG\\_L\\_Grinbaum](https://www.sociologos.ru/metody_i_tehnologii/Razdel_Kachestvennye_metody/Uchebnik_i_prakticheskoe_rukovodstvo_po_FG_L_Grinbaum).
5. Большой толковый социологический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://gufo.me/dict/social\\_dict](https://gufo.me/dict/social_dict).
6. Куприна Т. В. Оценка отношения студенческой аудитории к международной миграции // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2022. С. 204–208.
7. Бекетова А. П., Куприна Т. В. Пять уроков развития толерантности. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2016.
8. Куприна Т. В., Сандлер М. Р. Национальные особенности миграционных потоков в России и Европе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30031/1/irdso\\_2014\\_17.pdf](https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30031/1/irdso_2014_17.pdf).
9. Матвеев Ю. Н. Основные направления эмиграции из стран СНГ в зарубежную Европу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-emigratsii-iz-stran-sng-v-zarubezhnuyu-evropu>.
10. Сандлер М. Р. Интеграционные компетенции русскоговорящих мигрантов в Европе из категории Advanced Women и других категорий мигрантов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/integration-competencies-of-russian-speaking-migrants-in-europe-from-categories-of-advanced-women-and-other-migrants-groups>
11. Novy I., Schroll-Machl S. Interkulturní komunikace: Cesi a Nemci. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.albatrosmedia.cz/tituly/26414271/interkulturni-komunikace-cesi-a-nemci/>.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 28.09.2022

**Sandler M. R.**

*International Migration and Gender Research Institute, Brussels, Belgium*

### **POST-SOVIET MIGRATION IN EUROPE OF THE ADVANCED CATEGORY: TOLERANCE OF THE HOST EUROPEAN COMMUNITY AND MIGRANTS' OPINION ON TOLERANCE**

The current research focuses on the concept of tolerance level, both on behalf of the local residents of European countries accepting migrants, and the migrants themselves towards local population. The surveys were conducted in focus groups in Belgium, the Netherlands, the Czech Republic, Poland, while the expert interviews were collected in Belgium, Germany, the Czech Republic, Poland, the Netherlands, and Luxembourg. The surveys led by the IMAGRI Institute in

Europe in December 2021 – January 2022 and compelled to be continued in the form of expert interviews after February 24, 2022, allow us to answer the question about the attitude of post-Soviet migrants to European values and the prospects of Europe and Europeans in the light of “force majeure” migration, that is the avalanche-like resettlement of millions of Ukrainian residents to Europe. IMAGRI has been working in Brussels since 2009 studying migration from post-Soviet countries emerged on the territory of the collapsed USSR, in particular, the WMA category, or “advanced migration” previously concentrating on women, and in the latest study expanded to all educated migrants of both sexes. Highly educated migrants, who are placed in the center of IMAGRI’s attention, possess well-developed intercultural communication skills, but in about half of the cases this does not solve the problems of their self-actualisation in career and society. *Key words:* category –Definiteness / Indefiniteness, comparative typological method, article, classification of languages, co-study of languages.

*Key words:* tolerance level, WMA (“advanced migration”), highly educated migration, post-Soviet migration, intercultural communication skills, questionnaire, focus sampling, expert opinion.

*About the author:*

**Sandler Margarita**, Director of Office in Brussels, International Migration and Gender Research Institute (Brussels, Belgium), co-founder of IMAGRI, expert in gender migration, post-Soviet migration in Europe. e-mail: epawpresident@gmail.com.

#### References:

1. Human Ecology. Conceptual and Terminological Dictionary, [https://human\\_ecology.academic.ru](https://human_ecology.academic.ru).
2. Eurostat, Population data, 2019. Estimates for 2017 (latest year available) based on OECD/EU (2018), Settling In, Indicators of Immigrant Integration, section 7, <https://ec.europa.eu/eurostat/web/population-demography/demography-population-stock-balance/database>.
3. *Immigrant Key Workers: Their Contribution to Europe’s COVID-19 Response*, [https://ec.europa.eu/knowledge4policy/sites/know4pol/files/key\\_workers\\_covid\\_0423.pdf](https://ec.europa.eu/knowledge4policy/sites/know4pol/files/key_workers_covid_0423.pdf).
4. Grinbaum, L. *Textbook and Practical Guide to Focus Group Studies*, [https://www.sociologos.ru/metody\\_i\\_tehnologii/Razdel\\_Kachestvennye\\_metody/Uchebnik\\_i\\_prakticheskoe\\_rukovodstvo\\_po\\_FG\\_L\\_Grinbaum](https://www.sociologos.ru/metody_i_tehnologii/Razdel_Kachestvennye_metody/Uchebnik_i_prakticheskoe_rukovodstvo_po_FG_L_Grinbaum).
5. *A Large Explanatory Sociological Dictionary*, [https://gufo.me/dict/social\\_dict](https://gufo.me/dict/social_dict).
6. Kuprina, T. V. “Assessment of the Student Audience’s Attitude to International Migration.” *Rossiyskie Regiony v Fokuse Peremen*, vol. 1, Ekaterinburg, 2022, pp. 204–208.
7. Beketova, A. P., Kuprina, T. V. *Five Lessons of Tolerance Development*. Ekaterinburg, 2016.
8. Kuprina, T. V., Sandler, M. R. “National Peculiarities of Migration Flows in Russia and Europe.” *Institut Razvitiya Demograficheskoy Sistemy Obshchestva, Ural’skoe Otdelenie Instituta Ekonomiki RAN: conference papers*. Ekaterinburg, 2014, pp. 89–94.
9. Matveev, Yu. N. *The Main Directions of Emigration from the CIS Countries to Foreign Europe*, <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-emigratsii-iz-stran-sng-v-zarubezhnyu-evropu>.
10. Sandler, M. R. “Integration Competencies of Russian-Speaking Migrants in Europe from the Advanced Woman Category and Other Categories of Migrants.” *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 2016. pp. 75–84.
11. Novy, I., Schroll-Machl, S. *Interkulturní Komunikace: Cesi a Nemci*, <https://www.albatrosmedia.cz/tituly/26414271/interkulturni-komunikace-cesi-a-nemci/>.

Received 28.09.2022

**Стихина И. А.**

*Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия*

## **АКТУАЛИЗАЦИЯ ПАРАДИГМЫ СООТВЕТСТВИЙ НЕМЕЦКИМ СЛОЖНЫМ СЛОВАМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В отечественном языкознании существует категоризация соответствий немецким сложным словам в русском языке. В статье рассматриваются особенности существующего подхода и предлагаются уточнения на основе проведенного анализа. Актуальность статьи заключается в том, что в ней дополняются существующие критерии и расширяются представления о возможных соответствиях немецким сложным словам в русском языке, что является вкладом как в изучение особенностей функционирования сложных слов немецкого языка, так и в сопоставительное изучение немецкого и русского языков в целом. Объектом исследования являются сложные слова немецкого языка как специфическое явление в словообразовании этого языка, а предметом – категоризация соответствий между сложными существительными немецкого языка и их эквивалентами в русском языке. Методика сопоставления включает соотнесение сложных слов немецкого языка с их эквивалентами в русском языке, выявление частотности использования определенных моделей при переводе сложных немецких слов на русский язык на материале отрывка из текста-оригинала и его перевода. Цель статьи – систематизировать соответствия немецким сложным словам в русском языке на материале современного литературного текста. В качестве методов использовались метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, описательный метод, компаративный анализ оригинала и перевода и метод количественного анализа. Исследование объединяет сопоставительный аспект с переводческим.

Основные модели соответствий немецким сложным существительным в русском языке нашли подтверждение в рамках анализируемого материала, при этом автором были предложены некоторые дополнения, что и составляет новизну его исследования. Отмечаются следующие результаты: по частотности использования на первом месте соответствий немецким сложным существительным в русском языке – модель «прилагательное с существительным»; на втором – корневые и производные слова русского языка; на третьем – группа переводческих трансформаций, дополненная автором; на четвертом – модель «существительное с другим существительным в родительном падеже»; на пятом – предложные сочетания. Две малые группы – сложные существительные русского языка и устойчивые выражения – обнаружены автором статьи в результате анализа материала. В выявленной группе трансформаций отмечено использование разнообразных переводческих приемов, например: добавление и опущение лексических единиц, замена частей речи, генерализация, конкретизация, смысловое развитие, целостное преобразование, замена одной синтаксической конструкции на другую.

*Ключевые слова:* немецкий язык, словосложение, сложные существительные, аффиксация, роман Урса Видмера «Жизнь гнома», перевод.

*Сведения об авторе:*

**Стихина Ирина Александровна**, кандидат филол. наук, и. о. зав. кафедрой иностранных языков, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург); e-mail: aniris.rina@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1955-6549>.

## **Введение**

Сопоставительные исследования сложных слов в двух и более языках являются междисциплинарными: они объединяют такие разделы языкознания, как морфология, словообразование, синтаксис, лексикология. А. В. Федоров отмечает, что лексические явления соприкасаются с грамматическими именно в сфере словообразования, когда «при анализе соотношения некоторых словарных элементов есть возможность опереться на грамматику» [Федоров, 1961: 25]. При этом сопоставительное изучение в области словообразования позволяет отойти от соотношений между языками в сфере морфологии и, частично, синтаксиса к соотношениям в области лексики и семантики. Так, выявление особенностей немецких сложных слов и их соответствий в русском языке А. В. Федоров строит на сопоставительном рассмотрении лексики двух языков в аспекте словообразования на основе анализа лексико-морфологических соотношений между ними [Там же]. В дальнейшем мы опираемся на систему соответствий немецким сложным существительным в русском языке, разработанную Н. Н. Кузнецовой в исследовании «Немецко-русские языковые параллели» [Федоров, Кузнецова и др., 1961].

По А. В. Исаченко, сопоставление отдельных форм не приводит к сколько-нибудь значимому результату, поэтому сопоставлению подлежат явления категориальные, «системные» [Исаченко, 1954: 63]. А. В. Федоров также отмечает, что оправданным представляется «комплексное» сопоставительное изучение явлений языка и речи, если сравниваются «высокоразвитые и хорошо изученные языки», о системах которых накоплено достаточно данных. Это как раз относится к немецкому и русскому языкам [Федоров, 1961: 17].

Цель настоящего исследования – систематизировать соответствия немецким сложным словам в русском языке на материале современного литературного текста и соотнести полученные результаты с разработанными ранее моделями соответствий. Научная новизна исследования состоит в том, что на основе проведенного анализа автор предлагает дополнить разработанную в предыдущих исследованиях категоризацию соответствий немецким сложным словам в русском языке.

### **1. Постановка задачи и методология исследования**

Объектом рассмотрения в нашей статье являются сложные слова немецкого языка как специфическое явление в словообразовании этого языка, а предметом – категоризация соответствий между сложными словами немецкого языка и их аналогами в русском языке. Исходным пунктом становится немецкий язык, сложные слова которого изучаются путем сопоставления с русским языком. Для достижения цели исследования – систематизации соответствий немецким сложным словам в русском языке – используется материал определенного текста, и полученные результаты соотносятся с уже существующей в языкознании классификацией. Задача автора – актуализация предложенной в предыдущих исследованиях категоризации соответствий сложных слов в немецком и их эквивалентов в русском языке в процессе выявления преобладающего типа соответствий на конкретном литературном материале. В качестве материала используется фрагмент текста из романа известного немецкоязычного писателя У. Видмера «Das Leben als Zwerg» [Widmer, 2006] и перевод данного текста, сделанный Е. Зись («Жизнь гнома» [Видмер, 2009]). Изученный фрагмент романа занимает десять страниц немецкого карманного издания и девять страниц русского перевода в книге аналогичного формата. Выбор данного произведения обусловлен стремлением автора исследования проанализировать соответствия немецким сложным словам в русском языке на материале произведения современного автора и его перевода. Избранный фрагмент романа представляет собой начало произведения и выбран в качестве «полигона». Анализ текста всего романа может стать задачей последующего, более объемного исследования, результаты которого гипотетически могут коррелировать с полученными данными представленной статьи. Зачастую исследователи выбирают

в качестве материала для анализа сложных слов тексты публицистического стиля [Олейник, 2020; Каримова, 2019], так как в них ярко отражаются процессы современного словообразования. В представленной статье акцентируется сопоставительный аспект, поэтому использование оригинала и перевода художественной литературы позволит наиболее полно выявлять эквивалентные средства выражения в обоих языках. Такой подход способствует раскрытию тенденций и возможностей каждого из языков, их специфики относительно друг друга. В целом, при анализе переводов литературных текстов рассматриваются языковые явления в конкретном, зачастую широком, стилистически насыщенном контексте. Стилистический аспект неизбежно присутствует при сопоставительном рассмотрении явлений разных языков, когда они анализируются с учетом оттенков содержания, выражаемого ими, и с учетом стилей речи в этих языках. Кроме того, при сопоставительном исследовании неизбежно происходит анализ перевода [Федоров, 1961: 26]: в статье он также осуществляется. Таким образом, исследование объединяет сопоставительный аспект с переводческим.

В литературе отмечается, что сопоставительным исследованиям немецкого и русского языков «относительно повезло»: это односистемные языки, которые, не являясь близкородственными, представляют «своеобразное переплетение черт структурного сходства и различия» [Федоров, 1961: 18]. По мнению А. В. Федорова, «исключительно четко и динамично» специфические особенности этих языков выступают в словообразовании и некоторых вопросах синтаксиса. Исследователь предлагает путь рассмотрения от формальных категорий языка к их значению, как наиболее целесообразный с точки зрения методологии. От формальной категории, например, определенного типа слов, моделей словообразования, он направляется к определению значения в языке, а потом к формальным средствам выражения этого значения в другом языке (таким же или иным типам слов и т.п.) [Федоров, 1961: 19]. При этом подчеркивается преимущество материалов переводов – их авторы стараются передать общность значения с максимально возможной полнотой.

Методика сопоставления в данной статье включает соотнесение сложных слов немецкого языка с их эквивалентами в русском языке на материале оригинала и перевода романа. Сопоставление соответствующих параллельных или частично параллельных языковых единиц (слов, словосочетаний и т. д.) в двух языках вне перевода, помогающее выявлять формальное сходство и различия, тоже осуществлялось в рамках предлагаемого анализа. Комбинирование двух упомянутых методических приемов является характерным для большинства сопоставительных исследований [Федоров, 1961: 20, 24], в том числе и для данной статьи.

Русский и немецкий языки располагают одинаковыми способами словообразования: аффиксацией, словосложением, субстантивацией. Отличие же, по А. В. Федорову, в «разной степени интенсивности, действия того или другого способа словообразования, в различном характере отношения определенного способа словообразования к другим, например, к чисто синтаксическим возможностям выражения различных смысловых отношений» [Федоров, 1961: 27.]. Известно, что в русском языке ведущую роль играет суффиксация и префиксация, а в немецком языке словосложение не уступает им по значимости. Сложные слова русского языка могут соответствовать немецким сложным словам, но гораздо чаще соответствия будут иными, что подтверждается исследованиями.

Огромное разнообразие сложных слов представлено в немецком языке в системе существительного. Так, Н. Н. Кузнецова отмечает, что в русском языке нет сложных слов, первым компонентом которых была бы глагольная основа, например: *die Stehlampe* – торшер, *das Bewegbild* – кинематографическое изображение и т. д. Исследователь также акцентирует главное отличие – немецкие сложные слова, а особенно сложные существительные, качественно отличаются от русских тем, что обозначают отдельные понятия и выражения отношений между предметами и явлениями действительности

(к примеру, *die Italienreise, die Familiensache*). Последнее свойство сближает немецкие сложные слова с синтаксическими словосочетаниями, Н. Н. Кузнецова называет его «синтаксической функцией словосложения» [Федоров, 1961: 30]. В русском языке сложные существительные в большинстве случаев служат именно обозначению предметов или явлений (*водоканал, терморегулятор, самосуд* и т.д.). Помимо терминологических обозначений, существует немало слов с экспрессивной окраской, используемых в разговорной речи (*голодранец, горлопан* и т.д.).

Разнообразие моделей сложных слов в немецком языке исследователи связывают с сочетанием словообразовательной и синтаксической функций, которые могут комбинироваться в одном слове и даже проявляться в зависимости от контекста (например, *der Rosenkranz – венок из роз* и *четки для молитвы*) [Федоров, 1961: 34]. В русском же языке, в отличие от немецкого, более развитая и дифференцированная система суффиксов. Например, ласкательные и пренебрежительно-уничижительные, увеличительные суффиксы в русском языке представлены многообразно. Они создают возможности для выражения субъективной оценки и различных эмоционально-экспрессивных смысловых оттенков.

Также отыменное словообразование является отличительной чертой русского языка. В немецком языке разнообразие суффиксов значительно ниже. Так, уменьшительно-ласкательные суффиксы «-chen» и «-lein» объединяют в себе и ласкательность, и уничижительность, и уменьшительность [Федоров, 1961: 38]. Соответственно, многие русские существительные, образованные при помощи аффиксации, на немецкий язык переводятся сложными существительными, поскольку именно модель сложного слова в немецком языке передает все разнообразие морфологических типов, представленных в русском языке при помощи аффиксации. Прежде всего, это отыменные образования: отличник – *der Musterschüler*, моряк – *der Seemann*, шахтер – *der Bergarbeiter*. Также верно и обратное – в немецком языке больше возможностей для образования отглагольных существительных, поэтому ряд существительных с суффиксом «-er», образованных на основе синтаксических словосочетаний или производные от сложных слов, не имеют прямых аналогов в русском языке, соответственно их перевод на русский язык возможен только при помощи синтаксических конструкций, например: *der Mundartsprecher* – человек, разговаривающий на диалекте; *der Muttersprachler* – носитель языка.

## 2. Результаты исследования

В рассматриваемом отрывке есть сложные существительные, прилагательные, наречия, числительные, демонстрирующие структурное разнообразие моделей сложных слов в немецком языке (например: *tatsächlich; offenkundig; himmelblaue Jacken; herzensgut und hilfsbereit; ...saß stundenlang; woandershin blicken; ...schon lange lebe ich mutterseelenallein; ...das könnte mir durchaus passieren; zehntausend Jahre alt*). Сложные слова представлены в немецком языке и в системе глагола. Однако их статус в качестве сложных слов оспаривается исследователями. Многие из этих глаголов имеют отделяемую приставку, а для слов характерна нераздельность. Кроме того, явления конверсии и «обратного словообразования» ставят вопрос о том, явилось ли словосложение причиной появления такого глагола [Schlücker, 2012: 11; Стихина, 2022]. В русском языке таким немецким глаголам соответствуют, как правило, словосочетания или производные глаголы, например, *eislaufen* – кататься на коньках; *kundgeben* – оповещать. Из-за спорного статуса таких глаголов в данной статье они не рассматриваются. Также в исследовании, взятом в качестве теоретической основы [Федоров, 1961], данная группа не анализируется подробно.

Основное внимание в нашем исследовании уделяется сложным существительным. В количественном отношении они доминируют среди сложных слов немецкого языка [Donalies 2004: 54]. В анализируемом фрагменте 2068 слов, из них 112 слов являются сложными, без учета повторов (мы считали существительные, прилагательные, наречия, неопределенное местоимение; числительные и союзы не учитывались, так как большая часть

числительных являются сложными словами и в русском, и в немецком языках, а союзы представляют собой служебные слова). Поскольку целью анализа являются, прежде всего, доминирующие в немецком языке сложные имена существительные, иные части речи не рассматриваются подробно. В целом, процент учитываемых сложных слов составил 4% от общего количества слов. В анализируемом фрагменте 79 сложных существительных, что составляет 71% от общего числа сложных слов. Таким образом, доминирование сложных существительных подтверждается в рассматриваемом тексте.

Согласно Н. Н. Кузнецовой, в русском языке выделяются следующие основные соответствия немецким сложным существительным: сочетания существительных с прилагательными, которые их определяют; сочетания существительного с другим существительным в родительном падеже и предложные сочетания. Также исследователь рассматривает простые слова (корневые или производные) как соответствия немецким сложным словам и упоминает синтаксические конструкции, такие как придаточные предложения и причастные обороты (цитируется по: [Федоров 1961: 66]).

Согласно задаче данной статьи, рассмотрим, насколько приведенные выше критерии соответствий немецким сложным существительным в русском языке применимы к рассматриваемому фрагменту. В анализируемом тексте сложными словами на русский язык переведены только три из 112 немецких сложных слов: *der Heizstrahler* – электрокамин, *himmelblaue* – небесно-лазоревые, *das Flugzeug* – самолет. Соответственно, из 79 немецких сложных существительных только два оказались сложными в переводе на русский язык (*der Heizstrahler* – электрокамин, *das Flugzeug* – самолет), что соответствует 2 %. Эту долю можно обозначить как долю соответствий в использовании параллельных моделей сложных существительных в русском и немецком языках (безусловно, в рамках рассматриваемого фрагмента).

На первом месте в числе соответствий немецкому сложному существительному в русском языке оказалось сочетание относительного прилагательного с существительным (29 примеров, то есть 36,7%), например: *die Holzwand* – деревянная стенка; *die Metalldraht* – металлическая проволока; *der Spielzweig* – игрушечный гном; *der Schreibtisch* – письменный стол. Подтверждается, что семантика сложного немецкого слова часто соответствует семантике русского словосочетания относительного прилагательного с существительным: в обоих случаях характеристика предмета представлена указанием на его отношение к другому предмету. Относительные прилагательные, по В. В. Виноградову, обозначают качество как «признак, выводимый из отношения к предмету, обстоятельству или действию» [Виноградов, 1972: 182]. Такие отношения разнообразны: это могут быть отношения к материалу, действию, времени, месту, отношения принадлежности, сравнения и т. д. Большая часть немецких сложных существительных является определительными существительными (Determinativkomposita) [Eichinger 2000: 117]. Вне зависимости от их морфологического состава (существительное, прилагательное, наречие или глагольная основа в качестве первого компонента), первый компонент сложного существительного выражает отношение определения к определяемому. Так как в русском языке атрибутивные отношения выражаются сочетаниями прилагательного (причастия) с существительным, они становятся соответствиями немецким сложным словам. Как уже отмечалось, это, как правило, относительные прилагательные в русском языке. Однако можно встретить примеры употребления причастий (*die Entwicklungsländer* – развивающиеся страны) и качественных прилагательных (если первый компонент выражен качественным прилагательным, например, в отрывке: *das Erwachsenenetöse* – взрослая суета [Widmer 2006: 14]).

На втором месте соответствий сложному немецкому существительному находится соответствие простым (корневым или производным) словам в русском языке – 22 примера в рассматриваемом фрагменте текста романа, то есть 27,8 %. Например: *meine Augenlider* – мои веки, *das Spielzeug* – игрушка; *die Putzfrau* – уборщица; *die Lebensstarre* – оцепенение; *wie Irrwische* – подобно домовым; *die Dentalzangen* – щипцы; *Himmelblöe* (швейц. нем. =

*Himmelblau*) – Кобальд (имя гнома). Иногда при переводе на русский язык первый компонент сложного немецкого существительного редуцируется. Приведем пример в контексте – сложному существительному *der Fußboden* соответствует русское корневое слово *пол*: *Schon lange lebe ich mutterseelenallein (Zwerge haben keine Mütter) auf einem Regal, einem Menschenregal, hoch über dem Fußboden* [Widmer 2006: 9] – *Я уже давно живу совсем один (у гномов нет матерей) на этажерке, высоко над полом* [Видмер 2009: 13]. Многим немецким сложным существительным в русском языке соответствуют корневые или производные слова, например: *die Siphonflasche* – сифон; *die Putzfrau* – уборщица; *der Dachboden* – чердак; *der Stinkstiefel* – вонючка (ворчун, зануда).

В приведенном выше предложении есть сложное прилагательное *mutterseelenallein*. В русском языке мы не найдем полного соответствия – его можно перевести как «одинок», «в гордом одиночестве», «один как перст». Этот контекст труден для перевода, поскольку в предложении присутствует игра слов. Словарь Duden уточняет, что слово *die Mutterseele* равно по значению слову *die Menschenseele*, то есть «человеческая душа» [Duden. Onlinewörterbuch]. Прилагательное *mutterseelenallein*, соответственно, может быть переведено как «одинокая человеческая душа». Это идиома – экспрессивно окрашенная языковая единица, которая подчеркивает уязвимость и драматичность положения одинокого персонажа-рассказчика [Wörterbuch für Redensarten]. Далее в скобках указано *Zwerge haben keine Mütter* – «у гномов нет матерей». Этот комментарий «обыгрывает» первый компонент сложного прилагательного – *Mutter-* (мать). В данном случае можно говорить о формально-семантической модификации идиомы – один из ее компонентов (в рассматриваемом случае компонент сложного слова) используется свободно. Он «отрывается» от идиомы, но по-прежнему с ней связан контекстом – так возникает языковая игра [Стихина 2020: 117–118]. В результате повествование приобретает иронический ракурс: языковая игра может быть воспринята как подтрунивание над пытающимся все объяснить гномом-рассказчиком. При переводе не удастся передать эту языковую игру, и замечание о том, что у гномов нет матерей, не совсем понятно в контексте.

В обсуждаемом контексте есть также сложное существительное *das Menschenregal*. При переводе опускается первый компонент (чаще в русском языке редуцируется определение, то есть аналог первого компонента сложного немецкого существительного), и переводчик предлагает вариант «этажерка». Кроме того, в немецком тексте есть повтор (*auf einem Regal, einem Menschenregal*), который тоже не отражается в переводе. О том, насколько стилистически верным является данное решение, можно дискутировать. Рассказчик противопоставляет два мира – мир гномов и людей, и многократное использование слова *Menschen-* в качестве первого компонента представляется стилистически значимым. Так, в изученном фрагменте имеются следующие сложные существительные с этим компонентом: *der Menschenblick, die Menschenaugen, das Menschenmädchen, das Menschenzimmer, die Menschenohren*. Также опускается перевод компонента *Menschen-* в сложном слове *das Menschenmädchen* – девочка. В остальных сложных словах первый компонент переведен. Таким образом, переводчик сам решает, каким должен быть эквивалент сложных немецких существительных в русском языке, исходя из собственных представлений о стилистических особенностях произведения, его художественной составляющей.

На третьем месте соответствий сложному немецкому существительному находится сочетание существительного с другим существительным в родительном падеже. Таких примеров 10 (12,6%), приведем некоторые из них: *der Menschenblick* – взгляд человека; *die Tischbeine* – ножки стола; *unser Überlebensgeheimnis* – тайна нашего выживания; *die Gummibrocken* – крошки резины; *die Spielzeugunbeweglichkeit* – неподвижность игрушки. Такое соответствие – существительное с другим существительным в родительном падеже в русском языке в качестве эквивалента немецкому сложному существительному – является весьма распространенным. Существительное в родительном падеже выступает при этом

в роли определения. В русском языке это родительный падеж конкретизации, который уточняет содержание определяемого существительного. В приведенных примерах в большинстве случаев выражено отношение принадлежности. Родительный падеж в русском языке может выражать также значение объекта действия, отношения части к целому, меры, количества и др. [Федоров 1961: 59–60]. Нужно отметить, что при переводе сложного немецкого существительного на русский язык приименный родительный падеж может использоваться параллельно с сочетанием относительного прилагательного и существительного. Эти структуры синонимичны, когда выражают значение принадлежности: *der Menschenblick* – взгляд человека (= человеческий взгляд); *die Menschenohren* – человеческие уши (= уши человека).

На четвертом месте – предложные сочетания в русском языке как соответствия немецкому сложному существительному. В отрывке 6 примеров таких соответствий (7,5%), приведем некоторые и них: *die Spielzeugkiste* – ящик для игрушек; *die Schreckensstarre* – столбняк от ужаса; *die Zwergenstimmen* – голоса гномов. Многие немецкие сложные слова являются сокращенными синтаксическими конструкциями, соответственно, в русском языке им могут соответствовать как наиболее простые синтаксические конструкции – предложные сочетания, – так и более развернутые: придаточные предложения, причастные обороты. Такие соответствия в рассматриваемом отрывке тоже присутствуют. Мы выделили их в отдельную пятую группу.

В пятую группу включены любые грамматические и лексико-семантические трансформации, применяемые переводчиком для передачи смысла сложного немецкого существительного, включая расширение (добавление лексических единиц в русском языке), факультативное изменение порядка следования слов, их частей и т. д., опущение лексических элементов, замену частей речи, генерализацию, конкретизацию, смысловое (логическое) развитие, целостное преобразование, замену одной синтаксической конструкции на другую [Архипов 1991]. Таких примеров 8 (10%). Приведем некоторые трансформации, реализованные переводчиком для передачи смысла немецких сложных слов в русском языке:

1) *tönerne Volkskunst* – глиняные **произведения народного искусства** (добавлен лексический компонент «произведения»);

2) «... *mit seiner Glatze, seinem bizarren Haargewusel auf den Schädelseiten*» – «... с лысиной, **окаймленной включенными волосами**» (целостное преобразование предложной конструкции со сложными словами с использованием другой синтаксической конструкции – причастного оборота);

3) «...*und Zwergenstimmen sind so leise, daß sie von Menschenohren, wenn überhaupt, nur gehört werden können, wenn diese direkt vor dem Zwergemund sind* – «...а голоса у гномов такие тихие, что человеческое ухо может услышать нас, если оно вообще на это способно, **только прижавшись к нашим губам**» (конкретизация, опущение компонента сложного слова, добавление притяжательного местоимения, использование деепричастного оборота);

4) «... *ich höre das Matratzenquietschen*» – «... я слышу, как скрипит кровать» ... (использование синтаксической конструкции – придаточного предложения).

5) «*Ich wage es einfach nicht, die gut zwanzig Zwergelängen lotrecht zum Erdboden hinabzusteigen, die glatten Regalwände hinunter*» – «Я просто не решаюсь спуститься на **пол** с высоты почти в двадцать гномовских ростов по гладким отвесным стенкам этажерки» (генерализация: *Erdboden* – земная поверхность, земля; *der Boden* – поверхность (любая), пол);

6) «... *mit mir sind nur noch ein Zahnarzt aus angemalter Tonerde ...*» – «... рядом со мной – только раскрашенный **глиняный** зубной врач» (замена частей речи);

Нужно упомянуть и устоявшиеся в русском языке выражения как соответствия немецким сложным словам. В рассматриваемом отрывке это сложные существительные *die Habtachtstellung* – стойка смиренно; *die Hundertelsekunde* – сотая доля секунды (2 %). Результаты анализа соответствий немецкому сложному существительному в русском языке

на примере анализируемого фрагмента из художественного текста представлены в диаграмме:



Рис. 1. Диаграмма соответствий немецких сложных существительных русскоязычным переводным моделям на примере фрагмента романа «Жизнь гнома» У. Видмера (в процентном соотношении).

### Заключение

Таким образом, предлагаемые Н. Н. Кузнецовой критерии соответствий немецких сложных существительных различным моделям в русском языке, в целом, нашли подтверждение в рамках анализируемого текста с некоторыми уточнениями. Основные модели, приведенные исследователем, представлены в нем: сочетание прилагательного с существительным; существительного с другим существительным в родительном падеже и предложные сочетания [Федоров 1961: 66]. Кроме того, также рассматриваемые Н. Н. Кузнецовой корневые и производные слова русского языка как соответствия немецким сложным словам, занимают значимое второе место. Отдельно нужно отметить последнюю, пятую группу, в которой отражены разнообразные переводческие трансформации – как грамматические, так и лексико-семантические. Трансформации не исчерпывались использованием таких синтаксических конструкций в русском языке, как придаточное предложение и причастный оборот, упоминаемые Н. Н. Кузнецовой. Спектр переводческих трансформаций оказался достаточно широким – как минимум 9 из 21 вида грамматических и лексико-семантических трансформаций, предлагаемых А. Ф. Архиповым [Архипов 1991], были применены при переводе сложных существительных с немецкого языка на русский в рассматриваемом фрагменте. Различных трансформаций (добавление и опущение лексических единиц, замена частей речи, генерализация, конкретизация, смысловое развитие, целостное преобразование, замена синтаксических конструкций и др.) оказалось даже больше, чем предложных словосочетаний в русском языке в качестве соответствий немецким сложным словам – 10% против 8%.

Разнообразие возможностей передачи немецких сложных слов в русском языке очень велико. Этому можно найти подтверждение даже на примере небольшого литературного

фрагмента. Выявление закономерностей таких соответствий может помочь обучающимся немецкому языку глубже понимать особенности немецкого и русского словообразования, синтаксиса, лексико-грамматического строя, а также находить оптимальные варианты передачи смыслов. Любой немецкий текст может служить «полигоном» для поиска этих закономерностей и развития практических навыков будущих лингвистов.

#### Литература:

1. Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова И. А. Немецко-русские языковые параллели. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961.
2. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 1. Братислава: Изд-во словацкой Академии наук, 1954.
3. Widmer U. Das Leben als Zwerg. Zürich: Diogenes Verlag, 2006.
4. Видмер У. Жизнь гнома. М.: Текст, 2009.
5. Олейник О. В. Слова-композицы в немецкой прессе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/7-97-2020-july/slova-kompozity-v-nemeckoj-pressе>. DOI: 10.23670/IRJ.2020.97.7.087
6. Каримова Р. Х., Болотова Е. В. Словообразовательный анализ лексики газетно-публицистического стиля // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 9. С. 23–31.
7. Schlücker B. Die deutsche Kompositionsfreudigkeit Übersicht und Einführung // Das Deutsche als kompositionsfreudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte. Berlin, New York, 2012. P. 1–25.
8. Стихина И. А. К проблеме разграничения сложных существительных и дериватов в немецком языке // Lingua Academica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: материалы VII всерос. научно-практ. конф. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2022. С. 160–164.
9. Donalies E. Grammatik des Deutschen im europäischen Vergleich: Kombinatorische Begriffsbildung Teil I: Substantivkomposition. Arbeitspapiere und Materialien zur deutschen Sprache // Institut für Deutsche Sprache. 2004. Nummer 2/04.
10. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972.
11. Eichinger L. M. Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. Tübingen: Narr, 2000.
12. Duden. Onlinewörterbuch. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.duden.de/rechtschreibung/mutterseelenallein>.
13. Wörterbuch für Redensarten. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.redensarten-index.de>.
14. Стихина И. А. Фразеология Урса Видмера: Пример одного произведения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 3. С. 114–120.
15. Архипов А. Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский. М.: Высш. шк., 1991.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 6.10.2022

**Stikhina I. A.**

*Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia*

### **UPDATING THE PARADIGM OF CORRESPONDENCES TO GERMAN COMPOUND WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

In Russian linguistics, there is a categorisation of equivalents to German compound words in Russian. The article discusses the features of the existing approach and suggests refinements based on the conducted analysis. The relevance of the article lies in the fact that it complements the existing criteria and expands the ideas concerning possible correspondences to German compound

words in Russian, which is a contribution both to the study of compound words in German, and to the comparative study of German and Russian languages, in general. Compound words in the German language as a specific phenomenon in the word formation of this language present the object of the study, and its subject is the categorisation of correspondences between compound nouns in German and their equivalents in Russian. The method of comparison includes correlating German compound nouns with their equivalents in Russian, identifying the frequency of using certain models when translating German compound nouns into Russian on the basis of an excerpt from the original text and its translation. The purpose of the article is to systematise the correspondences of German compound nouns in Russian on the example of a certain literary text. The author's task is to update the categorisation of correspondences for compound nouns in German and their equivalents in Russian, suggested in previous studies, in the process of identifying the predominant type of correspondences on a specific literary material. The following methods were used: a continuous sampling method, the component analysis, a descriptive method, a comparative analysis of the original and translation, and the method of quantitative analysis. The study combines the comparative (proper linguistic) aspect and the translational one.

The main models of correspondences to German compound nouns in Russian found confirmation within the analysed material, while the author suggested some additions, which present the novelty of the research. The following results were noted: in terms of frequency the model of “an adjective plus a noun” takes the first place among correspondences to German compound nouns in Russian; the second place is taken by root and derivative words of the Russian language; the third place occupies a group of translation transformations, supplemented by the author; the fourth place is taken by a model of “a noun plus another noun in the genitive case”; the fifth place goes to prepositional word combinations. Two small groups – compound nouns of the Russian language and set expressions – are added by the author. In the identified group of transformations, the use of various translation techniques is noted, for example: adding and omitting lexical units, replacing parts of speech, generalisation, concretisation, semantic development, holistic transformation, replacement of one syntactic construction with another.

*Key words:* German language, composition, compound nouns, affixation, Urs Widmer's novel “Ein Leben als Zwerg,” translation.

*About the author:*

**Stikhina Irina Alexandrovna**, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia); e-mail: aniris.rina@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1955-6549>.

#### References:

1. Fedorov, A. V., Kuznetsova, N. N., Morozova, E. N., Tsyganova, I. A. *German-Russian Language Parallels*. Moscow, 1961.
2. Isachenko, A. V. *Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak. Morphology. Part One*. Bratislava, 1954.
3. Widmer, U. *Das Leben als Zwerg*. Zürich, 2006.
4. Widmer, U. *The Life of a Dwarf*. Moscow, 2009.
5. Oleinik, O. V. “Compound Words in the German Press.” *International Research Journal*, no. 7, 2020, <https://research-journal.org/archive/7-97-2020-july/slova-kompozity-v-nemeckoj-presse>. DOI: 10.23670/IRJ.2020.97.7.087
6. Karimova, R. Kh., Bolotova, E. V. “Word-Formation Analysis of the Lexicon of the Newspaper-Journalistic Style.” *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, no. 9, 2019, pp. 23–31.
7. Schlücker, B. “Die deutsche Kompositionsfrudigkeit. Obersicht und Einführung. ” *Das Deutsche als kompositions freudige Sprache. Strukturelle Eigenschaften und systembezogene Aspekte*. Berlin, New York, 2012, pp. 1–25.
8. Stikhina, I. A. “On the Problem of Distinguishing between Complex Nouns and Derivatives in the German Language.” *Lingua Academica: Actual Problems of Linguistics and Linguodidactics*:

- Reports of the Seventh All-Russian Scientific and Practical Conference*, Ulyanovsk, 2022, pp. 160–164.
9. Donalies, E. “Grammatik des Deutschen im europäischen Vergleich: Kombinatorische Begriffsbildung. Teil I: Substantivkomposition. Arbeitspapiere und Materialien zur deutschen Sprache.” *Institut für Deutsche Sprache*, Nummer 2/04, 2004.
  10. Vinogradov, V. V. *Russian Language. The Grammatical Doctrine of the Word*. Moscow, 1972.
  11. Eichinger, L. M. *Deutsche Wortbildung. Eine Einführung*. Tübingen, 2000.
  12. *Duden. Onlinewörterbuch*, <https://www.duden.de/rechtschreibung/mutterseelenallein>.
  13. *Wörterbuch für Redensarten*, <https://www.redensarten-index.de>.
  14. Stikhina, I. A. “Phraseology of Urs Widmer: an Example of One Work.” *Vestnik Samarskogo Universiteta*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 114–120.
  15. Arkhipov, A. F. *Self-Instruction Manual for Translation from German into Russian*. Moscow, 1991.

Received 6.10.2022

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-68-78

УДК: 811.111'42'255=161.1(045)

**Шутова Н. М., Назарова Д. В.**

*Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия*

**ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕКЛАМЫ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА  
(НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РЕКЛАМЫ ЖЕНСКОЙ  
И МУЖСКОЙ КОСМЕТИКИ)**

В статье рассматриваются гендерные стереотипы и коммуникативные стратегии, используемые в рекламном дискурсе косметики с точки зрения их влияния на создание рекламы и процесс ее перевода. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью проблем передачи гендерного аспекта рекламы при переводе. Под гендером в данном исследовании понимаются факторы, предопределяющие социальное поведение женщин и мужчин, а также их взаимоотношения между собой. Гендерные стереотипы относятся к традиционным представлениям о феминности и маскулинности, существующим в обществе. Рекламный текст может иметь прямую или косвенную адресацию, гендер реципиента может маркироваться самой тематикой текста, а также определенными лексическими, грамматическими и стилистическими средствами, используемыми для привлечения внимания адресата. Проведенное исследование включало анализ 150 рекламных сообщений, ориентированных на мужскую или женскую аудиторию, а также не имеющих гендерной адресации. Целью исследования являлось рассмотрение гендерно-ориентированных и гендерно-нейтральных англоязычных рекламных текстов с точки зрения их лингвистических особенностей и проблем перевода на русский язык. Исследование собранного материала методом функционально-стилистического анализа позволило выделить ряд типичных мужских и женских образов, характерных для рекламы рассматриваемой косметики. В гендерно ориентированных текстах широко употребляются различные стилистические приемы, которые приносят экспрессию и выразительность в описание рекламируемого продукта. Сохранение этой выразительности является одной из основных задач переводчика. Помимо сугубо языковых трудностей, переводчику приходится решать задачи, связанные с коммуникативной и социолингвистической адаптацией текста, поскольку рекламируемый товар всегда должен вызывать положительные эмоции у адресата. Гендерно-нейтральные рекламные сообщения носят более информативный характер и являются более сдержанными по своей эмоционально-стилистической окраске, что

облегчает процесс перевода.

*Ключевые слова:* перевод, реклама, гендер, гендерные стереотипы, феминность, маскулиность, английский язык, русский язык.

*Сведения об авторе:*

**Шутова Нелла Максимовна**, кандидат филологических наук, доцент, Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: Nella\_Shutova@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-3361-1943. Researcher ID: M-7774-2014.

**Назарова Дарья Викторовна**, магистрант 2 курса Института языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: dnazarova14@gmail.com.

## **Введение**

Реклама стала неотъемлемой частью жизни современного общества, а рекламные кампании являются средством сильнейшего воздействия на общественное и индивидуальное сознание. Не случайно реклама является предметом изучения в разных областях знания. Лингвистов интересуют, прежде всего, ее языковые особенности и речевое воздействие на потребителя. Лингвистика рассматривает рекламу как вид текстовой деятельности, исследуя особенности построения этих текстов и используемые стилистические средства. Результатом таких исследований стало появление термина «рекламный текст». Согласно К. В. Шидо, рекламный текст – это законченное в смысловом отношении функционально-организованное сообщение, погруженное в ситуацию рекламного общения, реализующееся в определенных жанрах рекламных текстов [Шидо, 2002: 10].

Ю. В. Демина, в свою очередь, под рекламным текстом понимает законченную коммуникативную единицу, состоящую из вербальных и невербальных знаков, образующих систему смыслов, которую каждый реципиент интерпретирует по-своему [Демина, 2001: 7]. При создании рекламных текстов обязательно учитывается специфика потребительской аудитории, так как в зависимости от нее подбираются необходимые средства и способы воздействия на адресата рекламы. Одним из эффективно работающих способов коммерческого воздействия является, например, разработка рекламной кампании на основе гендерной дифференциации ценностей в отношении мужской и женской части населения.

Гендер воспринимается сегодня не только как биологически детерминированная, но и как социально подвижная конструкция, в обществе постоянно происходит непрерывное культурное конструирование гендера [Цветкова, 2020: 35]. Одним из первых на проблему представления мужчин и женщин в рекламе обратил внимание И. Гофман – американский социолог канадского происхождения, он впервые указал на то, что реклама обычно пытается создать идеальные образы мужчин и женщин [Гофман, 2004: 27]. Надо признать, что гендерные исследования в области рекламы были достаточно популярны в конце XX в. Однако в начале 2000-х гг. в западноевропейской науке прослеживается некоторый спад интереса к изучению категории гендера, но в отечественной науке, наоборот, наметился его всплеск [Томская, 2011: 51].

На современном рынке представлено широкое разнообразие товаров, назначение которых определяется гендерными стереотипами: одежда, парфюмерия и косметика, автомобили и другая техника. Эти товары приобретают принадлежность к «мужским» или «женским» не из биологических, а из психологических и социальных соображений. Тем не менее, как отмечает Е. Д. Назарова, гендерное предназначение товара не всегда соответствует (хотя по большей части, соответствует) гендеру покупателя этого товара. Данный факт обычно прослеживается в рекламном тексте, адресованном именно покупателю, а не потребителю товара [Назарова, 2012: 68].

Е. С. Зиновьева [Зиновьева, 2017: 37] и А. А. Мелоян [Мелоян, 2012: 240] исследовали основные средства выражения гендерной адресации в рекламе и выделили следующие маркеры: 1) лексические маркеры; 2) грамматические маркеры; 3) тематические маркеры;

4) экспрессивно-стилистические маркеры; 5) графические средства. Е. Д. Назарова выделяет также прямую и косвенную гендерную адресацию рекламных текстов. Если в рекламе применяется явная апелляция к адресату, т. е. он назван, то это признаки прямой адресации. В тексте могут встречаться определения «мужской» и «женский» во всей парадигме этих слов как атрибут принадлежности потребителю. Если указание на пол отсутствует, но концепт опирается на типичный образ мужчины или женщины, т. е. на гендерный стереотип, то эта адресация называется косвенной [Назарова, 2012: 64]. Таким образом, в рекламном тексте любого продукта гендер реципиента рекламы играет важную роль и может маркироваться как лингвистическими средствами, так и самой тематикой текста.

Анализ имеющихся работ по проявлению гендера в рекламе позволяет обобщить выделяемые авторами стереотипные проявления феминности и маскулинности. По данным А. А. Маали Шади, к женским чертам относятся следующие характеристики: эмоциональность, эмпатия, внушаемость, склонность к тревожности, ранимость, капризность, а также ориентация на стабильность. В рекламных текстах, направленных на мужчин, используются стереотипы мужской силы, успешности, рациональности. Большой акцент делается на социальный статус мужчины [Маали Шади, 2014: 276]. Однако некоторые ученые [Аниськина, 2014; Чуркина, 2018; Лунин, 2016] считают, что в последнее время ослабевает характерная для прошлого тенденция мужчин к антиженственности. Ухоженная внешность мужчины, например, воспринимается сегодня уже не как проявление женственности, а как признак успешности, а именно успешность и статус занимают особое место среди составляющих «маскулинности». Таким образом, в связи с изменяющимися гендерными стереотипами, изучение основных признаков феминности и маскулинности в современной рекламе, а также их лингвистических репрезентантов представляет значительный научный интерес. На наш взгляд, именно реклама косметики является очень подходящим материалом для такого рода исследований.

Целью исследования являлось рассмотрение гендерно-ориентированных и гендерно-нейтральных англоязычных рекламных текстов с точки зрения их лингвистических особенностей и проблем перевода на русский язык. В задачи исследования входил сопоставительный анализ лингвистических средств реализации используемых авторами рекламы коммуникативных стратегий. Новизна исследования состоит в том, что лингвистические характеристики гендерно-ориентированной и гендерно-нейтральной англоязычной рекламы косметических средств рассматриваются в аспекте перевода впервые.

### **1. Общая характеристика рассматриваемых рекламных текстов с точки зрения использования гендерных стратегий**

Главной целью любого рекламного текста является достижение максимального прагматического эффекта, т. е. успешное воздействие на потребителя, который в конечном итоге приобретает рекламируемый товар. Создание рекламного текста включает несколько этапов, в том числе и разработку стратегии, учитывающей желания и потребности целевой аудитории. Гендерная принадлежность реципиента во многом определяет прагматическую направленность любого рекламного текста. Правильный выбор рекламной модели с учетом характеристик, релевантных для данной аудитории, может значительно повлиять на поведение покупателя.

Проведенное исследование включало, прежде всего, анализ рекламных сообщений, ориентированных на мужскую и женскую аудиторию. Рассматривалась реклама дезодорантов, средств по уходу за волосами и кожей, средств для бритья, а также декоративной косметики. Фактический материал свидетельствует о том, что выбор коммуникативных ходов как составляющих стратегии экстралингвистического порядка все-таки строится, преимущественно, на известных стереотипах. Анализ материала позволяет выделить несколько рекламируемых мужских образов:

1. Образ «настоящего» мужчины, сильного победителя, «агента 007». Причем, героем

рекламы может стать любой представитель сильного пола, независимо от его возраста, рода деятельности, стиля одежды и т. д.

2. Образ близкого к природе труженика, охотника. Главный герой такой рекламы предстает как простой труженик, тесно связанный с природой и тяжелым физическим трудом.

3. Образ стильного мужчины-босса. Целевой аудиторией такой рекламы являются мужчины высокого социального статуса. Рекламный текст обычно содержит подробное описание продукта, используется особая лексика, подчеркивающая изысканный характер косметики.

4. Образ сексуального мачо. Он представлен, конечно, соответствующей фотографией мужчины в отличной физической форме.

5. Образ отца, мужчины, который наравне с матерью участвует в воспитании детей и не боится открыто проявлять свои чувства.

6. Образ спортсмена. Считается, что мужчина неразрывно связан с движением, силой и спортом, поэтому образ спортсмена эксплуатируется рекламодателями довольно часто. Очень часто героем такой рекламы является известный спортсмен.

Составители рекламы, целевой аудиторией которой становятся женщины, обращаются к таким стереотипным проявлениям феминности, как эмоциональность, эмпатия, рефлексия, внешняя привлекательность. В такой рекламе встречаются следующие образы:

1. Образ красивой и таинственной обольстительницы. Она знает себе цену, объективно оценивает свои внешние данные и умело ими пользуется.

2. Образ сильной женщины, равной мужчинам. Героиня данного типа ни в чем не уступает мужчинам: она служит в армии, она – девушка-босс, она – сильная духом девушка.

3. Образ нежной, чувствительной девушки. Данную героиню отличают легкость, воздушность и изящество.

4. Образ спортсменки, активной, сильной и волевой представительницы женского пола. Лицом таких рекламных кампаний часто являются именитые спортсменки.

5. Образ очаровательной, но не очень предприимчивой красавицы, нуждающейся в помощи (преимущественно в винтажной рекламе). Для современного общества репрезентация такого женского образа часто кажется несколько странной.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выделены основные стереотипные представления о мужчине и женщине, на которые опираются современные рекламодатели при разработке своих рекламных стратегий.

## **2. Лингвостилистические средства, используемые в мужской рекламе, и их перевод**

Проанализируем зависимость избираемых лингвостилистических средств от рекламируемого образа.

1. Образ «настоящего» мужчины, сильного победителя.

В рекламной кампании фирмы *Dove* образ настоящего мужчины представлен, например, косвенно, предполагается, что только настоящий мужчина способен покорять вершины, на этот раз это «вершина постоянной свежести»: *Climb on the mount Everfresh*. При переводе всегда бывает трудно передать подобное словотворчество. В используемом неологизме скрывается аллюзия на самую высокую гору на планете – Эверест. К сожалению, создать новое слово в переводе нам не удалось, но была использована метафора: *Покори Эверест свежести*.

2. Образ близкого к природе труженика, охотника.

Герой такой рекламы привык работать руками, поэтому рабочие инструменты являются неотъемлемым атрибутом его репрезентации. Для этих рекламных текстов характерна немногословность: *100% natural deo protection for the hardworking heroes*. В данном примере важно передать словосочетание с эпитетом – *hardworking heroes*. При переводе нами была

использована замена части речи: английское прилагательное *hardworking* трансформировалось в русское существительное «трудяги». Предлагаем следующий перевод: *100% натуральный дезодорант для славных трудяг.*

### 3. Образ стильного мужчины-босса.

В рекламе, предназначенной для мужчин высокого социального статуса, обычно используется особая лексика. Можно привести пример рекламы дезодоранта, на которой изображен мужчина в элегантном костюме, он смотрит прямо на зрителя, его поза излучает уверенность в себе, вербальное сопровождение гласит: *X-men For Boss will give your body a masculine & long-lasting fragrance with high quality perfume from refined ingredients like Sandalwood&Bergamot, the Luxury fragrance will deliver a subtle, sweet& pleasing scent – a scent that is designed especially for men with elegant and classy style.* Лексические маркеры «эксклюзивности» присутствуют в виде эпитетов: *a masculine & long-lasting fragrance, high quality perfume, refined ingredients, luxury, elegant and classy style.* Также использована прямая гендерная адресация к покупателям-мужчинам – *X-men For Boss*. Предлагаем следующий перевод: *X-men Босс обеспечит вам мужской стойкий аромат свежести. Эксклюзивная композиция с отдушкой высокого качества из отборного сандалового дерева и бергамота подарит утонченный и приятный аромат. Этот аромат создан специально для стильных и элегантных мужчин.*

### 4. Образ сексуального мачо

«Парень-плохиш», который пользуется большим успехом у женщин, является ярким примером героя такой рекламы: *Hello ladies: sadly your man isn't me – but if he stopped using "lady-scented" body wash & switched to Old Spice he could be an arrogant, sexist pig like me.* В данном примере метафора *arrogant, sexist pig* олицетворяет мачо, который играет с женщинами, чувствуя свою власть над ними. Используется прямая апелляция к женщинам – потенциальным покупательницам товара: *Привет, дамочки: ваш мужчина не похож на меня, а жаль. Но если он отбросит в сторону женский гель для душа и возьмет Олд Спайс, то станет таким же наглым сексуальным кабанчиком, как и я.*

### 5. Образ отца

На одном из постеров фирмы *Nivea for men* был изображен мужчина в деловом костюме, который (по-видимому, после рабочего дня) проводит время со своим ребенком. Они вместе запускают бумажные кораблики в луже. Слоган гласит: *For the man who dares to show the cares.* В данном примере главным стилистическим средством является рифма, которая подчеркивает ключевую мысль рекламы – современный мужчина не боится проявлять свои родительские эмоции на публике. В переводе важно сохранить этот посыл, а также и рифму, поэтому мы применили логическое развитие: *С сыном отдыхает, заботу при всех проявляет.*

### 6. Образ спортсмена

Один из постеров рекламы всем известного шампуня *Head&Shoulders* демонстрирует нам голкипера, сопровождающий текст состоит всего лишь из одного, но очень емкого слова: *Unbeatable* – «непобедимый». Данное слово содержит очевидную спортивную коннотацию и несомненно выделяет данную марку шампуня среди других. При переводе была использована модуляция, т.е. смысловое развитие: «*Ему нет равных*» (если человека нельзя победить, то ему нет равных).

Итак, исходя из проанализированных выше примеров, можно сделать вывод о том, что в рассмотренных рекламных текстах лингвистическое оформление выделенных мужских образов осуществляется, главным образом, с помощью лексических маркеров. Широко используются эпитеты, довольно часто в рекламе встречается словотворчество, т.е. использование неологизмов, которые особенно затрудняют перевод.

### 3. Лингвостилистические средства, используемые в женской рекламе и их перевод

Выше была приведена классификация женских образов, эксплуатируемых в рекламе косметики. Перейдем к анализу избираемых составителями рекламы лингвостилистических средств в зависимости от рекламируемого образа.

#### 1. Образ красивой и таинственной обольстительницы

На постере фирмы *Nivea* красивая девушка демонстрирует свою довольную улыбку после использования рекламируемого косметического продукта. Предполагается, что именно дезодорант этой фирмы помогает ей быть уверенной в себе, и мужчины чувствуют ее удивительную энергию: *Be fair. Be firm. Be fabulous*. В данном примере (в целях эмоционального воздействия на реципиента) использован такой стилистический прием как параллелизм. Присутствует также фонетический прием аллитерации, то есть повторение звука [f] в начале используемых эпитетов. В совокупности эти стилистические средства обладают суггестивным влиянием. Прилагательное *fair* многозначно, двуязычные словари предлагают следующие его соответствия: «честный», «справедливый», «беспристрастный», однако ни одно из них не подходит в данном контексте. Для существительного *fair* приводятся соответствия «красавица, возлюбленная». Отталкиваясь от этого значения и описываемой ситуации, предлагаем следующий перевод: *Будь красивой. Будь уверенной. Будь невероятной*. Как видим, при переводе были сохранены параллелизм, повтор, набор эпитетов и аллитерация.

#### 2. Образ сильной женщины, не уступающей ни в чем мужчинам

Главной героиней одной из рекламных кампаний фирмы *Dove* стала современная и независимая девушка. Вот какой ее видят рекламодатели: *Dove deodorant is here for you. You're a confident, independent and successful woman*. Краткий и лаконичный слоган описывает представительницу современного общества, наделяя ее такими эпитетами, как *confident, independent* и *successful*. Обращение *you* создает иллюзию прямого обращения к покупателю, что способствует установлению доверительных отношений с ним. Предлагаем следующий перевод: *Дезодорант Dove создан специально для тебя – уверенной, независимой и успешной*.

#### 3. Образ нежной девушки

Как уже отмечалось ранее, большое значение в рекламе могут иметь невербальные средства воздействия на адресата рекламы. Видеоряд обычно включает цветное оформление. Нежные розовые оттенки, например, всегда ассоциируются с девичьей нежностью и хрупкостью, поэтому данную цветовую палитру однажды выбрала и компания *Dove*. Слоган краткий: *Experience a new kind of softness*. Глагол *experience* в повелительном наклонении выполняет функцию побуждения к покупке. При переводе нами были использованы лексические добавления, а именно: название фирмы-производителя данного продукта и название новой линейки продукта *powder soft*: *Почувствуй новую нежность пудры от Dove*.

#### 4. Образ спортсменки

Собранный материал свидетельствует о том, что наиболее активно стремление девушек заниматься спортом поддерживает фирма *Rexona*, например, на постере, рекламирующем дезодорант, изображены очертания бегущей девушки, которой, естественно, этот дезодорант помогает быть в нужной форме: *Only Rexona keeps you fresh with every move*. В данном примере присутствует косвенная адресация к потребителю, так как нет никаких прямых индикаторов маркера гендера, однако изображение на постере опосредованно дает понять, что товар предназначен для женщин. Наречие *only* подчеркивает уникальность продукта, его наличие в рекламном сообщении создает конструкцию, семантически равную превосходной степени. Употребление же личного местоимения *you*, как известно, создает в рекламном дискурсе эффект доверия, сокращает дистанцию между сторонами рекламодателя и покупателя. Однако при переводе на русский язык личное местоимение становится притяжательным: *Только Rexona помогает сохранить свежесть при каждом твоём движении*.

5. Образ очаровательной, но не очень предприимчивой красавицы, нуждающейся в помощи

Необходимо отметить, что в ретро рекламе женский образ обычно активно подвергается объективации, т. е. выступает как объект для достижения целей, без рассмотрения личных качеств самой женщины. Предполагается, что она просто должна следовать указаниям в рекламе. Приведем пример: *It's here! New Veto stick deodorant. The c-o-o-l-e-s-t way to stay neat and sweet despite summer heat!* Наречие места *here* напрямую указывает местонахождение товара, а индикатором особенности и уникальности рекламируемого товара является прилагательное *cool* в превосходной степени, эпитеты *neat* и *sweet* подчеркивают главные черты девушки того времени. Она должна быть опрятной и милой. Созвучие слов *sweet* и *heat* облегчает запоминание слогана. Можно попытаться сохранить рифму в переводе: *Вот он! Новый дезодорант Veto stick. Будешь милой и опрятной даже в самый летний зной, Если наш дезодорант будет рядом с тобой!*

Таким образом, анализ материала показал, что при составлении рекламных текстов, ориентированных на женскую аудиторию, так же как и в мужской рекламе, преобладают лексические маркеры гендера. В качестве грамматических маркеров категории эмотивности часто используются восклицательные и вопросно-ответные конструкции, которые традиционно относятся к чертам женской речи. В рекламе, ориентированной на женщин, чаще используются такие стилистические средства как эпитеты, параллельные конструкции и рифма.

#### 4. Реклама гендерно-нейтральной косметики и ее перевод

В наши дни понимание «мужского» и «женского» изменилось и требует уточнения. Как уже отмечалось выше, гендер стал подвижной категорией определения личности. Согласно австралийскому исследователю Р. Конеллу, гендер – относительная категория, поскольку он представляет собой проект каждого отдельного индивида. В этом смысле можно говорить о множествах моделей маскулинности и феминности, а не об одной общей модели репрезентации гендера [Conell, 1999: 74].

Размытые гендерные границы и борьба женщин за равноправие способствовали появлению гендерно-нейтральных брендов. Они ориентируются на любого потенциального потребителя. Многие новые бренды косметических товаров сегодня изначально позиционируют себя как «гендерно-нейтральные», например, австралийская марка косметики *Aesop*, бренды *Panacea*, *Kiehl's*, *Dr. Barbara Sturm*, *Pleasing*, *Malin+Goetz* и др. [14]. В рекламе этих компаний открыто заявляется об отсутствии гендерной ориентации производимой продукции, используются такие сочетания как, *gender-inclusive*, *gender neutral*, *unisex*, *universal*. Например, один из дезодорантов фирмы *Malin+Goetz* называется *Eucalyptus Unisex Deodorant – Универсальный эвкалиптовый дезодорант*. Американская компания *Bravo Sierra* выпускает косметическую продукцию для американских военнослужащих. Как известно, женщины-военнослужащие составляют достаточно большой процент в армии США (14,5 % личного состава вооруженных сил и около 23% от общего числа резервистов в 2015 г.) [15]. На довольно высоком уровне политиками США неоднократно делались заявления о том, что армия должна быть гендерно-нейтральной. Такая ориентация повлияла и на рекламу косметических средств. В одном из своих рекламных сообщений вышеупомянутая фирма отмечает: *Bravo Sierra is mission-driven and it's completely genderless. – Компания Bravo Sierra стремится выполнить свою миссию и полностью игнорирует гендерную принадлежность*. Другая компания *Public Goods* утверждает: *Public Goods makes things as easy, unisex, and uncomplicated as their packaging. – И продукты, и упаковка компании Public Goods просты, гендерно-нейтральны и легки в использовании*.

Подобная политика просматривается и в рекламе известной компании *Calvin Klein: The CK One Deodorant is completely gender-neutral, and you can pair it with Calvin Klein's perfume of the same scent. – Дезодорант компании Calvin Klein 'Один для всех' полностью лишен*

*гендерной ориентации и может быть использован в сочетании с духами нашей фирмы, имеющими идентичный запах.*

В рекламе гендерно-нейтральной продукции акцент делается обычно на ее составе и функциях. Такая реклама лишена эмоциональной окраски, в ней редко используются яркие стилистические приемы. Рассмотрим описание дезодоранта фирмы *Malin+Goetz: our bergamot deodorant offers clean and effective protection from underarm odor **without the use of aluminum, alcohol, baking soda, parabens or synthetic fragrance.** synthesized with natural bergamot extract and probiotic enzymes to neutralize odor, as well as corn starch to absorb excess moisture, it's love at first swipe with this opaque stick formula. glides on smoothly and residue-free to keep underarms refreshed throughout the day. suitable for all skin types, especially sensitive. natural fragrance and color.* Оригинальным графическим средством привлечения внимания в данной рекламе является использование строчных букв в начале предложений, что превращает текст в единый поток мысли. Кроме того, фонетически обыгрывается известная фраза *it's love at first sight* («любовь с первого взгляда») благодаря созвучию слов *sight* и *swipe*.

При переводе важно сохранить нейтральный тон повествования и своеобразную стилистику. Предлагаем следующий перевод: *наш дезодорант с бергамотом надежно защищает от неприятного запаха и не содержит алюминия, спирта, соды, парабенов и синтетических отдушек. благодаря натуральному экстракту бергамота и пробиотическим ферментам, нейтрализующим неприятный запах, а также кукурузному крахмалу, который абсорбирует влагу, вы влюбитесь в этот непрозрачный стик с первого нанесения. гладкое скольжение по коже и отсутствие следов на одежде позволяют сохранить свежесть ваших подмышек в течение дня. подходит для всех типов кожи, в том числе чувствительной. натуральный аромат и цвет.*

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о том, что в отличие от гендерно-ориентированной рекламы, гендерно-нейтральная реклама очень скупа на использование стилистических приемов. Она подчеркнута нейтральна по своему стилю, не опирается на существующие гендерные стереотипы, акцентирует только объективные свойства производимого продукта.

### **Заключение**

Проведенное исследование свидетельствует о том, что гендерная ориентация в современной рекламе косметики все еще играет важную роль и базируется на устойчивых стереотипах. Тем не менее, активно развивается реклама гендерно-нейтральной косметики, покупателем, который может стать любой человек, независимо от того, к какому гендеру он себя относит. Однако такая стратегия в рекламе косметики еще только осваивается потребителями, она во многом уступает гендерной рекламе по степени воздействия на адресата. Гендерная ориентация способствует быстрому установлению контакта между целевой аудиторией и рекламодателем, поэтому гендерная принадлежность адресата практически всегда учитывается в процессе разработки коммуникативных стратегий в рекламе. Ключевую роль в репрезентации гендера в рассматриваемых рекламных текстах играют лексические средства. С помощью многих стилистических приемов достигается необходимая экспрессивность описания рекламируемого продукта, что, в свою очередь, служит инструментом достижения эффективности рекламы. Ведущими маркерами маскулинных и феминных черт в рекламе являются эпитеты. Использование параллельных конструкций и повторов как эффектов суггестии, выполняет функции убеждения и внушения. Облегчают запоминание рекламного текста рифма и фонетический стилистический прием аллитерации. Одной из главных задач переводчика является сохранение гендерно обусловленной экспрессии, заложенной в оригинале.

## Литература:

1. Федоров Шидо К. В. Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002.
2. Демина Ю. В. Рекламный текст в коммуникативно-прагматическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.
3. Цветкова О. Л. Репрезентация гендера в рекламе: Стратегии, стереотипы, средства // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 34–43.
4. Гофман И. Анализ Фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт Социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Томская М. В. Реклама в гендерном измерении // Рекламная коммуникация: Лингвокультурный аспект. 2011. № 2011. С. 49–67.
6. Назарова Е. Д. Гендерная адресация в современной рекламе // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. Тамбов: Тамбовская региональная общественная организация «Сетевой центр футурологии и прогнозтики «Интернетум», 2012. С. 62–70.
7. Зиновьева Е. С. Роль гендерно маркированных лексических единиц в конструировании маскулинности и феминности в дискурсе гендерно ориентированных глянцевого журналов (на материале английского и русского языков) // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. № 12 (46). 2017. С. 36–39.
8. Мелоян А. А. Способы репрезентации гендерной оценки на графическом уровне в глянцевых журналах США // Молодой ученый. 2012. № 4 (39). С. 239–241.
9. Маали Шади А. А. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (1). С. 272–279.
10. Аниськина Н. В., Зарубалова О. А. Особенности средств воздействия в рекламе косметики: Гендерный аспект // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 109–114.
11. Чуркина Н. А. Маскулинность и феминность в современном обществе: Состояние, тенденции, трансформации // Социодинамика. 2018. № 5. С. 16–20.
12. Лунин А. А. Кризисы маскулинности и причины трансформации образа мужчины // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 772–776.
13. Conell R. W. Masculinities. 2-nd ed. London: Polity Press, 1995.
14. de Blasio B., Menin, J. From Cradle to Cane: The Cost of Being a Female Consumer. A Study of Gender Pricing in New York City. 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: [www.NYC.gov](http://www.NYC.gov).
15. Куликов В. Новое лицо американской армии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/402563-novoe-lico-amerikanskoj-armii.html>.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 3.10.2022

**Shutova N. M., Nazarova D. V.**

*Udmurt State University, Izhevsk, Russia*

### **GENDER CHARACTERISTICS OF ADVERTISING IN TERMS OF TRANSLATION (BASED ON THE COMPARATIVE ANALYSIS OF WOMEN'S AND MEN'S COSMETICS COMMERCIALS)**

The article examines gender stereotypes and communicative strategies in cosmetics advertising discourse in terms of commercials creation and translation. The work is relevant due to the lack of studies concerning the gender aspect of advertising in the translation process. By gender in this study we understand the factors that predetermine the social behaviour of women and men,

as well as their relationships with each other. Thus, gender stereotypes refer to the traditional beliefs about femininity and masculinity that exist in society. A commercial can be addressed to a definite audience either directly or indirectly, the recipient's gender can be marked by the subject matter of the text itself, as well as by certain lexical, grammatical and stylistic means used to attract the recipient's attention. In the present study we analysed 150 commercials addressed either to male or female audience or having no gender orientation. The goal of the study was to consider gender-oriented and gender-neutral commercials in terms of their linguistic features and the problems of translation into Russian. The study of the obtained material with the help of functional-stylistic method allowed to single out a number of masculine and feminine images, which are common for cosmetics advertising. Gender-oriented texts widely employ various stylistic devices which bring additional expression to the description of an advertised product. Preservation of this expressiveness should be one of the main tasks of a translator. Besides purely linguistic difficulties, a translator meets the challenges connected with the communicative and sociolinguistic adaptation of the text, since the advertised product should always evoke positive emotions. Gender-neutral commercials are usually more informative and more reserved from the stylistic point of view which makes their translation easier.

*Key words:* translation, advertising, gender, gender stereotypes, femininity, masculinity.

*About the author:*

**Shutova Nella Maksimovna**, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: Nella\_Shutova@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-3361-1943. Researcher ID: M-7774-2014.

**Nazarova Darya Victorovna**, 2-nd year Master student of the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: dnazarova14@gmail.com.

#### References:

1. Shido, K. V. *Advertising Slogan as a Special Genre of English Advertising Texts*, Cand. Sci. (Philol.) Dissertation, Saratov, 2002.
2. Demina, Yu. V. *Advertising Text in Communicative and Pragmatic Aspect: on the Material of German Print and Television Advertising*, Cand. Sci. (Philol.) Dissertation, Saint Petersburg, 2001.
3. Cvetkova, O. L. "Representation of Gender in Advertising: Strategies, Stereotypes, Means." *Verhnevolzhskiy Filologicheskij Vestnik*, no. 4 (23), 2020, pp. 34–43.
4. Goffman, E. "Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience." *Northeastern University Press*. Boston, 1986.
5. Tomskaya, M. V. "Advertising in Gender Dimension." *Reklamnaya Kommunikaciya: Lingvokul'turniy Aspekt*, no. 2011, 2011, pp. 49–67.
6. Nazarova, E. D. "Gender Addressing in Modern Advertising." *Tambovskaya Regional'naya Obshchestvennaya Organizaciya «Setevoy Centr Futurologii i Prognostiki «Ineternum»*, Tambov, 2012, pp. 62–70.
7. Zinovieva, Ye. S. "The Role of Gender Marked Lexical Units in the Construction of Masculinity and Femininity in the Discourse of Gender Oriented Glossy Magazines (on the Material of the English and Russian Languages)." *Universum: Filologiya i Iskusstvovedenie*, no. 12 (46), 2017, pp. 36–39.
8. Meloyan, A. A. "Ways of Representing Gender Evaluation at the Graphic Level in U.S. Glossy Magazines." *Young Scientist*, no. 4 (39), 2012, pp. 239–241.
9. Maali Shadi, A. A. "Linguistic Representation of Gender Stereotypes in Advertising." *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, no. 4 (1), 2014, pp. 274.
10. Aniskina, N. V., Zarubalova, O. A. "Some Means of Influence in Cosmetics Advertising: Gender Aspect." *Yaroslavskiy Pedagogicheskij Vestnik*, no. 1, 2014, pp. 109–114.
11. Churkina, N. A. "Masculinity and Femininity in Modern Society: State, Transformation, Trends." *Sociodinamika*, no. 5, 2018, pp. 16–20.
12. Lunin, A. A. "Crisis of Masculinity and the Reasons for Transformation of Man's Image." *Molodoy Ucheniy*, no. 12 (116), 2016, pp. 772–776.

13. Conell, R. W. *Masculinities*. London, Polity press, 1995.
14. de Blasio, B., Menin, J. *From Cradle to Cane: The Cost of Being a Female Consumer. A Study of Gender Pricing in New York City*, 2015, [www.NYC.gov](http://www.NYC.gov).
15. Kulikov, V. *A New Face of the US Army*, <https://e-news.su/mnenie-i-analitika/402563-novoe-lico-amerikanskoj-armii.html>.

Received 3.10.2022

### III. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ МНОГОЯЗЫЧИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

---

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-79-85

УДК: [821.111(7):821.161.1]-312.9(045)

**Malykh V. S.**

*Independent scholar, Izhevsk*

#### **HYBRID SPECULATIVE FICTION AS A GENRE PHENOMENON IN MODERN LITERATURE OF THE U.S. AND RUSSIA**

The article is devoted to theoretical exploration of modern hybrid speculative fiction. This term comprises a huge body of creative works which are written at the intersection of genres related to speculative prose. On the one hand, hybrid speculative fiction is rooted in post-modern epoch, on the other hand, it returns to the principles of hybrid genre genesis, which flourished at the beginning of the 20th century. The tendency to genre eclecticism is a common feature of a great number of modern creative works and seems to be an efficient way out of conceptual crisis emerged in speculative fiction at the close of the 20th century, that is why the future development of speculative fiction is expected to be closely connected with the expansion of hybrid genre forms.

The overall goal of the article is to scientifically comprehend hybrid genres in modern speculative fiction of the United States and Russia. The investigation of hybrid speculative fiction as a genre and cultural phenomenon leads to setting three goals. Firstly, it is necessary to determine genre taxonomy of such genres of traditional speculative fiction as science fiction, fantasy, and horror. Secondly, it is necessary to investigate genre-forming models, which underlie modern hybrid works. Thirdly, it is important to understand common features of the works of hybrid speculative fiction.

The study of the genre interaction in modern speculative fiction is based on the descriptive and functional methods. The comparison of Russian and American works involves the use of comparative, typological and cultural-historical methods.

Using the genre blocks common for both literary criticism, readers' expectations and publishing practice, it is possible to identify such genre-forming models of hybrid speculative fiction, as: science fiction+fantasy; science fiction+horror; fantasy+historical novel; fantasy+post-modernist novel. It is also possible to sum up such common features of the works of hybrid speculative fiction, as: irrational world outlook; distortion of the very structural basis of traditional science fiction; shift of sociocultural model of world outlook; polyphonic principle of narration and potentially an endless unravelling of the plot without a pronounced climax; postclassical narrative model; the complexity of storyline.

To conclude, modern hybrid speculative fiction can be treated as a separate literary and sociocultural phenomenon in the literature of the U.S. and Russia. It destroys inner canons of traditional science fiction, it is deeply influenced by post-modern cultural paradigm, and could be described as a significant cultural movement, which is aligned with demands and values of modern society.

*Key words:* hybrid speculative fiction, genre, science fiction, fantasy, horror, modern speculative fiction, post-modernism.

*About the author:* **Malykh Viacheslav Sergeevich**, Candidate of Philology, translator from Chinese and English, independent scholar (Izhevsk, Russia); e-mail: [viaclaf@yandex.ru](mailto:viaclaf@yandex.ru).

## Introduction

The term “speculative fiction” is commonly used in modern American literary criticism in the same way as the term “fantastica” is used in Russian philology. It describes a vast and quite vague sphere of genre literature devoted to futuristic technologies, supernatural events and imaginary worlds.

The role of speculative fiction in a current literary process and trends of its development in the wake of conceptual and thematic crisis of modern literature are urgent philological problems to study. Despite wide popularity of science fiction, fantasy and horror as subgenres of speculative fiction among the readership, there is no generally accepted understanding of their nature in the world literary criticism. As U. LeGuin puts it, “There are dozens of definitions of what “science fiction” is; few are useful and none is definite” [LeGuin, 2014: 4]. The situation is aggravated by the fact that from the very beginning speculative fiction was highly influenced by the tendency to genre eclecticism. In Romanticism speculative fiction was mixed with a fairy tale, in Realism era it became a literary device often found in satirical and utopian works. At the turn of the 19th century speculative fiction was shaped in its modern form on obvious hybrid basis both in Russian and Anglo-American literature. It is worth mentioning that the origination of modern speculative fiction in general and science fiction in particular happens both in Russia and in Anglo-American world at about the same time. Although Gene Wolfe considers that “science fiction is of Anglo-American growth” [Wolfe, 2007: 19], A. Banerjee believes that there are enough evidences that science fiction was originated in Russia at the same time as in Anglo-American world, if not earlier [Banerjee, 2012: 21].

By the middle of the 20th century there was a solidification of separate genre forms within speculative fiction: science fiction, fantasy and horror. Towards the end of the 20th century, this differentiation lost its relevance to a large extent due to the origination of modern hybrid subgenres such as science fantasy, cyberpunk, post-apocalyptic fiction and others. In the introduction to the cyberpunk manifesto “Storming the Reality Studio: A Casebook of Cyberpunk and Postmodern Science Fiction” (1992) Larry McCaffery associated the origination of current hybrid works with artistic rebellion against classical genre models influenced by post-modern and counter-culture movements [McCaffery, 2007: 16]. At the same time, it is important to stress that modern speculative fiction returns to the principles of hybrid genre genesis which flourished at the beginning of the 20th century, for example, in the works of H. P. Lovecraft and J. W. Campbell, Jr. in the U.S. and in the works of Russian Modernists (N. Gumilyov, V. Bryusov, F. Sologub, A. Tolstoy, etc.).

Modern literary process in general is marked by the readers’ and writers’ tiredness from traditional genres and predictable plots. Stanislaw Lem drew attention to the fact that in science fiction of the 20th century, “the sources of new ideas gradually dried up. The motifs and themes ossified” [Lem, 1992: 29]. The tendency to genre eclecticism seems to be an efficient way out of this crisis, that is why the future development of speculative fiction is expected to be closely connected with the expansion of hybrid genre forms.

The overall goal of the article is to investigate hybrid speculative fiction as a genre and cultural phenomenon in modern literature of the United States and Russia. This goal leads to setting three subgoals: firstly, it is necessary to determine a genre taxonomy of traditional speculative fiction; secondly, it is necessary to investigate genre-forming models that underlie modern hybrid works; thirdly, it is important to explore common features of the works of hybrid speculative fiction in the US and Russia.

The study of the genre interaction in modern speculative fiction works is based on the descriptive and functional method, the comparison of Russian and American works involves the use of comparative, typological and cultural-historical methods.

The novelty of this research is in an introduction of the term “hybrid speculative fiction” which has not been clearly described neither in the U.S. nor in Russia yet.

## 1. Genre taxonomy of traditional speculative fiction

Regarding the first subgoal concerning the necessity to determine a genre taxonomy of traditional speculative fiction there is a diversity of opinions among scholars. In 1971, D. Wollheim proposed a threefold division of the types of speculative fiction: science fiction, weird fantasy, and pure fantasy [Wollheim, 1971]. Since then, a significant number of conceptions concerning genre taxonomy of speculative fiction have emerged. Summing up the existing literary approaches it is possible to describe speculative fiction as a meta-genre that consists of three main genre blocks:

1) science fiction divided into such subgenres as “hard” science fiction, social science fiction, adventure science fiction, space opera;

2) fantasy, according to Phyllis J. Perry and some other scholars, is branching into “high” and “low” fantasy [Perry, 2033: VI], while F. Mendlesohn argues that there are essentially four categories: the portal-quest, the immersive, the intrusive, and the liminal [Mendlesohn, 2008: 14];

3) horror which could be divided according to the nature of the “horror” that is objectified in a particular work: horrors about vampires, dead men, maniacs, ghosts, and so on.

These genre blocks are quite common for both literary criticism, readers’ expectations and publishing practice. Summing up, there are three of them: science fiction, fantasy, and horror.

## 2. Genre-forming models of hybrid speculative fiction

With regard to the second goal related to the genre-forming models of modern works of hybrid speculative fiction, it is necessary to stress that this part of research was done on the analysis of the texts of such modern hybrid speculative fiction writers, as: W. Gibson, N. Stephenson, S. King, C. McCarthy, G. R. R. Martin, G.X. Todd, N. Gaiman, D. Simmons, N. Perumov, S. Lukyanenko, D. Glukhovsky, A. Ivanov, V. Pelevin, L. Petrushevskaya and others. In my view, it is possible to identify such productive models of genre combinations as:

1. Science fiction + fantasy (science fantasy, or techno fantasy). The matrix of science fiction is a structural basis that is enriched by religious, mythological, mystical components unusual for “hard” science fiction. As J. Clute in “The Encyclopedia of Fantasy” puts it, in science fantasy “fantasy-like tales are told in venues not necessarily very well understood by the characters involved” [Clute, 1977: 844]. Besides that, there is a rationalisation of magical and mythological elements in science fantasy. This type of genre hybridisation is extremely successful as shown by the history of such works as “American Gods” by N. Gaiman, the Harry Potter series by J. Rowling (the “scientific” aspect of teaching magic), and a joint project by N. Perumov and S. Lukyanenko “No Time for Dragons.”

2. Science fiction + horror. In hybrid works of this type, the sci-fi setting is not a way to rationalise the text, but just a background for a supernatural horror. While in science fantasy there is a tendency for the rational explanation of supernatural events, in combination “science fiction + horror” the very “scientific” aspect is reduced. This type of hybrid genre is flourishing in modern culture: in both, the U.S. and Russia, such hybrid genres as cyberpunk (W. Gibson, N. Stephenson), post-apocalyptic fiction, (“The Road” by C. McCarthy, “Defender” by G. X. Todd, “Metro 2033” by D. Glukhovsky), dark science fiction (sci-fi stories and novels by G. R. R. Martin, “Star Shadow” by S. Lukyanenko) are in high demand.

3. Fantasy + historical novel. The usual outline of a historical novel with its factual records and historical figures is enriched by fantastic assumptions important for the development of the plot. Generally speaking, this is a fantasy novel in which a historical setting serves as a way to increase the reliability of the events described. At the same time, the sci-fi mythologem of time travel is either completely absent here, or has no structurally significant role. The plot is enriched by some miraculous phenomenon that explains historical events in an unusual way or gives them an alternative course (“The Terror” by D. Simmons, “The Gold of Revolt” and “Tobol” by A. Ivanov).

4. Fantasy + post-modernism. Fantasy helps modern writers to reveal post-modern philosophy in the most vivid and visible way. Post-modernism describes an unstable, delusive

reality filled with simulacrum, and in this respect fantasy turns to be an appropriate literary device. In Russia this model is represented in the works by V. Pelevin and L. Petrushevskaya. The world famous “A Song of Ice and Fire” series by G. R. R. Martin with all its genre eclecticism could be defined as postmodern fantasy, too.

Thus, using the genre blocks common for both literary criticism, readers’ expectations and publishing practice, it is possible to identify such genre-forming models of hybrid speculative fiction, as: science fiction+fantasy; science fiction+horror; fantasy+historical novel; fantasy+post-modernist novel.

### **3. Common features of the works of hybrid speculative fiction in Russia and the U.S.**

Speaking about the third goal of my research, it is possible to conclude that the above listed models of genre combinations within modern hybrid speculative fiction have common features for both Russian and American speculative fiction, and these features deserve further scientific investigation. My study of Russian and American scholars’ concepts and the analysis of the texts of modern writers has led me to the following observations.

Firstly, hybrid speculative fiction, in contrast to “hard” science fiction, develops ideas of unknowability of the Universe and the limitations of human mind, that is why the bulk of “hybrid” works gravitates towards the irrational world outlook, thereby rational world outlook of traditional science fiction is being destroyed.

Secondly, in hybrid speculative fiction the very structural basis of science fiction is being distorted. In the work “Fairy-Tale Roots of Science Fiction,” E. M. Neyolov demonstrates that the plot and typological constructs of traditional science fiction structurally correspond to the constructs of a fairy tale [Neyolov, 1986]. In the article “Transformations of a Fairy Tale in Hybrid Science Fiction (Based on American and Russian Prose of the 20th Century)” I conclude that hybrid fiction destroys both the canons of “hard” science fiction and the constructs of a fairy tale [Malykh, 2020]. Common to a fairy tale, science fiction, and fantasy motive of struggle between a superhero and a supervillain is replaced by psychologisation of this struggle and extreme complication of metaphysics of the Good and the Evil in hybrid speculative fiction.

Thirdly, there is a shift of sociocultural model of world outlook in hybrid speculative fiction. The works of traditional science fiction, fantasy and horror, even proclaiming an atheistic philosophy, are deeply rooted in Christian tradition which formed an axiological basis of both the U.S. and Russian cultures: the hero wins the struggle by sacrificing himself; the good guy’s defeat leads to his resurrection in a more powerful and perfect state (the case of Gandalf the White); the death of a bad guy serves as a way of atonement (the death of Darth Vader in “Star Wars”). Hybrid forms of speculative fiction reinterpret or negate the Christian world outlook. In hybrid fiction, the death of a character does not mean atoning sacrifice, but leads to a final destruction of the body and personality, or a transition to a completely different state of a digital personality (cyberpunk) or a body without a personality (zombies in the post-apocalyptic fiction; “white walkers” in “A Song of Ice and Fire”). Christian allusions are replaced by other types of world outlook (the equalisation of Christianity and paganism in N. Gaiman’s “American Gods”; the gnostic implications of D. Simmon’s and Ph. Pullman’s works; the Buddhist implications of V. Pelevin’s works).

Fourthly, hybrid works tend to have a polyphonic principle of narration and potentially an endless unravelling of the plot without a pronounced climax. A modern fantasy series as “The Dark Tower” by S. King and “A Song of Ice and Fire” by G. R. R. Martin are opposed to a canonical “high” fantasy novel “The Lord of the Rings.” Hybrid works are marked by such features as non-linear time model, cyclical chronotope, the absence of an “omnipresent” narrator, postclassical narratology, the complexity of storyline, and ambiguity of moral principles. In hybrid fiction, the hero’s path does not lead to the restoration of the world order or offering a new world order as it was in traditional science fiction, but it leads to destruction of rational and intelligible world. For example, in “Metro 2033” by D. Glukhovsky, the hero is responsible for a gloomy epilogue where the narrow-mindedness of humankind thrives.

Thus, it is possible to sum up such common features of the works of hybrid speculative fiction, as: irrational world outlook; distortion of the very structural basis of traditional science fiction; shift of sociocultural model of world outlook; polyphonic principle of narration and potentially an endless unravelling of the plot without a pronounced climax; postclassical narrative model; the complexity of storyline.

### Conclusion

The common features of hybrid speculative fiction in the U.S. and Russia outlined above are an evidence of the fact that modern hybrid speculative fiction can be treated as a separate literary and sociocultural phenomenon that requires further in-depth investigation.

The study of speculative fiction in the U.S. has a long history that has not been interrupted throughout the 20th century, so it is natural that science fiction research centers operate in the U.S., and that the curriculum of educational institutions includes science fiction and other speculative fiction subgenres; besides that, the curriculum of Creative Writing programs in the U.S. include teaching how to write speculative fiction. At the same time, “hard” science fiction, horror and fantasy as separate genres in the U.S. (and partly in Russia) have been described well enough, but there is a shortage of research work in relation to modern hybrid speculative fiction, therefore the study of this topic is relevant to both, Russian and American literary studies.

It is obvious that modern Russian speculative fiction with rare exception follows American genre and cultural trends, and there are a lot of similarities between modern Russian and American literature.

The material of this article is a preface to a prospective research. Thus, it is interesting to investigate, why irrational world outlook is preferable in modern speculative fiction; it is also important to understand inner mechanisms of global culture that are reflected in hybrid speculative fiction’s tendency to deny traditional Christian worldview; finally, it is possible to explore other genre-forming models apart from the models mentioned above. Besides that, the development of modern speculative fiction is ongoing process, and it is important to monitor new trends and look for innovative creative works written in this sphere.

### References:

1. Комиссаров LeGuin, Ursula K. “The Unreal and the Real.” *Volume 2: Selected Stories of Ursula K. Le Guin: Outer Space and Inner Lands*. London, 2014.
2. Wolfe, G. “Introduction: Speak Science Fiction Like an Earthling.” *Brave New Words: The Oxford Dictionary of Science Fiction*. New York: Oxford University Press, 2007.
3. Banerjee, A. *We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity*. Middletown, 2012.
4. McCaffery, L. *Storming the Reality Studio: A Casebook of Cyberpunk and Postmodern Science Fiction*. Durham, North Carolina, 2007.
5. Lem, S. *My life. Eden. Investigation*. Moscow, 1992.
6. Wollheim, D. *The Universe Makers: Science Fiction Today*. New York, 1971.
7. Perry, Phyllis Jean. *Teaching Fantasy Novels: from The Hobbit to Harry Potter and The Goblet of Fire*. Portsmouth, New Hampshire, 2003.
8. Mendlesohn, Farah. *Rhetorics of Fantasy*. Middletown, Connecticut, 2008.
9. Neyolov, E. *Fairy-Tale Roots of Science Fiction*. Leningrad, 1986.
10. Malykh, V. S. “Transformations of a Fairy Tale in Hybrid Speculative Fiction (Based on American and Russian Prose of the 20th century).” *Mnogoyazychie v Obrazovatel’nom Prostranstve*, vol. 12, 2020, pp. 99–109.
11. Clute, J. *The Encyclopedia of Fantasy*. London, 1997.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Received 25.08.2022

**Малых В. С.**

*Независимый исследователь, Ижевск, Россия*

## **ГИБРИДНАЯ ФАНТАСТИКА КАК ЖАНРОВЫЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США И РОССИИ**

Статья посвящена теоретическому осмыслению современной гибридной фантастики (hybrid speculative fiction), под которой понимается комплекс произведений, написанных на стыке жанров, относящихся к фантастической прозе. Гибридная фантастика, с одной стороны, является порождением постмодернистской эпохи, с другой стороны – возвращается к принципам эклектического жанрообразования, свойственного художественной литературе начала XX в. Тенденция к гибридизации, характерная для современной фантастической прозы, представляется продуктивным способом выхода из идейного кризиса, наметившегося внутри фантастики, а будущее фантастической литературы видится, главным образом, в русле гибридной фантастики.

Цель работы заключается в научном осмыслении гибридных фантастических жанров в современной литературе США и России. Достижение данной цели реализуется через последовательное решение трех задач. Во-первых, определяются жанрообразующие категории, лежащие в основе традиционных жанров научной фантастики, фэнтези и хоррора. Во-вторых, осмысляются наиболее продуктивные модели жанрообразования современных гибридных произведений. В-третьих, выявляются общие идейно-философские и структурные особенности гибридных произведений.

Изучение взаимодействия жанров при анализе современных фантастических произведений осуществляется с опорой на описательно-функциональный метод. Сопоставление российских и американских произведений предполагает также применение сравнительно-типологического и культурно-исторического методов.

Опираясь на закрепленные в литературоведении, читательском сознании и издательской практике жанровые блоки, мы выявили такие наиболее продуктивные модели гибридного жанрообразования, как: научная фантастика+фэнтези; научная фантастика+ужасы; фэнтези+исторический роман; фэнтези+постмодернистский роман. Также были выявлены следующие идейно-философские и структурные особенности гибридных произведений США и России: иррационализм, разрушение структурной модели традиционной научной фантастики, замещение христианской мировоззренческой парадигмы иными мировоззренческими конструктами; полифонизм и ориентированность на потенциально бесконечное развертывание сюжета без ярко выраженной кульминации, постклассическая нарративная модель, усложненность сюжетных линий.

На основании проведенного анализа делается вывод о том, что гибридная фантастика представляет собой особое направление в современной литературе и культуре США и России. Она разрушает внутренние каноны традиционной научной фантастики, вписывается в постмодернистскую культурную парадигму и представляет собой значимое культурное явление, соответствующее запросам и ценностям ориентирам современного общества.

*Ключевые слова:* гибридная фантастика, жанр, научная фантастика, фэнтези, хоррор, современная фантастическая литература, постмодернизм.

*Сведения об авторе:*

**Малых Вячеслав Сергеевич**, кандидат филологических наук, переводчик с китайского и английского языков, независимый исследователь (Ижевск, Россия); e-mail: [viaclaf@yandex.ru](mailto:viaclaf@yandex.ru).

## Литература:

1. LeGuin U. K. The Unreal and the Real. Volume 2: Selected Stories of Ursula K. Le Guin: Outer Space and Inner Lands. London: Gollancz, 2014.
2. Wolfe G. Introduction: Speak Science Fiction Like an Earthling // Brave New Words: The Oxford Dictionary of Science Fiction. New York: Oxford University Press, 2007.
3. Banerjee A. We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity. Middletown: Wesleyan University Press, 2012.
4. McCaffery L. Storming the Reality Studio: A Casebook of Cyberpunk and Postmodern Science Fiction. Durham, North Carolina: Duke University Press, 2007.
5. Лем С. Моя жизнь. Эдем. Расследование. Москва: Изд-во «Текст», 1992.
6. Wollheim D. The Universe Makers: Science Fiction Today. New York, 1971.
7. Perry P. J. Teaching Fantasy Novels: from The Hobbit to Harry Potter and the Goblet of Fire. Portsmouth, New Hampshire: Teacher Ideas Press, 2003.
8. Mendlesohn F. Rhetorics of Fantasy. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2008.
9. Неелов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.
10. Малых В. С. Трансформации волшебной сказки в «гибридной» научной фантастике (на материале американской и русской прозы XX в.) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. № 12. С. 99–109.
11. Clute J. The Encyclopedia of Fantasy. London: Orbit, 1997.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-85-93

УДК: 821.161.1-1.04.09(045)

**Мосалева Г. В.**

*Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия*

### **РОССИЯ ЧИЧИКОВА И РОССИЯ ГОГОЛЯ В ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»**

В статье рассматривается многозначность образа России в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя. Это новый ракурс исследования, актуальность которого связана с рецепцией категории храмостроительства, позволяющей увидеть новые свойства поэтики Гоголя. Целью исследования является установление связи категории храмостроительства, проявляющейся через символику храма, с поэтикой гоголевского текста. Методологией исследования является изучение поэмы «Мертвые души» в контексте православной традиции.

На внешнем изобразительном плане возникает образ России, увиденный Чичиковым. Это образ губернской России, стремящейся скопировать «просвещенную» Европу, поэтому она и предстает как ее двойник: то как псевдо-Россия, то как псевдо-Европа. На первый план в губернской России Чичикова помещаются гостиница и кабак. Чичиков словно сознательно избегает встречи с подлинной Россией, символами которой являются храмовое пространство, ее живая душа, воплощенная в природе, песнях, русском языке. В путешествиях по усадьбам помещиков образ этой карикатурной России обрывает мотивами пошлой моды, пошлого искусства, вызванных подражанием Европе. Антиэстетика натюрморта в поэме призвана символизировать мир смерти человеческой души. Нарастание inferнальности проявляется в мотивах гиперболизированной телесности на картинах в усадьбах помещиков, в организации их пространств. «Мертвые души» на внешнем плане выступают как путеводитель по миру смерти, в котором человек с мертвой душой способен

воспроизводить лишь подобную себе мертвую культуру. Образ петербургской России в повести о капитане Копейкине предстает словно в калейдоскопе иллюзорных образов-мнимостей: как Семиамида, Персия, Америка, Индия.

Подлинная Россия проявляется во внутреннем плане поэмы, в авторском кругозоре. Ее символами являются сам язык, на котором творится культура, русский дух, отраженный в песне, безначальность и бесконечность России, расширяющейся до необъятной Вселенной, внимающей Творцу.

*Ключевые слова:* Н. В. Гоголь, «Мертвые души», образ России, подражание, подлинность.

*Сведения об авторе:*

**Мосалева Галина Владимировна**, профессор, доктор филол. наук, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: mosalevagv@yandex.ru.

## **Введение**

Статья связана с проблемой рецепции образа России в поэме Гоголя. Этого вопроса касается почти каждый исследователь «Мертвых душ», и в зависимости от ответа на него отчетливо проявляются его собственные аксиологические установки. Нам близок подход, демонстрируемый в работах о Гоголе В. А. Воропаева [Воропаев, 2019], И. А. Виноградова [Виноградов, 2009], отчетливо проявившийся в подготовленном ими Полном собрании сочинений Н. В. Гоголя [Гоголь, 2009], в статьях И. А. Есаулова о Гоголе [Есаулов, 2010] и его фундаментальных исследованиях по исторической и теоретической поэтике, связанных с рецепцией православного кода русской словесности. Суть этого подхода – восстановление подлинной аксиологии Гоголя, в освобождении от идеологических штампов, присущих позитивистской, атеистической системе координат.

Целью исследования является установление связи категории храмостроительства, проявляющейся через символику храма, с поэтикой гоголевского текста.

Методологией исследования является изучение поэмы «Мертвые души» в контексте православной традиции, проявляющейся в аспекте храмовой поэтики.

Новизна исследования состоит в установлении подлинной аксиологии Гоголя, связанной с православным мировосприятием. В качестве основной задачи исследования является установление связи поэтики «Мертвых душ» с особыми категориями, свойственными православному типу духовности (теоцентричность, храмостроительство [Мосалева, 2009], иконичность).

## **1. Образ псевдо-России**

В «Мертвых душах» Гоголя Россия проявляется в разных образах. В нашей работе сосредоточимся на рецепции образа европейской, заграничной России, являющейся в поэме Гоголя объектом иронического изображения. От такой России автор намеренно дистанцируется. Это Россия негодяя Чичикова.

На первых страницах поэмы она предстает в символическом образе неизвестного губернского города, куда въезжает бричка главного героя Павла Ивановича Чичикова, остановившаяся у гостиницы, расположенной против *кабака*.

Эта «картинка», по мысли И. А. Виноградова, навеяна заграничными впечатлениями, оказавшими влияние на Гоголя как раз в пору создания им «Мертвых душ». Эту мысль исследователь подтверждает отрывком из письма А. А. Краевского М. П. Погодину, в котором Краевский пересказывает адресату гоголевские впечатления о Европе: «Вся пройденная им Европа показалась ему трактиром: путешественники на каждом шагу; все только и делают, что пьют, едят, да газеты читают» [Виноградов, 2009, С. 537]. «*Путейный дом*» или *трактир* – наиболее часто встречающиеся Чичикову «строения», там происходят «неожиданные встречи», предопределяющие «скандальное» развитие сюжета героя.

Кроме двух «русских мужиков», Чичикову попадает на глаза «молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушениями

на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульской булавкою с бронзовым пистолетом» [Гоголь, 2009: 9]. Интересна предметная подробность: «манишка» застегнута «тульской булавкою с бронзовым пистолетом», говорящая о растрачивании и измельчании мастерства тульских оружейников.

## 2. Псевдо-Россия и мир пошлой моды

Так с самого начала поэмы начинает звучать мотив *пошлой моды*, копирующей иностранные образцы. Постепенно он переходит в мотив *пошлого искусства*, разворачивающийся на протяжении поэмы в своеобразный «картинный сюжет».

По замечанию автора, на стенах «общей залы» гостиницы «всякий проезжающий» видит «все то же, что и везде», «те же картины во всю стену, писанные масляными красками», как и стены самой залы. Помимо заданных в самом начале повествования мотивов, все вместе они обозначают тему *повтора пошлой предметности* в несобытийном пространстве. Если какая-то вещь и обращает на себя внимание в этом мире, то она еще больше утрирует, искривляет свойство исходной пошлой вещи. Так, «на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал» [Гоголь, 2009: 11]. В мире пошлого искусства есть свои «чудеса», свои шедевры пошлости, еще больше отдаляющиеся от нормы. Подобные картины, по замечанию автора, были «накуплены» в Италии, «нашими вельможами, любителями искусств».

Россия Чичикова, собственно, уже и не Россия, судя по быту, нарядам, вывескам в губернском городе NN: «Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров» [Гоголь 2009: 12]. «Просвещенную» Россию Гоголь уподобляет «просвещенной» Европе, «свет» которой имеет inferнальную природу. Воплощением этого «света» выступает «губернаторский дом», освещенный «хоть бы и для бала»: «Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный (выделено мною. – Г.М.). Все было залито светом» [Гоголь 2009: 15].

В губернском городе, как и в Петербурге, устраиваются свои иллюминации. И губернский город, и Петербург обладают свойствами мгновенной изменчивости: носитель предельно русской именной парадигмы «Василий Федоров» осознает себя даже не каким-то конкретным европейцем: французом или немцем, к примеру, а «иностранцем» вообще.

Россия Чичикова выступает, таким образом, как фиктивное пространство, оборачивающееся то псевдо-Россией, то псевдо-Европой. В этом смысле изображенная Россия воплощает собой как образ профанной России, так и образ человеческой вселенной вообще, несущей в себе печать греха. В «Авторской исповеди» Гоголь писал о том, что на некоторое время его занятием «стал не русский человек и Россия, но человек и душа человека вообще» [Гоголь, 2009: 227]. «Мертвые души» как «грубую карикатуру» на Россию прочитал Н. А. Полевой [Полевой, 1990: 344], правда, за карикатурой он не увидел ее светлого лика и отказал Гоголю в любви к России. П. А. Вяземский в статье «Гоголь и Языков», рассуждая о героях гоголевской поэмы, назвал их «трагическими карикатурами» [Вяземский, 1982: 171], а самого Гоголя сравнил с Гансом Гольбейном Младшим – автором «Плясок смерти».

Иллюзорным пространством оказывается пространство Петербурга в «Повести о капитане Копейкине». Рассказ почтмейстера автор называет «презанимательной поэмой». По характеристике почтмейстера, Петербург в восприятии Копейкина предстает то «сказочной Шехерезадой», то Семирамидой, то Персией, то Америкой, то Индией, соблазняя искушаемого героя разными личинами. Обнадеженный министром, Копейкин пускается в «терние обольщений»: «Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в Лондоне, приказал подать себе котлетку с каперсами, пулярку спросил с разными финтерлеями» [Гоголь, 2009: 195]. После посещения театра Копейкин пытается «на своей деревяшке» преследовать «стройную англичанку». Капитан Копейкин,

как и Акакий Акакиевич, совлекается со своего страдальческого пути в мир соблазнов и обольщений.

Неживые души героев гоголевской поэмы не могут быть вовлечены в пространство истинной сущности жизни и подлинной значимости вещей, пока они не ожили для жизни вечной.

### **3. Птичьи мотивы в контексте образа Руси как птицы-тройки**

«Картинный сюжет» «Мертвых душ» имеет черты поступательного сюжетного развития. В доме Коробочки «спящий» взгляд Чичикова скользит по «стареньким полосатым обоям» и картинам «с какими-то птицами» [Гоголь 2009: 44]. Этот «птичий мотив», зазвучавший в усадьбе Коробочки, сюжетно углубляется в частном усадебном сюжете героини образом индейского петуха и всего курятника. Птичий мотив развивается и в сюжете Собакевича: Чичиков видит «дрозда темного цвета с крапинками», сидящего в клетке, «очень похожего тоже на Собакевича» [Гоголь 2009: 93]. В доме Коробочки Чичиков замечает между картинами с птицами портрет Кутузова и «писанный масляными красками» портрет какого-то старика «с красными обшлагами на мундире» [Гоголь 2009: 47]. Циферблат стенных часов Коробочки тоже отмечен элементом орнаментальной изобразительности – цветами.

«Птичий мотив» в кругозоре гоголевских героев противопоставлен Руси – птице-тройке, входящей в авторское мировидение. «Какие-то птицы» с орнаментальными и тератологическими мотивами на горизонтальной оси повествования поэмы входят в мир гротеска как его полноправные персонажи. Тератологический мотив в сюжете Коробочки проводится сравнением боя настенных часов с шипением змей, так что даже Чичиков испытывает страх: «Слова хозяйки были прерваны странным шипеньем, так что гость было испугался; шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями» [Гоголь 2009: 45]. Мотив змеи в «народной» тератологии, по замечанию В. С. Кутковой [Кутковой, 2008: 435], имеет первенствующее значение, и связан он с гротеском и поэтикой «чудовищного».

В доме Собакевича «картинный сюжет» получает дальнейшее развитие. На стенах гостиной Собакевича висят картины с греческими полководцами, «гравированными во весь рост»: «Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные» [Гоголь, 2009: 93].

Эти картины становятся участниками общего собрания и тем самым вовлекаются в развитие сюжета Чичикова. Жена хозяина усадьбы Феодулия Ивановна своей недвижимостью словно является еще одним «картинным образом»: «усевшись» на диване, она «уже не двинула более ни глазом, ни бровью» [Там же]. Недвижимость жены Собакевича заставляет Чичикова взглянуть еще раз на картинные образы: «Чичиков опять поднял глаза вверх и опять увидел Канари с толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда в клетке» [Там же].

Гиперболизация какой-то «портретной» черты в художественном тексте есть проявление профанной реальности. Уродливая гиперболизированная телесность картинных персонажей передает омертвление души героев поэмы.

Любопытно, что в греческих героях и героине гиперболизированы черты раблезианского «богатырства», а в Багратионе как герое русской истории, напротив, гиперболизирована его «малость».

Наконец, не явился исключением и дом Плюшкина, в котором дается завершение своеобразного «картинного сюжета» «Мертвых душ»:

«По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку» [Гоголь, 2009: 112].

Гравюра с военным сражением, втягивающая зрителя в пространство гибели, и почерневший натюрморт, занимающий полстены, умертвляющий уже саму по себе изображенную на нем мертвую природу (от франц. *nature morte*), становятся зримыми символами смерти. В описании натюрморта вновь соединяются, как это было в картинном сюжете Коробочки, орнаментальные и тератологические мотивы («кабанья морда, висевшая головою вниз утка»), символизирующие омертвения человеческой души. Не случайно в сюжете Плюшкина возникает мотив не осуществившейся для героя Пасхи. Дочь привозит отцу халат и кулич, надеясь на его помощь, но наталкивается на полное бесчувствие.

Мотив «уродливых картин», «пестрых, грязных масляных малеваний», звучавший ранее в повестях о Петербурге, особенно в «Портрете», в «Мертвых душах» выступает уже не просто в качестве символа пошлого искусства, «дряхлой бездарности», а как знак абсолютной эстетической и духовной невосприимчивости мертвой души героя. Карикатурность батальной картины и антиэстетизм натюрморта вводят читателя в мир утраты человеческого образа и вытеснения его образом апокалиптического зверя.

#### **4. Иконические и храмовые образы в «Мертвых душах»**

Икона как проявитель духовности мира в «Мертвых душах» почти не встречается. Упоминание о горящей перед образом свече в доме Настасьи Петровны Коробочки связано с определенной ситуацией, проявляемой самой героиней: «Какое-то время послал Бог: гром такой – у меня все время горела свеча перед образом» [Гоголь, 2009: 46]. Образ на божнице у Коробочки не конкретизируется, как и упоминание об образах в трактире в четвертой главе, перед которыми лежат «фарфоровые вызолоченные яички» и «натыканы» пучки душистых трав и гвоздик, высохших и запыленных, что указывает на полное небрежение к красному углу – предмету теплой заботы в иконной народной России.

Упоминания о храмах в «Мертвых душах» весьма специфичны. Известно, что есть некий собор в губернском городе, о дороге к которому, наряду с вопросами о местоположении присутственных мест и губернаторского дома, на всякий случай спрашивает Чичиков, но после всех расспросов идет к реке. Вода, река несет в себе символ очищения. В данном случае это авторское наименование водного пространства означает ситуацию несостоявшегося очищения героя.

В восьмой главе упоминается «небольшая приходская церковь» Николы на Недотычках, мимо которой проезжает в бричке Коробочка. В этом авторском названии звучит тот же смысл: равнодушие гоголевского героя к духовной жизни.

Храмом «уединенного размышления» в усадьбе Манилова называется беседка «с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами [Гоголь, 2009: 23]. Эпитет «уединенный» в отношении к храму звучит абсурдно, как и наименование беседки храмом. Нелепо выглядит и сам сад рядом с господским домом Манилова, с разбитыми на английский манер двумя-тремя клумбами. Беседки – новое веяние европейской моды, как и английские сады, ставшие приметой поместной усадебной культуры. Сады в «Мертвых душах» тоже почти все карикатурны и безжизненны, в том числе и центральный сад губернского города. Исключением является сад Плюшкина и как раз на том основании, что его жизнь не связана с цивилизаторской, просветительской деятельностью человека. Он оставлен сам по себе. Именно в описании плюшкинской усадьбы встречается упоминание о двух сельских церквях, находящихся рядом: одна из них – «опустевшая

деревянная», другая – «каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся». Запустение церквей переносится и на господский дом, выглядевший «дряхлым инвалидом» с «подслеповатыми» двумя окнами. В своей ветхости, дряхлости дом по сравнению с его хозяином выглядит живым, переживающим разные возрастные состояния.

К мотивам Церкви в творчестве Н. В. Гоголя в свое время обращались Ф. Лилиенфельд [Lilienfeld, 1971] и Л. Амберг [Amberg, 1986]. Упоминание о церковных службах связано с биографией Чичикова и встречается в последней главе поэмы. Пытаясь продвинуться по службе в казенной палате одного из дальних захолустьев, куда Чичиков определяется после окончания училища, герой пытается выслужиться перед своим начальником, «престарелым повытчиком», являвшим собой образ «какой-то каменной бесчувственности и непоколебимости» [Гоголь, 2009: 221]. Никакое угодничество на него не действовало, пока Чичиков не «пронюхивает» о существовании у своего начальника некрасивой и незамужней дочери и не начинает «приступ»: он узнает, в какую церковь дочь начальника ходит по воскресным дням и тоже посещает ее: «...становился всякий раз насупротив ее, чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, – и дело возымело успех» [Гоголь, 2009: 222]. Начальник продвигает Чичикова по службе в надежде на скорую женитьбу Чичикова на его дочери. Сам став «повытчиком», Чичиков заминает дело о свадьбе, так что при встрече его бывший начальник произносит себе под нос: «Надул, надул, чертов сын» [Гоголь, 2009: 223]. По внешним признакам Чичиков – образец благопристойности и «крахмальной чистоты», по внутренним свойствам – «чертов сын».

По характеристике автора, этот случай был для Чичикова «самым трудным порогом», дальше все «пошло легче и успешнее».

Отсутствие храмового пространства [Мосалева, 2012] в кругозоре гоголевских героев восполняется в авторском, представляющем Россию как целокупный пространственный образ. В продолжающемся лирическом отступлении в начале шестой главы автор вспоминает о своем любопытстве в годы юности к «незнакомым местам». В этих юношеских воспоминаниях не раз повторяются элементы экфрасиса: «круглый ли правильный купол, весь облитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью» [Гоголь, 2009: 107]; «я любопытно смотрел на высокую узкую деревянную колокольню или широкую темную деревянную старую церковь» [Гоголь, 2009: 108].

В усадьбе Плюшкина символом жизни является сад, имеющий черты храма: «Зелеными облаками и неправильными трепетолитными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе деревьев» [Гоголь, 2009: 110]. Сад-храм Плюшкина обладает свойством теплоты и света, его зеленые чаши озарены солнцем, ствол березы «круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна» [Гоголь, 2009: 110]. Сад этот словно находится на «воздухе» – вне горизонтального пространства героев.

О «великолепной храмине» [Гоголь, 2009: 204] и ведущем к ней «прямом пути», от которого постоянно отступает человечество, «сбиваясь в сторону», «попадая в непроходимые захолустья», следуя за «болотными огнями», Гоголь ведет речь в десятой главе. Путь Чичикова является общим путем плутающего в потемках и заблуждающегося человечества: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносащие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к *великолепной храмине* (выделено мною. – Г.М.), назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди» [Гоголь, 2009: 204].

Не случайно Чичиков то и дело «сбивается» с пути: от Манилова едет к Собакевичу, но попадает под дождь и гром, плутает, вываливается из брички в грязь, пока, наконец, не оказывается в деревне Коробочки. От нее он вновь отправляется к Собакевичу, но останавливается в трактире, из которого едет к Ноздреvu. Автор от главы к главе ведет

своего героя-приобретателя к падению, к осмеянию, к катастрофе. В последней главе различие в восприятии России героем и автором становится окончательным и завершенным.

## 5. Россия Гоголя

В первом лирическом отступлении одиннадцатой главы Гоголь изображает бедный русский пейзаж, пронизанный авторской любовью: «бедно, разбросанно и неприятно в тебе. <...> Открыто-пустынно и ровно все в тебе...ничто не обольстит и не очарует взора» [Гоголь, 2009: 213]. Бедность и неприятность русского пейзажа Гоголь противопоставляет нерусским «венчанным дерзким дивам искусства городам». Неприятность русского пейзажа связана с кенозисом как идеей крестоношения России, идеей близости самого русского пространства Христу [Аверинцев, 2005: 164].

Не менее важно замечание автора о России «как пространстве не обольщающем и не очаровывающем», но имеющем непостижимую, тайную силу над автором поэмы. Безначальность и бесконечность России знаменует у Гоголя идею Бога. Россия в этом отрывке сравнивается и с тоскливой бесконечной песней «от моря до моря». Русская песня у Гоголя, как заметил К. С. Аксаков, является образом «великого, могучего пространства» [Аксаков, 1981: 150]. Кстати, в знаменитых тургеневских «Певцах» побеждает не рядчик из Жиздры – исполнитель веселой плясовой песни, а Яков Турок, поющий как раз заунывную, хватающую за сердце песню – «Не одна ли ты во поле дороженька пролегала». Песню Аксаков сближает с образом птицы-тройки, она неожиданно появляется, наполняя пространство звуками, и неожиданно уносится.

Таким образом, подлинное храмовое пространство встречается только в авторском кругозоре. Оно изображается в плоскости духовной вертикали и связано с авторским словом о живой душе России.

Могучее пространство России, ее необъятный простор у Гоголя – еще «незнакомая земле даль». Россия находится вне географического пространства земли, ее Даль расположена на незнакомых человеческому зрению координатах. То и дело в этом фрагменте Гоголь дает описания встречающихся церквей: «церкви с старинными деревянными куполами и чернеющими остроконечьями» [Гоголь, 2009: 214]; «как звезда, блестит в стороне крест сельской церкви», «белые верхушки каменных церквей» [Гоголь, 2009: 215].

## Заключение

Как видим, на передний план Гоголь помещает в «Мертвых душах» образ профанной России, уподобляющейся Европе, выступающей ее двойником и копирующей все самое худшее. Подлинная Россия скрыта от торговца ее мертвыми душами. Точки зрения героя и автора в поэме не соприкасаются. Двойничество России, метаморфоза ее образа способствуют ее выходу в универсальное пространство. «Мертвые души» – это не только поэма о России, но и о европейской христианской цивилизации, утратившей подлинные ориентиры. В контексте сюжета Чичикова – это апокалиптическая поэма, в контексте авторского кругозора – это поэма о храмовой России как хранительнице иконического образа Спасителя. В любом случае «Мертвые души» предстают не как сатира, а как поэма о трагическом пути человечества, для которого тем не менее еще есть возможность выбора воскресения. В плане дальнейшего исследования образа гоголевской, храмовой России представляется необходимым обратиться к двум важнейшим текстам классика: «Выбранным местам из переписки с друзьями» и «Размышлениям о Божественной Литургии».

## Литература:

1. Воропаев В. А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019.
2. Виноградов И. А. «Дело, взятое из души...». Комментарий к «Мертвым душам» // Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Москва-Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 5. С. 531–572.
3. Есаулов И. А. Рецепция Н. В. Гоголя и вектор развития России // Десятые Гоголевские

- чтения: Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Юбилейный выпуск. Москва, 2010. С. 68–72.
4. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод, 1995.
  5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Москва: Кругъ, 2004.
  6. Есаулов И. А. Русская классика: Новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012.
  7. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Москва-Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 5.
  8. Полевой Н. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя // Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. Ленинград: Худож. Лит., 1990. С. 338–361.
  9. Вяземский П. А. Языков и Гоголь // Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. Лит., 1982. Т. 2. Литературно-критические статьи. С. 162–188.
  10. Кутковой В. С. Краски мудрости. М.: Паломник, 2008.
  11. Мосалева Г. В. Храмостроительство русской словесности: Старчество и икона // Духовная традиция в русской литературе. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2009. С. 74–96.
  12. Lilienfeld F. von. Gogol als Verfasser «der Betrachtungen über die Gottliche Liturgie» // Wegzeichen. Festgabe zum 60. Geburtstag von H. M. Biedermann. Würzburg, 1971. P. 377–404.
  13. Amberg L. Kirche, Liturgie und Frömmigkeit im Schaffen von N. V. Gogol' // Slavica Helvetica. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, 1986.
  14. Мосалева Г. В. Поэтическое зодчество Гоголя и образ России // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции. Ижевск, 2012. С. 322–356.
  15. Аверинцев С. С. Образ Иисуса Христа в православной традиции. Связь времен. Киев: Дух І Літера, 2005. С. 150–168.
  16. Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 141–150.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 2.11.2022

**Mosaleva G. V.**

*Udmurt State University, Izhevsk, Russia*

## **RUSSIA OF CHICHIKOV AND RUSSIA OF GOGOL IN THE POEM “DEAD SOULS”**

The paper considers the polysemy of the image of Russia in N. V. Gogol’s “Dead Souls.” It is a new angle of research; its relevance is connected with the reception of the category of church construction allowing to see new characteristics in Gogol’s poetics. The objective of the study is to establish a link between the category of church construction, which manifests itself in the church symbolism, and Gogol’s text poetics. The research methodology presents an attempt to study “Dead Souls” in the context of the Orthodox tradition. On the external pictorial plane, appears the image of Russia, seen by Chichikov. This is the image of provincial Russia, striving to copy “enlightened” Europe, therefore it appears as its counterpart: now as pseudo-Russia, then as pseudo-Europe. A hotel and a tavern are placed in the foreground in Chichikov’s provincial Russia. Chichikov seems to consciously avoid meeting the real Russia, the symbols of which are the church space, its living soul, embodied in nature, songs, and the Russian language. During the travels through the estates of landowners, the image of this caricatural Russia is overgrown with the motifs of vulgar fashion, vulgar art, caused by the imitation of Europe. The anti-aesthetics of a still life in the poem is intended to symbolise the world of the death of the human soul. The growth of infernality is manifested in the motifs of exaggerated physicality in the paintings in the estates of the landowners, in the organisation of their environment. On the outer plane “Dead Souls” act as a guide to the

world of death, in which a person with a dead soul is able to reproduce only a similar dead culture. The image of St. Petersburg Russia in the story about Captain Kopeikin appears as if in a kaleidoscope of illusory images: like Semiramis. Persia. America, India.

Genuine Russia is manifested in the inner plane of the poem, in the author's outlook. Its symbols are the language itself, in which culture is created, the Russian spirit, reflected in the songs, the beginninglessness and infinity of Russia, expanding to the vast Universe, heeding Its Creator.

*Keywords:* N. V. Gogol, "Dead Souls," image of Russia, imitation, authenticity.

*About the author:*

**Mosaleva Galina Vladimirovna**, Full Professor, Doctor of Philology, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: mosalevagv@yandex.ru.

#### **References:**

1. Voropaev, V. A. *There Is No Other Door ... : About Gogol and Not Only*. Moscow, 2019.
2. Vinogradov, I. A. "A Matter Taken from the Soul ... ." *Commentary on "Dead Souls."* *Complete Works and Letters*: In 17 volumes, vol. 5, Moscow-Kyiv, 2009, pp. 531–572.
3. Esaulov, I. A. "N. V. Gogol's Reception and the Vector of Russia's Development." *Desyatye Gogolevskie Chteniya: N. V. Gogol' i ego Tvorcheskoe Nasledie*. Moscow, 2010, pp. 68–72.
4. Esaulov, I. A. *Category of Conciliarity in Russian Literature*. Petrozavodsk, 1995.
5. Esaulov, I. A. *Paschality of Russian Literature*. Moscow, 2004.
6. Esaulov, I. A. *Russian Classics: A New Understanding*. Moscow, 2012.
7. Gogol, N. V. *Complete Collection of Works and Letters*: In 17 volumes. vol. 5, Moscow-Kyiv, 2009.
8. Field, N. "Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol." *Literaturnaya Kritika: Stat'i, Recenzii 1825–1842*. Leningrad, 1990, pp. 338–361.
9. Vyazemsky, P. A. *Yazykov and Gogol*. Compositions: In 2 vols. Moscow, 1982, vol. 2, pp. 162–188.
10. Kutkovoy, V. S. *Colors of Wisdom*. Moscow, 2008.
11. Mosaleva, G. V. "Temple Construction of Russian Literature: Elders and Icons." *Duhovnaya Tradiciya v Russkoj Literature*. Izhevsk, 2009, pp. 74–96.
12. Lilienfeld, F. von. "Gogol as the Author of "Reflections on the Divine Liturgy"." *Vejgcajshchen. Festgabe cum Zekscishchsten Geburtstag fon H. M. Bidermann*. Wurzburg, 1971, pp. 377–404.
13. Amberg, L. "Church, Liturgy and Piety in the Work of N. V. Gogol'." *Slavica Helvetica*. Berne, Frankfurt am Main, New York, Paris, 1986.
14. Mosaleva, G. V. "Poetic Architecture of Gogol and The Image of Russia." *Tvorchestvo N. V. Gogolya v Kontekste Pravoslavnoj Tradicii*. Izhevsk, 2012, pp. 322–356.
15. Averintsev, S. S. "The Image of Jesus Christ in the Orthodox Tradition." *Svyaz' Vremen*. Kyiv, 2005, pp. 150–168.
16. Aksakov, K. S. "A Few Words about Gogol's Poem: The Adventures of Chichikov, or Dead Souls." *Literary Criticism*. Moscow, 1981, pp. 141–150.

Received 2.11.2022

## **IV. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-94-105

УДК: 372.811.161.1(597)(045)

**Нгуен Тхи Ханг**

*Хошиминский государственный педагогический университет, город Хошимин, Вьетнам*

### **«ОБУЧЕНИЕ ПО СТАНЦИЯМ» – ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ВО ВЬЕТНАМСКОМ ВУЗЕ**

В статье анализируется применение технологии «Обучение по станциям» в процессе преподавания русского языка как иностранного в Хошиминском государственном педагогическом университете на продвинутом уровне на примере темы «Праздник». Рассматриваются конкретные этапы подготовки и обучения в соответствии с данной технологией. Во вьетнамском высшем образовании с ее помощью реализуется дифференцированный подход к обучению студентов. Цель статьи – осветить результаты экспериментальной работы, осуществленной с применением этой технологии на примере студентов-филологов 2 курса обучения. В статье обобщается личный опыт и опыт работы по данной технологии с вьетнамскими студентами преподавателей разных предметов. При реализации данной технологии учащиеся не только овладевают теоретическими знаниями в своей специальности, но и активизируют свои базовые компетенции, необходимые студентам XXI в.

Кратко представим технологию «обучение по станциям». Станция – это определенное место в аудитории, на котором лежат рабочие листы с инструкцией и разработанными по теме заданиями. До занятия преподаватель делит класс на отдельные зоны с учетом способностей и интересов индивидуальных студентов по определенном виде речевой деятельности, как аудирование, говорение, чтение, письмо на опоре, языковой материал по грамматике, лексике, фонетике. В течение занятия обучаемые могут посещать, т. е. работать в зонах над заданиями и по окончании каждого этапа они могут сравнить свои результаты с бланком ответов, чтобы обсудить их вместе с группой и координатором. Кроме того, на последнем этапе они должны выступить с презентацией о проделанной работе перед аудиторией. Благодаря этому повышается мотивация студентов к выбору и изучению подготовленного и предложенного учебного материала. Следует признать, что преподаватель играет разные роли в процессе обучения по данной технологии. До занятия он выбирает материалы, соответствующие интересам и уровням подготовленности студентов, выкладывает задания в каждой зоне в соответствии с целью обучения. На занятии он занимает позицию наблюдателя и модератора. Исходя из этого, у него есть больше времени уделить внимание слабым студентам и ответить на индивидуальные вопросы на каждом этапе изучения темы.

*Ключевые слова:* обучение по станциям, дифференцированный подход, учебный стиль, тема «Праздник», Хошиминский государственный педагогический университет, русский язык как иностранный.

*Сведения об авторах:*

**Нгуен Тхи Ханг**, кандидат педагогических наук, декан факультета русского языка, Хошиминский государственный педагогический университет (г. Хошимин, Вьетнам); e-mail: hangnth@hcmue.edu.vn.

## Введение

Дифференцированный подход – общий методический принцип обучения, предполагающий использование различных методов и приемов в зависимости от целей обучения, вида формируемой речевой деятельности, этапа обучения, осваиваемого языкового материала, возраста учащихся и др. [Азимов, 2009: 65]. Он отличается от традиционного, в первую очередь, в изменении взаимодействия «учитель-ученик», т. е. из позиции ученика – прилежного исполнителя он переходит в позицию активного творчества и сотрудничества, к сотрудничеству. Тогда учащиеся активно принимают участие в процессе обучения, самообучения, саморазвития, чтобы совершенствовать свои знания и развивать необходимые компетенции. Можно отметить, что дифференцированный подход соответствует целям «Общей вьетнамской школьной образовательной программы 2018 года» [Министерство образования и подготовки кадров, 2018: 7]. В программе отмечается, что целью обучения является всестороннее развитие моральных, интеллектуальных, физических, эстетических качеств у обучающихся. В том числе формирование способности к автономии и самообучению, общению, сотрудничеству, решению проблем так важно определяется в процессе учебной деятельности и подготовке к трудовой деятельности. В соответствии с методическими материалами Вьетнамско-Бельгийского проекта от 2006 года [Вьетнамско-Бельгийский проект: Активное обучение - методы и технология, 2010], были предложены три инновационных метода, которые можно целесообразно использовать во Вьетнаме, а именно: проблемный метод, метод проектов и обучение по станциям.

Материалом данного исследования послужили публикации на заявленную тему вьетнамских [Фунг Вьет Хай, До Хыонг Ча, 2014; Нгуен Тует Нга, 2010; Нгуен Ван Хань, Нгуен Хыу Хоп, 2013; Фан Тхи Тхань Хой, Нгуен Тхань Дунг, 2018] и зарубежных [Плотникова, 2015; Монитха Гералдине, 2018; Нури Курния, 2018] методистов, учебно-методические пособия [Нгуен Тует Нга, 2010; До Хыонг Ча, 2011], конспекты планов занятий и комплексы заданий. В работе использованы как теоретические, так и экспериментальные методы исследования – анализ, синтез, сравнение, обобщение, эксперимент.

Поясним сначала, что понимается под дифференцированным подходом. Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин определяют дифференцированный подход (от лат. *differentia* – различие) следующим образом: «Дифференцированный подход в обучении – это общий методический подход, предполагающий использование различных методов и приемов в зависимости от целей обучения, видов речевой деятельности, этапа обучения, языкового материала, возраста учащихся и др.» [Азимов, 2009: 75]. А. Т. Карол считает, что классы, в которых используется дифференцированный подход, отличаются от традиционных классов тем, что учащиеся в одном и том же классе могут учиться по-разному и с разной скоростью и интересом, а учитель создает творческую учебную атмосферу в соответствии с интересами личностей обучающихся.

Вьетнамские методисты в своих исследованиях [До Хыонг Ча, 2011; Нгуен Тует Нга, 2010; Нгуен Тхи Тху Хуен, 2015; Фан Тхи Тхань Хой, Нгуен Тхань Зунг, 2018] определили, что «обучение по станциям» – это метод обучения, при котором учащиеся выполняют разные учебные задачи, находясь в определенных местах (зонах) класса, и стремятся овладеть учебным материалом в соответствии со своим индивидуальным стилем учения. «Обучение по станциям» удовлетворяет условиям дифференцированного обучения. Находясь в разных зонах класса, т. е. работая на разных станциях, учащиеся самообучаются и сотрудничают для решения учебных задач.

Говоря об особенностях этой технологии, следует обратить внимание на некоторые моменты. Эта технология предполагает особую роль преподавателя в процессе организации занятия от этапа его подготовки до оценивания. Преподаватель должен быть эмоционально позитивным и высоко профессиональным, так как в этом процессе он не учит студентов, а готовит сценарий занятия, наблюдает за его ходом, объясняет способы решения

поставленных перед студентами задач и дает рекомендации студентам к самостоятельному освоению знаний и умений. Преподаватель разрабатывает план занятия, исходя из общей его цели, ставит определенную цель каждой подгруппе студентов каждой станции. На каждой станции имеются специальные вспомогательные средства – раздаточные материалы, технические средства, учебные листы-инструкции, задания разного уровня сложности с учетом уровня подготовленности студентов, критерии для самооценки выполненных заданий. При такой организации занятия на каждой станции студенты, решая поставленные перед ними задачи, открывают новые возможности обучения, экспериментируют, находят новые способы решения заданий. При этом успешно развиваются личностные качества и способности студентов к самообразованию и сотрудничеству. В поле зрения преподавателя должно быть все пространство аудитории, зонированное на отдельные станции, рациональное определение количества студентов для каждой станции и определение осваиваемого предметного содержания.

### **1. Этапы организации занятия по технологии «Обучение по станциям»**

В эксперименте по технологии «Обучение по станциям» приняли участие 20 студентов-филологов второго курса с уровнем владения русским языком Б 1. Эксперимент проводился на базе ХГПУ в 2020–2021 учебном году и состоял из трех этапов. Поясним работу на каждом из этапов.

**Этап 1.** Целью этапа являются определение темы занятия и подготовка учебного пространства аудитории. Нельзя отрицать роль преподавателя в этом процессе, он должен выбрать разговорную тему и подготовить учебное пространство для занятия по станциям.

Не все темы подходят для организации урока по этой технологии, поскольку на каждой станции создаются разные типы задач по разным видам деятельности в соответствии с целью этой станции. Поэтому преподаватель должен выбрать соответствующую тему, чтобы по ней можно было организовать урок с разными стилями обучения на отдельной станции, исходя из общей цели занятия. В эксперименте была выбрана тема «Праздники в России» на четыре часа для уровня А 2.2.

Подготовленные станции с разработанными материалами и заданиями по четырем видам речевой деятельности являются одним из важных условий для организации обучения. Преподаватель должен предусмотреть пространство, подходящее к форме организации деятельности на каждой станции и количеству учащихся, чтобы можно было легко расставить по станциям столы и стулья, нужное оборудование. Тема «Праздник» и наличие просторной аудитории в университете позволяют разделить все учебное пространство на четыре отдельные зоны с четырьмя видами речевой деятельности.

**Этап 2.** Целью этапа является формулирование учебной цели и определение методов, приемов, форм работы для каждой станции над определенной подтемой по одному из видов речевой деятельности. Кроме того, осуществляется зонирование пространства по станциям.

**2.1. Цель занятия.** Общая цель занятия формулируется в соответствии с требованиями стандарта «Общей образовательной программы 2018 года», а затем разбивается на подцели для каждой станции, с учетом уровня языкового развития и интересов студентов. Целью занятия по разговорной теме «Праздники в России» было развитие умения общаться (уровень А 2.2), а именно: уметь поздравить с новогодними праздниками, выразить свое мнение о сходствах и различиях между вьетнамскими и российскими праздниками, написать короткий рассказ из 8–10 предложений о российском новогоднем празднике.

**2.2. Методы, приемы, формы работы и оснащение занятия.** На занятии используются приемы «скатерть» и «карта разума (семантическая карта)», практикуются как индивидуальная, так и групповая формы работы. Занятие оснащено проектором для показа презентаций, фото, видеороликов, инструкций, результатов работы, а также учебные карточки, бумага А-4 и др.

**2.3. Зонирование пространства – определение станций.** Перед тем как определить

количество станций и их названия, преподаватель должен сформулировать задачу для каждой станции. В зависимости от содержания урока и реальных условий преподаватель разбивает группу на четыре подгруппы в соответствии с интересами и уровнем владения языком в расчете, что каждая подгруппа на «своей станции» будет осваивать один из четырех видов речевой деятельности. На каждой станции преподаватель заранее предоставляет студентам лист заданий, оборудование, лист с критериями оценки и опросники о результатах своей работы, а также и другие материалы, необходимые для выполнения заданий. Преподаватель помогает студентам выбрать «свою» станцию в соответствии с интересами и уровнем владения языком.

**Этап 3.** Цель этого этапа – реализовать сценарий занятия. На занятии студенты работают на каждой станции и в результате они совершенствуют свои способности к самообучению, творчеству, взаимодействию в группе, публичным выступлениям, у них развивается чувство времени и т. п. Ниже представлен план-конспект занятия, проведенного в соответствии с технологией «Обучение по станциям».

В зависимости от цели урока студенты могут работать на одной станции согласно своим интересам и языковым возможностям или принимать участие в работе всех станций. По теме «Праздник» студенты должны участвовать обязательно в работе всех станций. Оценка деятельности студентов на станциях «Говорение», «Чтение» и «Письмо» обязательна, а на станции «Аудирование» - факультативна.

## 2. План-схема занятия на тему «Праздники в России»

### Станция № 1: «Аудирование» (факультативный)

<b>Учебная карточка № 1</b>
<b>Станция «Аудирование»</b>
<p>1. Цель: Развитие умения понимания аудиотекстов по теме «Праздники в России»</p> <p>2. Оборудование: компьютер, наушники, электронная площадка MS. Teams, Google Classroom. Учащиеся могут слушать файлы на своем телефоне.</p> <p>3. Формы работы: индивидуальная работа во время прослушивания; групповая работа после прослушивания - контроль понимания содержания текста.</p> <p>4. Оценка: 10 баллов.</p> <p>Критерии:</p> <p>Задание 1:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>- 1 правильный ответ 0.2 б.</li> <li>- ответ с орфографической, грамматикой ошибка 0 б.</li> </ul> <p>Задание 2:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>- 1 правильный ответ 1 б.</li> </ul> <p>Задание 3:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>- 1 правильный ответ с полным предложением 1 б.</li> <li>- 1 правильный ответ с коротким предложением 0.8 б.</li> <li>- 1 орфографическая ошибка -0.2 б.</li> <li>- 1 грамматическая ошибка -0.2 б.</li> </ul> <p>5. Время выполнения: 15 минут, время обсуждения: 10 минут</p> <p>6. Примечание: У студента есть 3 работы по аудированию, за которые он получит плюс в окончательной оценке.</p> <p>7. Задание 1: Индивидуальная работа: Прослушайте песню «Последний звонок» 2 раза и впишите пропущенные слова. В каждом пропуске должно быть 2 отдельных слова. (1 б.)</p> <p>Экзамены кончатся скоро,          Последний звонок прозвенит,          Простимся со школой, жизнью веселой.          Прощайте _____ (1)!</p> <p>Что ждет впереди неизвестно,          И нам никогда не забыть          Те добрые песни, что пели мы вместе,</p>

\_\_\_\_\_ (2) беречь и любить.

Первые признания,

Озорной и \_\_\_\_\_ (3) класс.

Длинные уроки и учитель строгий

Не забудем никогда мы вас.

Недавно совсем нам казалось,

Что так этот вечер далек.

Но \_\_\_\_\_ (4),

Немного осталось,

Нас ждет последний звонок.

Стать бы первоклашкой,

День вернуть \_\_\_\_\_ (5),

Взять бы и сначала все начать.

Теплый вечер летний

И звонок последний

Будем мы с любовью вспоминать.

Задание 2: Групповая работа: Прослушайте текст 2 раза и ответьте ДА / НЕТ. (4 б.)

1. До 1818 года Россия использовала юлианский календарь. ДА / НЕТ

2. Раньше Россия отмечала Новый год 14 января по новому стилю. ДА / НЕТ.

3. После 1918 года в России был принят григорианский календарь. ДА / НЕТ.

4. Россия – чемпион во всем мире по праздникам. ДА / НЕТ.

Задание 3: Групповая работа: Прослушайте текст 2 раза и ответьте на вопросы. (5 б.)

1. Что такое Масленица?

2. В какое время проходит этот праздник?

3. Какое блюдо русские часто едят на Масленицу?

4. Какой обычай у русских на этот праздник?

5. В какой день молодой человек придет к Ирине в гости?

### Опорная карточка № 1

#### Станция «Аудирование», алгоритм работы:

1. Студент берет учебный лист на столе и выполняет задания в течение 5 минут.

2. Студент смотрит Портфель в компьютере или на вебсайте

<https://www.youtube.com/watch?v=mTCAhDdDhCY>

3. Студенты слушают 2 раза и выбирают правильный вариант.

1. Какой день означает в песне?

А. день учителя Б. день игрушек В. день рождения

2. Кто подарит Гене подарок?

А. друзья Б. родители В. волшебник

3. На чем Гена играет?

А. гитаре Б. пианино В. гармошке

4. Какой цвет вертолета?

А. голубой Б. розовый В. черный

5. Почему «я» веселый?

А. потому, что сегодня у него день рождения.

Б. потому, что сегодня ему подарят подарок.

В. потому, что сегодня у него все бесплатно.

4. Учащиеся кладут ответ в Продукт коробку.

5. Учащиеся могут переходить в другой уголок.

### Станция № 2: «Чтение» (обязательная)

Учебный лист № 2

Станция «Чтение»

1. Цель: развитие умения чтения с полным пониманием содержания текста

2. Оснащение: учебный лист с текстом и заданием

3. Оценка: 10 баллов [критерии: за что дается 10 баллов]

2. Задача: Учащиеся читают открытку, текст и выполняют задания.

Прочитайте текст и выполните данные ниже задания 1–3.

«С Новым годом! С Новым счастьем!» Раньше всех эти слова говорят жители Камчатки и Дальнего Востока. И только через девять часов поздравляют друг друга с праздником москвичи. В Сибири в это время суровые морозы, а в южных районах страны теплый дождь падает на вечнозеленые растения. Но одинаково тепло, уютно и празднично во всех домах. Новогодний праздник празднует вся страна, каждая семья, каждый ребенок или взрослый. Это самый любимый, самый оптимистический праздник, праздник надежд. Дети ждут Деда Мороза, главного героя праздника, подарков, зимних каникул, а взрослые – новой мирной и радостной жизни в новом году.

К Новому году все готовятся заранее. В праздничные дни город необычен. В витринах магазинов, на площадях и в парках стоят нарядные елки. На улицах много людей. Они спешат закончить дела старого года, подготовиться к празднику: купить подарки детям, родным, друзьям. Но самое главное – купить красивую новогоднюю елку. Каждый хочет встречать Новый год около елки, поэтому самые многолюдные места в городе – это елочные базары. Опытные люди знают, что хорошую елку нужно купить заранее. Конечно, можно купить и искусственную елку. Но можно ли ее сравнить с настоящим деревом! Каждый день дети задают один и тот же вопрос: «Когда мы будем наряжать елку?»

Украшение елки – это огромное удовольствие для взрослых и детей, поэтому во многих домах елку наряжают всей семьей. Елочные игрушки хранятся почти в каждом доме. Целый год они лежат в коробках и ждут своего часа. Каждый год покупается несколько новых игрушек; так, иногда в доме есть игрушки, которые подарили бабушке еще в ее детстве. Елочные игрушки часто покупают в магазинах, но можно сделать их и своими руками. Некоторые родители считают, что украшение елки – дело взрослых. Они украшают ее, когда дети спят, чтобы сделать им сюрприз. А утром дети просыпаются и видят красавицу-елку. На ней разноцветные шары, серебряный дождь, яркие игрушки, конфеты и фрукты. Но самый главный сюрприз – под елкой. Там подарки, которые принес добрый Дед Мороз.

Это старик с бородой, в длинной белой шубе и шапке, с палкой и большим мешком и молодая девушка тоже в белой шубке и шапочке. Это традиционные новогодние герои – Дед Мороз и Снегурочка, его внучка. Дети знают, что в мешке лежат подарки для них.

Задание 1: Подберите антонимы к следующим словам:

1. Искусственный – ...
2. Холод – ...
3. Злой – ...
4. Длинный – ...
5. Удивительный – ...

Задание 2: Соедините части предложения.

Номер	Буква
6. Украшение елки – это огромное удовольствие для взрослых и детей...	А. которые подарили бабушке еще в ее детстве
7. Каждый год покупается несколько новых игрушек, так, иногда в доме есть игрушки...	Б. Это самый любимый, самый оптимистический праздник, праздник надежд.
8. Новогодний праздник празднует каждый человек в стране, потому что ...	В. поэтому во многих домах елку наряжают всей семьей.

Задание 3. Составьте план текста и перескажите его (12 б.)

Опорная карточка

Станция «Чтение»

1. Ресурсы:

- Финагина Ю. В. Русский язык как иностранный. Пособие по чтению: Учебное пособие. Санкт-Петербург: НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2014, 81с.
- <https://slovarozhegova.ru/>

2. Лексика:

1. украшать – украсить

2. новогодний
3. праздновать
4. искусственный
3. Грамматика:

Вид глагола в сложном предложении со значением последовательной и одновременной деятельности.

Вид глагола: как сказать о действиях, которые происходили одновременно или последовательно

Когда S V (несовершенный вид глагола), S V (несовершенный вид глагола). Означает одновременные действия

Когда S V (совершенный вид глагола), S V (совершенный вид глагола). Означает последовательные действия

### Станция № 3: «Говорение» (обязательный)

#### Учебная карточка № 3

#### Опорная карточка

1. Цель – развитие умений:

- а) поздравлять с праздником с учетом русской традиции
- б) выражать свое мнение по обсуждаемой проблеме.

2. Оснащение: компьютер для поиска информации, бумага размером А3 для групповой работы, маркеры

Формы работы: парная, групповая.

Задание 1: Ответьте на вопросы.

Какие русские праздники вы знаете?

Какое пожелание (поздравление) люди часто говорят друг другу на Новый год?

Что русские делают в Новый год?

Кто является символом Нового года?

Чем отличаются Новый год во Вьетнаме и России?

Задание 2: Работа в группах. Составьте план на тему «Новый год во Вьетнаме и России».

Задание 3: Расскажите о Новом годе в России или во Вьетнаме.

4. Оценка:

Индивидуальная работа: говорение

Групповая работа: план презентации, презентация, поддержка в работе

5. Критерии:

Критерии	Процент %	9-10 баллов	7-8 баллов	5-6 баллов	2-4 баллов
Время	10	5 минуты	7 минуты	10 минуты	> 10 минуты
Содержание	30	Задание 1: 5 правильных ответов. Задание 2: План: 3 части презентации, 4 идеи. Структура презентации: введение, главное содержание (4 идеи: обычаи, кулинария, одежда, желания), заключение. Задание 3: говорение по плану.	Задание 1: 4 правильных ответа. Задание 2: План: 3 части презентации, 3 идеи. Структура презентации: введение, главное содержание (4 идеи: обычаи, кулинария, одежда, желания), заключение. Задание 3: говорение по плану	Задание 1: 3 правильных ответа. Задание 2: План: 2 части презентации, 2–3 идеи. Структура презентации: введение, главное содержание (4 идеи: обычаи, кулинария, одежда, желания), заключение. Задание 3: говорение по плану.	Задание 1: 1–2 правильных ответа Задание 2: План: 1–2 части презентации, 1–2 идеи. Структура презентации: введение, главное содержание (4 идеи: обычаи, кулинария, одежда, желания), заключение. Задание 3: говорение не по плану.

Скорость	20	Естественная, четкая, свободная	Естественная, свободная	Медленная	Очень медленная, нерешительная
Интонация и произношение	10	Правильная	Правильная. Есть 2–3 ошибки	Есть 4–5 ошибки	Неправильная
Лексика	10	Большой запас слов, соответствующий данной теме	Достаточный запас слов, соответствующие данной теме. Есть 2–3 ошибки.	Маленький запас слов. Есть 4–5 ошибки.	Не по теме. Много ошибок
Грамматика	10	Ошибок нет. Разнообразная структура: сложные предложения со словами «который», «когда», «если»	Ошибок нет. Разнообразная структура: сложные предложения со словами «который», «когда», «если». Есть 2–3 ошибки	Простые предложения. Неправильное спряжение глаголов, неправильное склонение существительных по родам, падежам, числам.	Очень много ошибок
Реакция к неподготовленной ситуации	10	Быстрая	Нормальная	Медленная	Очень медленная

#### Станция № 4: «Письмо» (обязательная)

Учебная карточка № 4					
Опорная карточка					
<p>1. Цель: развитие умения продуцирования связного текста (5–10 предложений)</p> <p>2. Оснащение: бумага, маркер, текст (см. станцию № 2).</p> <p>3. Время: 20 мин.</p> <p>Задание: Напишите историю о Новом годе во Вьетнаме, опираясь на следующий план:</p> <p>Введение: 1 предложение знакомит читателей с темой.</p> <p>Основное содержание:</p> <p>1-ая идея: обычаи (Что вьетнамцы делают до Нового года, в течение праздника? Куда они ездят? Как они украшают дом?)</p> <p>2-ая идея: кулинария (Какие традиционные блюда? Что символизирует каждое блюдо, каждый фрукт, каждый цвет?) / одежда (Какая традиционная одежда? Какое ее значение?)</p> <p>Заключение: 1 предложение говорит о вашем мнении или чувстве.</p> <p>4. Критерии:</p>					
<b>Критерии</b>	<b>Масса %</b>	<b>9-10 баллов</b>	<b>7-8 баллов</b>	<b>5-6 баллов</b>	<b>&lt; 5 баллов</b>
<b>Содержание</b>	5	Выполнить полный план. Ответить на 10 предложенных вопросов в плане. В каждой главной идее приведен 2 примера / 2 аргумента.	Выполнить полный план. Ответить на 7–9 предложенных вопросов в плане. В каждой главной идее приведен 1 пример / 1 аргумент.	Выполнить 2 части плана. Ответить на 4–6 предложенных вопросов в плане. В одной главной идее приведен 1 пример / 1 аргумент, а в другой нет.	Выполнить задание не по плану. Ответить на 1–3 предложенных вопроса в плане. В каждой главной идее не приведен пример или аргумент.
<b>Связь</b>	1	Правильное деление на абзацы. Информация выстроена логично. Использованы правильные и разнообразные способы связи предложений и абзацев («во-первых, во-вторых, в-третьих, наконец, и, а, но, однако...»).	Правильное деление на абзацы. Информация выстроена логично, но не разнообразны способы связи предложений и абзацев.	Правильное деление на абзацы. Информация выстроена нелогично. Способы связи предложений и абзацев с ошибками.	Неправильное деление на абзацы. Информация выстроена нелогично. Способы связи предложений и абзацев с ошибками.

Лексика	2	Разнообразная и точная лексика.	Достаточно разнообразная лексика. Есть 2–4 орфографических и морфологических ошибки.	Простая лексика. Есть 5–7 орфографических и морфологических ошибки.	Простая лексика, не соответствующая теме. Есть >7 орфографических и морфологических ошибок.
Грамматическая структура	2	Разнообразные конструкции сложных предложений со словами «когда, который, если, хотя». Разнообразные грамматические и временные конструкции.	Разнообразные конструкции сложных предложений со словами «когда, который, если, хотя». Разнообразные грамматические и временные конструкции. Есть 2–4 ошибки, не влияющие на понимание прочитанного.	Много простых предложений. Мало сложных предложений. Есть 5–7 ошибок, влияющие на понимание прочитанного.	Есть >7 ошибок, влияющих на понимание прочитанного.

### 3. Результаты педагогического эксперимента

Технология «обучение по станциям» апробировалась в 2019 / 2020 и 2020 / 2021 учебных годах в двух группах студентов-филологов второго курса ХГПУ в течение четырех академических часов при освоении разговорной темы «Праздники в России». Анализ полученных результатов показал, что студенты успешно овладели запланированным материалом, достигли целевых показателей в овладении говорением, чтением и письмом, а также улучшили свои личностные компетенции – самообучение, самоуправление, сотрудничество, преодоление скованности и др. В течение всего эксперимента преподаватель наблюдал за работой студентов, консультировал и помогал им. Все выполненные студентами задания на станциях «Аудирование», «Чтение», «Письмо» и оставленные в коробке «Продукт» были тщательно проанализированы и оценены преподавателем. Работа на станции «Говорение» была организована следующим образом: студентам выделялось определенное время для подготовки, коллективного обсуждения и составления плана презентации, далее каждый студент выступал по подготовленной им теме перед аудиторией, которая вместе с преподавателем оценивала его ответ по заданным критериям. В следующей публикации планируется подробно обсудить количественные и качественные результаты работы студентов на станциях по каждому виду деятельности.

Опрос студентов об уровне их удовлетворенности работой по технологии «Обучение по станциям» показал, что 85.7% студентов 2020 / 2021 учебного года проявили большой интерес к работе не только на «своей» станции, но и на других, стали более активными, почувствовали уверенность в говорении перед аудиторией, усовершенствовали навыки и умения письма, научились работать в сотрудничестве. Студенты выразили мнение, что групповая работа помогла им совершенствовать себя, успешно практиковаться, разрабатывать презентации, выстраивать композиции сочинений. В групповой работе они могли успешнее исправлять лексические, грамматические и стилистические ошибки, помогая друг другу. Благодаря этому уменьшилось количество ошибок в презентациях, что помогло им получать более высокие оценки. Отметим, что только 15% студентов 2020 / 2021 учебного года хотели бы продолжить обучение по традиционному методу. Для сравнения по результатам 2019 / 2020 учебного года только 45% студентов писали правильно и 10% говорили с уверенностью.

#### Заключение

«Обучение по станциям» является одной из интерактивных технологий, реализующей дифференцированный подход в обучении. Она помогает каждому студенту использовать

свой собственный учебный стиль, не только приобретать знания, но и развивать способность к самообучению, сотрудничеству и самостоятельному решению проблем. Преподавателю такое обучение помогает осваивать инновационные способы работы и повышать качество преподавания. Вместе с положительными сторонами в работе по данной технологии преподаватель сталкивается с рядом трудностей: он должен продумывать планы работы, этапы тренировки, учебные вспомогательные материалы для каждой станции, успевать наблюдать за работой студентов на каждой станции, оценивать и сохранять все работы студентов в архиве. Сложность представляет также контроль процесса выполнения студентами заданий в плане самостоятельности (возможность списывания у друг друга) и добросовестности (возможность пользоваться Гугл-переводчиком). Очевидно, что процесс обучения по станциям подходит больше для осознанных и мотивированных студентов, глубоко заинтересованных в самосовершенствовании и саморазвитии. Вопрос о том, как работать по этой технологии практически, должен обдумываться и решаться каждым педагогом индивидуально, в зависимости от личных склонностей и возможностей организации учебного пространства по данной технологии. Преподаватель должен уметь четко и ясно объяснить студентам цель, задачи и алгоритм работы на каждой станции и уметь управлять работой всех четырех подгрупп студентов на всех станциях одновременно, что предъявляет повышенные требования к его профессиональной культуре.

#### Литература:

1. К. Азимов, Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР, 2009.
2. Bernd Meier, Nguyễn Văn Cường. Lí luận dạy học hiện đại. Cơ sở đổi mới mục tiêu, nội dung và phương pháp dạy học. Hà Nội: NXB Đại học sư phạm, 2015.
3. Carol A. T. The Differentiated Classroom. Responding to the Needs of All Learners (2nd Edition). USA: ASCD, 2014.
4. Đỗ Hương Trà. Các kiểu tổ chức dạy học hiện đại trong dạy học Vật lí ở trường phổ thông. Hà Nội: NXB Đại học sư phạm, 2011.
5. Bộ giáo dục và đào tạo. Chương trình giáo dục phổ thông tổng thể. Hà Nội: Bộ giáo dục và đào tạo, 2018.
6. Bộ giáo dục và đào tạo. Dự án Việt – Bỉ: Dạy học tích cực – một số phương pháp và kỹ thuật dạy. Hà Nội: NXB Đại học sư phạm, 2010.
7. Geraldine M. The Effectiveness of Four Corners Strategy in Teaching Writing Hortatory Exposition Text // International Journal of Multi Discipline Science, 2018. Vol. 1 (2). P. 95–103.
8. Nguyễn Văn Hạnh, Nguyễn Hữu Hợp. Dạy học dựa vào lí thuyết học tập trải nghiệm trong đào tạo giáo viên kĩ thuật // Tạp chí khoa học. Trường ĐHSP Hà Nội, 2013. Số 58 (08). P. 134–139.
9. Nguyễn Thị Thu Huyền. Tổ chức dạy học theo góc học phân vệ sinh – dinh dưỡng cho sinh viên ngành Giáo dục mầm non ở trường Cao đẳng sư phạm Thái Nguyên // Tạp chí giáo dục. Hà Nội, 2015. Số đặc biệt. P. 167–169.
10. Nguyễn Tuyết Nga. Mô đun phương pháp học theo góc (tài liệu tập huấn dự án VVOB, Bộ GD-ĐT). Hà Nội, 2010.
11. Kurnia N. The Application of Four Corner Debate to Teach Speaking // Journal of Linguistics, English Education and Art. 2018. Vol. 1 (2). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journal.ipm2kpe.or.id/index.php/LEEA/article/view/179>.
12. Плотникова Н. Н. Обучение по «станциям» как одна из эффективных форм организации образовательной деятельности на уроках иностранного языка в начальной школе // Язык и культура. Москва, 2015. № 1 (29). С. 122–131.
13. Phan Thị Thanh Hội, Nguyễn Thanh Dung. Vận dụng dạy học theo góc để dạy học chương “Cảm ứng” (Sinh học 11) // Tạp chí giáo dục. Hà Nội, 2018. Số 428 (2). P. 54–60.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 25.10.2022

**Hang Nguyen Thi**

*Udmurt State University, Izhevsk, Russia*

## **“TEACHING IN CORNERS” AS AN INNOVATIVE TECHNOLOGY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A VIETNAM UNIVERSITY**

The article analyses the application of “teaching in corners” technology in teaching Russian as a foreign language in Ho Chi Minh city University of Pedagogy for Intermediate students taking the topic “Holiday” as an example. The specific stages of preparing for classes and teaching with the help of this technology are studied. A differentiated approach to teaching students is realized with the help of this technology in the Vietnamese higher education. The purpose of this article is to emphasize the results of the experimental work of implementing the technology for the second-year students with A2 level. The article summarises the research of Vietnamese teachers of various subjects and the author’s personal experience. When implementing this technology, the students not only mastered the theoretical knowledge in their specialty, but also activated their basic competencies, which are necessary for students of the 21<sup>st</sup> century.

The corner is a certain place in the classroom, where there are worksheets with instructions and tasks for the topics. The teacher divides the class place into separate corners, considering the abilities and interests of individual students in several types of speech activities, such as listening, speaking, reading, and writing, based on grammar, vocabulary, and phonetics. During the lesson students join in many zones on tasks and at the end of each stage they can compare their results with the answer sheets and then discuss them with others. Besides, at the last stage, students make a presentation about their work in front of the audience. This increases the motivation of students for the choice and study of the prepared and suggested materials. Moreover, the teacher plays various roles in the teaching process. Before entering the classroom, the teacher selects the materials, which meet the needs, interests, and levels of students, then makes the duty tasks in each zone according to the learning goals. During the class time the teacher takes the role of an observer or a moderator. Therefore, there is more time to help weak students, answer questions at each stage of the study.

*Key words:* teaching in corners, differentiated approach, learning style, the topic “Holiday,” Ho Chi Minh city university of education, Russian as a foreign language.

*About the authors:*

**Nguyen Thi Hang**, Ph.D in Education, Department of Russian Language, Dean of Russian Language Department, Hochiminh city university of education; email: hangnth@hcmue.edu.vn.

### **References:**

1. K Azimov, E. G., Shukin, A. N. *New Dictionary of Methodological Terms and Concepts*. Moscow, 2009.
2. Meier, B., Nguyen Van Cuong. *Modern Learning Theory – Basis for Innovation in Learning Aims, Content and Methods*. University of Education Publishing House. Hanoi, 2015.
3. Carol, A. T. *The Differentiated Classroom. Responding to the Needs of All Learners* (2nd Edition). USA, 2014, pp. 7–8.
4. Do Huong Tra. *Modern Methods in Teaching Physics in School*. University of Education Publishing House. Hanoi, 2011.
5. Ministry of Education and Training. *Vietnamese General Education Curriculum*. Hanoi, 2018.
6. Ministry of Education and Training. *Vietnam-Belgium Project: Active Teaching and Learning – Some Methods and Techniques for Teaching*. University of Education Publishing House. Hanoi, 2010.
7. Geraldine, M. “The Effectiveness of Four Corners Strategy in Teaching Writing Hortatory Exposition Text.” *International Journal of Multi Discipline Science*, vol. 1, no. 2, 2018, pp. 95–103.
8. Nguyen Van Hanh, Nguyen Huu Hop. “The Use of Experiential Learning Theory in Technical Teacher Education.” *Science Journal*, vol. 8, no. 58, 2013, pp. 134–139.

9. Nguyen Thi Thu Huyen. "Organization of Teaching in Corners on Hygiene and Nutrition for Preschool Students in ThaiNguyen College of education." *Education journal*, Special Number, 2015, pp. 167–169.
10. Nguyen Tuyet Nga. *Module Teaching in Corners – Training Material in Project VVOB*. Hanoi, 2010.
11. Kurnia, N. "The Application of Four Corner Debate to Teach Speaking." *Journal of Linguistics, English Education and Art*, 2018, vol. 1, no. 2, <https://journal.ipm2kpe.or.id/index.php/LEEA/article/view/179>.
12. Plotnikova, N. N. "Teaching in Corners as One of the Effective Forms of Organizing Educational Activities in Foreign Language in Primary School." *Language and Culture*, 2015, vol. 29, no. 1, pp. 122–131.
13. Phan Thi Thanh Hoi, Nguyen Thanh Dung. "Application of Teaching in Corners in Teaching Chapter "Sensation" (Biology, 11 grade)." *Educational Journal*, vol. 2, no. 428, 2018, pp. 54–60.

Received 25.10.2022

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-105-114

УДК: 372.8:811.161.1(437.1/2)(045)

**Савченко Т. Е.**

*Педагогический факультет Университета им. Масарика, Брно, Чехия*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ  
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СРЕДНИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ  
УЧРЕЖДЕНИЯХ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:  
РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Развитие коммуникативной компетенции обучающихся является основной задачей при обучении иностранному языку. Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечали, что использование поэтических текстов на уроках по иностранному языку способствует формированию речевых умений аудирования, чтения, письма и говорения. Проводимое нами исследование посвящено проблематике использования поэтических текстов на уроках русского языка в средних образовательных учреждениях Чешской Республики. В настоящей статье приводятся результаты пилотажного исследования, проведенного в апреле-октябре 2021 г. Его целью была проверка правильности выбора полуструктурированного интервью и наблюдения в качестве методов сбора данных для проводимого диссертационного исследования. Пилотажное исследование состояло из проведения и анализа полуструктурированного интервью с учителем одного из средних образовательных учреждений Чешской Республики, а также проведения и последующего анализа наблюдения пяти уроков учителя, с которым проводилось интервью. Для наблюдения выбирались уроки, в ходе которых были использованы поэтические тексты. В результате было выяснено, что выбор таких методов сбора данных, как полуструктурированное интервью и наблюдение, научно обоснован. Данные методы ведут к получению данных, релевантных для исследования проблематики использования поэтических текстов для развития коммуникативной компетенции при обучении русскому языку в средних образовательных учреждениях Чешской Республики. Проведенное интервью с учителем русского языка как иностранного и наблюдение его уроков с использованием поэтических текстов позволили сделать вывод, что включение поэтических текстов в уроки русского языка создает условия для развития монологической и диалогической речи учащихся, помогает развивать речевые умения аудирования и чтения, расширять словарный

запас учащихся. Поэтические тексты на уроках русского языка как иностранного дают возможность в творческой форме работать с различными грамматическими и фонетическими явлениями, они также являются одним из способов, как познакомить учащихся с культурой России. На частоту включения поэтических текстов в структуру урока оказывают влияние такие факторы, как учебная программа, используемый на уроке учебно-методический комплекс, особенности класса и количество часов, выделенных на русский язык.

*Ключевые слова:* коммуникативная компетенция, русский язык как иностранный, полуструктурированное интервью, наблюдение, поэтический текст, чешские обучающиеся средних общеобразовательных учреждений.

*Сведения об авторе:*

**Савченко Татьяна Евгеньевна**, преподаватель факультета международных отношений Пражского экономического университета (Прага, Чехия), аспирант Педагогического факультета Университета им. Масарика (Брно, Чехия) e-mail: savchenko@ped.muni.cz. ORCID ID 0000-0003-2186-5890. ResearcherID AAG-2658-2021.

## **Введение**

В настоящее время коммуникативная компетенция является «основным конструктом для определения содержания и целей обучения иностранному языку» [Пишова и Косткова, 2015: 77]. Говоря о происхождении термина «коммуникативная компетенция», следует отметить, что до его появления существовал термин «языковая (или лингвистическая) компетенция». Он был предложен американским языковедом, автором теории порождающей грамматики, Н. Хомским. Под языковой компетенцией автор подразумевал владение грамматической системой языка в совершенстве [Хомский, 1965]. Другой американский лингвист Д. Хаймс обратил внимание на то, что необходимо не только знать систему языка, но и уметь правильно использовать язык в конкретных речевых ситуациях. В связи с этим он расширил понятие языковой компетенции Н. Хомского и предложил термин «коммуникативная компетенция» (далее КК) [Хаймс, 1972: 269–291]. Вслед за Д. Хаймсом такие авторы, как М. Каналь и М. Суэйн [1981], Я. Ван Эк [1987], Л. Ф. Бахман [1990], М. Байрам [1997], Э. Усо Хуан и А. Мартинез Флор [2006] и др., предложили свои формулировки и так называемые модели коммуникативной компетенции, состоящие из разных компонентов. Модель Я. Ван Эка послужила основой для создания одного из основных документов европейской политики в области языкового образования – «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» (далее ОКВЛЯ). Согласно ОКВЛЯ, цель обучения иностранному языку – это развитие КК [2001]. Цель обучения определяет средства ее достижения и, соответственно, содержание учебной программы. По словам С. Шебестовой, коммуникативная цель достигается «непосредственно за счет вовлечения в речевую деятельность и использования рецепции, продукции и интеракции, т. е. речевых умений аудирования, говорения, чтения и письма» [Šebestová, 2014: 10].

Проводимое нами диссертационное исследование основано на многокомпонентной модели КК, предложенной испанскими исследователями Э. Усо Хуан и А. Мартинез Флор [Usó-Juan, Martínez-Flores, 2006]. В их интерпретации КК включает в себя лингвистическую, межкультурную, прагматическую, стратегическую и дискурсивную субкомпетенции. Дискурсивная субкомпетенция является центральным компонентом модели КК и реализуется с помощью четырех речевых умений: аудирования, говорения, чтения и письма (рис. 1).

По мнению Э. Усо Хуан и А. Мартинез Флор, отдельные компоненты КК «не могут развиваться самостоятельно, и наоборот, развитие одного компонента напрямую связано с развитием других, что в итоге ведет к развитию коммуникативной компетенции в целом» [Там же, 2006: 19]. Таким образом, развитие речевых умений можно считать способом развития коммуникативной компетенции.



Рис. 1. Модель коммуникативной компетенции  
Э. Усо Хуан и А. Мартинез Флор (2006)

Речевые умения могут быть развиты с помощью различных учебных средств, одним из которых являются художественные тексты. Оглядываясь на историю обучения иностранным языкам, можно отметить, что в период преобладания грамматико-переводного метода художественный текст и работа с ним играли ведущую роль, однако впоследствии, в период расцвета так называемых «прямых методов», использование художественных текстов отошло на второй план [Kyloušková, 2007: 30–31]. В настоящее время, в «постметодическую эпоху преподавания иностранных языков» [Кумаравадивелу, 2006], художественные тексты вновь появляются в перечне используемых на занятиях учебных средств. В связи с этим, методика их использования на уроках иностранного языка вызывает интерес у исследователей.

Начиная с 2000 г., в Чехии эмпирические исследования на тему использования поэтических текстов (далее ПТ) в преподавании иностранных языков в старших возрастных группах были проведены Е. Скопечковой [Skorečková, 2010] и Л. Дивишовой [Divišová, 2015]. За рубежом этими вопросами занимались В. И. Э. Риске [Риске, 2000], Л. Р. Жданова [Жданова, 2003], Е. А. Аристова [Аристова, 2005], О. А. Романенкова [Романенкова, 2005], А. А. Иванова [Иванова, 2006], А. В. Логинова [Логинова, 2006], Ю. А. Макковеева [Макковеева, 2007], О. В. Максимова [Максимова, 2008], О. Кочаман [Kocaman, 2016], А. Ценя [Ценя, 2017] и др. Большинство упомянутых авторов сошлись во мнении, что использование ПТ на занятиях по иностранному языку способствует совершенствованию речевых умений говорения, слушания, письма и чтения. Кроме того, авторы отмечают, что при соблюдении определенных критериев отбора включение ПТ в структуру урока иностранного языка способствует созданию доверительной атмосферы в классе, активизирует творческий потенциал обучающихся, развивает их эстетический вкус и повышает мотивацию к изучению иностранного языка.

Однако поиск научных исследований по теме использования ПТ в практике преподавания русского языка в Чехии показал полное отсутствие подобных работ. В связи с этим, мы решили исследовать, как ПТ используются для развития КК на уроках русского языка как иностранного в средних образовательных учреждениях Чешской Республики (далее СОУЧР). Для достижения этой цели были поставлены задачи выяснить:

1. По каким причинам учителя используют ПТ на уроках русского языка.
2. Как учителя интегрируют ПТ в уроки русского языка.
3. Какие типы заданий с использованием ПТ учащиеся и учителя считают полезными

для изучения русского языка.

4. Какие речевые умения учителя стараются развить у учащихся с помощью использования ПТ на уроках русского языка.

Для выполнения поставленных задач мы решили изучать опыт учителей, активно использующих ПТ на своих уроках по русскому языку, а также опыт обучающихся. Учителя для исследования отбирались на основе следующих критериев: учитель имеет профильное образование по русскому языку; учитель имеет не менее 2-х лет опыта работы в СОУЧР; учитель регулярно использует поэтические тексты в качестве учебного средства в обучении русскому языку.

Класс для исследования выбирается самим учителем, но при учете определенных критериев: обучающиеся изучают русский язык в качестве второго иностранного; обучающиеся изучают русский язык не менее двух лет; ПТ использованы на уроках не менее пяти раз за полугодие.

В связи с тем, что учителей и их классов будет несколько, наше диссертационное исследование представляет собой множественный кейс-стади. Н. В. Сорокина определяет кейс-стади как метод научного исследования, направленный на изучение частного случая, существующего в реальной действительности, и добавляет, что в педагогике это может быть изучение опыта одного или нескольких учителей или обучающихся [Сорокина, 2011: 7–8].

В нашем случае изучение каждого кейса осуществляется в четыре этапа. На первом этапе проводится вступительное интервью с учителем СОУЧР, преподающим русский язык. Полуструктурированное интервью включает набор вопросов, которые представляют собой общую форму плана интервью, однако, в отличие от структурированного интервью, последовательность этих вопросов может варьироваться, а проводящий интервью имеет право задавать дополнительные вопросы в ответ на значимые на его взгляд реплики [Браймен, 2007: 16]. На втором этапе проводится наблюдение пяти уроков с использованием ПТ в классе, отобранном учителем, с которым проводилось интервью. На третьем этапе проводится полуструктурированное групповое интервью с классом, в котором проходило наблюдение. На четвертом этапе проводится заключительное полуструктурированное интервью с учителем.

### **1. Первый этап пилотажного исследования**

С целью проверки правильности выбора полуструктурированного интервью и наблюдения как методов сбора данных для проводимого диссертационного исследования было решено провести первый этап пилотажного исследования. Для этого в апреле 2021 г. было проведено полуструктурированное интервью с одним из учителей, который преподает русский язык как иностранный в одном из СОУЧР. Основываясь на рекомендациях Р. Шваржичека и К. Шедовой [Švařiček, Šedová, 2011: 163], мы разработали вступительные, основные и заключительные вопросы интервью. Целью вводных вопросов (например: «Co se Vám líbí v ruské literatuře?» / «Какие произведения русской литературы Вам нравятся?») было формирование навыка «спонтанного повествования» респондента в ходе интервью. На основном этапе респонденту задавались вопросы, которые должны были привести к получению информации, касающейся использования ПТ для развития КК на уроках русского языка (например: Které řečové dovednosti jsou dle Vašeho názoru rozvíjeny pomocí použití básnických textů?» / «Какие, с вашей точки зрения, речевые умения развиваются благодаря использованию ПТ»). Заключительные вопросы давали респонденту возможность дополнить информацию, выделить что-либо из уже сказанного, например: «Chtěl / a byste zdůraznit nějakou oblast, o které jsme se již bavili?» / «Вы хотели бы выделить какую-то область из тех, что мы обсуждали?»).

С целью сохранения анонимности имя учителя было изменено, учителю было дано имя Ярослав. Продолжительность интервью составила 41 мин. 50 сек. Дословная транскрипция аудиозаписи была сделана в апреле 2021 г. Интервью проходило на чешском языке, так как

это родной язык Ярослава.

Для анализа полученных данных был выбран метод открытого кодирования с помощью программы MaxQDA. Открытое кодирование представляет собой процесс анализа данных (в нашем случае текста интервью), при котором происходит категоризация ключевых понятий [Страусс и Корбин, 2001: 52]. В соответствии с правилами проведения открытого кодирования сначала перепечатанный текст интервью был разделен на отдельные сегменты, потом определенным сегментам были присвоены коды. Ниже приведены примеры разных типов кодов (согласно [Miles, Huberman, Saldaña, 2014]) и присвоенных им текстовых сегментов. Например:

in vivo кодирование (*in vivo coding*):

<i>...tu mám jako součást kompletnějšího materiálu na nácvik výslovnosti hlásky ы</i>	Произношение
<i>samozřejmě <b>svátky</b> že jo, nějaké vánoční... vánoční nebo novoroční písničky</i>	Праздники

описательное кодирование (*descriptive coding*):

<i>žáci mají za úkol vlastně doplňovat... podle toho co slyší.</i>	Типы заданий
--	--------------

субкодирование (*subcoding*):

<i>žáci mají za úkol vlastně doplňovat... <b>doplňovat písmeno</b> podle toho co slyší.</i>	Типы заданий: дополнение
---	--------------------------

одновременное кодирование (*simultaneous coding*):

<i>... nějaký rok zpátky takže to už <b>jsou absolventi, kteří byli tvůrčí, takže ti se s tím popasovali velmi dobře a opravdu vytvořili docela... docela pěkné texty, a měl jsem tam studenty kteří... pro které to byl nepřekonatelný úkol, kteří toho prostě nebyli schopní...</b></i>	Письмо Особенности класса
---	------------------------------

На следующем этапе все коды были сгруппированы в тематические группы (причины использования ПТ, речевые умения, типы заданий, языковые средства, частота использования). После этого была проведена интерпретация данных и сделаны следующие выводы.

1. Основным критерием включения ПТ в урок по русскому языку у Ярослава является учет психологических особенностей класса и мотивация учащихся. В настоящее время у Ярослава два параллельных класса, один из которых любит работать с ПТ на уроках, а другой класс считает работу с ними наказанием.

2. На выбор ПТ для уроков по русскому языку у Ярослава влияет учебно-методический комплекс (далее УМК). Ярослав использует УМК «Твой Шанс», в котором ПТ есть в каждом втором уроке. Однако Ярослав признается, что не каждый ПТ из «Твоего шанса» считает подходящим для работы и потому работает с ПТ из данного УМК выборочно.

3. Помимо содержания УМК причиной использования ПТ, в особенности песен, является также желание самих обучающихся работать с песнями. Ярослав рассказал, что в некоторых классах обучающиеся сами находят исполнителей и песни, которые им интересны, и просят его поработать с ними на уроках.

4. Частота включения ПТ на уроки по русскому языку у Ярослава зависит от особенностей класса. Если какому-то классу нравится работать с ПТ, то в этом классе работа с ПТ будет более частой, чем в классе, которому работа с ПТ не приносит удовольствие.

Частота работы с ПТ также зависит от количества учебных часов. Ярослав сообщил, что, чем больше часов в учебном плане школы выделено на русский язык, тем больше времени он отводит на работу с ПТ.

5. При выборе ПТ Ярослав смотрит, какие языковые явления встречаются в тексте. Другим важным фактором является визуальное сопровождение к песне, наличие видеоклипа.

6. Согласно интервью с Ярославом, использование ПТ на уроках является одним из способов ознакомления учащихся с культурой страны изучаемого языка. Кроме того, при работе с ПТ Ярослав старается провести параллель между русской и чешской культурой.

7. Ярослав использует ПТ для отработки языковых средств, например, определенного грамматического или фонетического явления.

8. По мнению Ярослава, благодаря работе с ПТ, обучающиеся осваивают новую лексику.

9. При работе с ПТ Ярослав использует задания на заполнение пропущенной информации. По мнению Ярослава, в работу с ПТ также необходимо включать задания, развивающие говорение.

После проведения интервью было решено частично изменить вопросы и способ проведения вступительного интервью. По словам самого учителя Ярослава, наибольшие трудности вызвал ответ на вопрос о типах заданий, используемых при работе с ПТ. Он отметил, что было бы лучше, если бы он знал об этом вопросе заранее и мог подготовиться к нему.

## 2. Второй этап пилотажного исследования

Вторым этапом пилотажного исследования было наблюдение уроков, в ходе которых Ярослав использовал ПТ. В апреле 2021 г. было посещено два урока, а в октябре 2021 г. – три урока. Класс, в котором проводилось наблюдение, состоял из десяти обучающихся. Это были учащиеся второго и четвертого классов четырехлетней и шестилетней школы.

Данные, полученные в ходе наблюдения, вносились в специальный бланк наблюдения. Последующее кодирование производилось вручную, без помощи компьютерных программ. В научной литературе этот способ обработки данных получил название «метод карандаша и бумаги» [Švaříček, Šed'ová, 2014: 213]. Ниже приведены примеры полученных в ходе анализа кодов и соответствующих им текстовых сегментов. Например:

*in vivo* кодирование (*in vivo coding*):

– <i>смотрят и слушают песню</i>	Аудирование
– <i>исправляет произношение</i>	Произношение

описательное кодирование (*descriptive coding*):

– <i>учитель даёт задание посмотреть видео ещё раз и выбрать пять действий</i>	Работа с лексикой
– <i>читают по куплету и переводят на чешский язык</i>	Чтение с переводом

Полученные коды были сгруппированы в тематические группы (речевые умения, типы заданий, способы работы, языковые средства). После этого была проведена интерпретация полученной информации и сделаны следующие выводы.

1. Работа с ПТ способствует развитию монологической речи. Весь второй урок был посвящен выступлениям учащихся с презентацией об известном человеке из клипа на песню А. Гудкова и И. Урганта «Самоизоляция».

2. Работа с ПТ способствует развитию диалогической речи. В ходе работы с песней Ю. Визбора «Семейный диалог» одним из заданий было составление диалогов в парах.

3. При работе с ПТ учителя используются такие типы заданий на прослушивание ПТ, чтение вслух, перевод с русского на чешский, обсуждение содержания.

4. При работе с ПТ учащиеся усваивают новые слова и выражения (например, по теме внешность на примере песни С. Слепакова об Ане Кузнецовой), отрабатывают правильное произношение и определенные грамматические конструкции (например, конструкции «мне везет / мне не везет»).

5. Работа с ПТ знакомит учащихся с русской культурой. В ходе работы с песней А. Гудкова и И. Урганта «Самоизоляция» учащиеся познакомились с современными деятелями культуры – певцами, актерами, телеведущими.

6. Работа с ПТ помогает провести параллели между русской и чешской культурой. Например, работая с песней С. Слепакова об Ане Кузнецовой, учитель предложил прослушать, как известный чешский бард Я. Ногавица перевел ее на чешский язык.

7. ПТ дают возможность обсудить с обучающимися общечеловеческие ценности. К примеру, в ходе работы с песней С. Слепакова об Ане Кузнецовой учитель Ярослав предложил учащимся порассуждать, что важнее: внешность или характер, и какие качества в первую очередь ценятся в человеке. Здесь стоит отметить, что обсуждение проходило преимущественно на чешском языке.

### **Заключение**

Результаты пилотажного исследования позволяют оценить преимущества и недостатки выбранных методов исследования и обработки данных. К преимуществам полуструктурированного интервью можно отнести возможность заранее подготовить вопросы, которые будут целенаправленно вести к получению данных, релевантных для проводимого исследования. К тому же такой тип интервью дает респондентам возможность свободно выражать свое мнение, а ведущему интервью – задавать дополнительные вопросы по ходу интервью. Запись интервью на диктофон позволяет исследователю полностью сосредоточиться на ответах респондента. В интервью с учителем Ярославом были включены следующие вопросы: почему Ярослав использует ПТ в практике преподавания русского языка, какие речевые умения он старается развить у учащихся при помощи ПТ, какие типы заданий он использует для работы с ПТ, как часто он использует ПТ и пр. После проведения интервью было решено изменить вопросы о типах заданий с использованием ПТ, т. к. после интервью Ярослав сказал, что ему было трудно оперативно ответить на вопрос, касающийся типов заданий с использованием ПТ на своих уроках и он бы предпочел, если бы ему дали возможность заранее подготовиться к этому вопросу.

Наблюдение – один из популярных методов сбора данных в качественных исследованиях. Использованием специального бланка наблюдения дало нам возможность зафиксировать, как учитель работает с ПТ на уроках, какие ПТ он выбирает для занятий, какие типы заданий к ПТ он использует, как учащиеся выполняют эти задания и реагируют на работу с ПТ.

По итогам проведения интервью и наблюдения в классе Ярослава было выяснено, что работа с ПТ на уроках русского языка как иностранного совершенствует речевые умения аудирования, чтения и говорения, способствует обогащению словарного запаса учащихся, помогает отработке различных грамматических и фонетических явлений, знакомит с культурой России и позволяет сравнить ее с культурой своей страны. Частота использования ПТ и характер работы с ними зависит от особенностей класса, от используемого УМК, учебной программы и часовой дотации предмета. При выборе ПТ учитель обращает внимание на встречающиеся в тексте языковые явления и наличие визуального сопровождения.

По результатам пилотажного исследования можно считать, что методы сбора данных для первых двух этапов исследования одного кейса в будущем кейс-стади были выбраны правильно, так как они ведут к получению данных, релевантных для решения исследуемой проблемы.

На следующем этапе работы с кейсом учителя Ярослава и его класса мы планируем проведение полуструктурированного группового интервью с учащимися из класса Ярослава, а также проведение заключительного интервью с Ярославом. Все вместе они составят информацию об одном кейсе из проводимого диссертационного исследования.

### **Литература:**

1. Pišová M., Kostková K. Didaktika cizích jazyků // Oborové didaktiky: vývoj – stav – perspektivy. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 67–87.
2. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1965.

3. Hymes D. H. On Communicative Competence // *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 269–293.
4. Canale M., Swain M. A Theoretical Framework for Communicative Competence // *The Construct Validation of Test of Communicative Competence*. Washington D. C.: Georgetown University, 1981. P. 1–47.
5. Van Ek J. Objectives for Foreign Language Learning. Strasbourg: Council of Europe, 1987.
6. Bachman L. Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford: Oxford University Press, 1990.
7. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997.
8. Usó-Juan E., Martínez-Flor A. Approaches to Language Learning and Teaching: Towards Acquiring Communicative Competence through the Four Skills // *Current Trends in the Development and Teaching of the Four Language Skills*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
9. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка*. М.: МГЛУ, 2003.
10. Šebestová S. Příležitosti k rozvíjení řečových dovedností ve výuce anglického jazyka: videostudie. Brno: Masarykova univerzita, 2014.
11. Kyloušková H. Jak využít literární text ve výuce cizích jazyků. Brno: Masarykova univerzita, 2007.
12. Kumaravadivelu B. Understanding Language Teaching: From Method to Postmethod. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2006.
13. Skopečková E. Literární text ve výuce anglického jazyka. Specifické aspekty didaktiky anglicky psané literatury ve výuce anglického jazyka v kontextu současných proměn české vzdělávací soustavy. Plzeň, 2010.
14. Divišová L. Konkrétní poezie v literární komunikaci ve výuce cizího jazyka. Praha, 2015.
15. Риске И. Э. Формирование социокультурной компетенции у учащихся старшей ступени обучения на материале англоязычной поэзии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2000.
16. Жданова Л. Р. Методика работы над поэтическими текстами в старших классах лицеев и гимназий: Немецкий язык: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2003.
17. Аристова Е. А. Формирование фонетических и фонационных навыков иноязычной устной речевой деятельности у студентов неязыкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2005.
18. Романенкова О. А. Методика обучения простому предложению русского языка студентов национального (мордовского) отделения на основе поэтического текста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2005.
19. Иванов А. А. Совершенствование английской разговорной речи на основе аутентичных песенных произведений: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2006.
20. Логинава Е. В. Формирование диалогизированной социокультурной компетенции на материале аутентичных песен при обучении французскому языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2006.
21. Макковеева Ю. А. Развитие иноязычной социокультурной компетенции у студентов языковых вузов на основе аутентичной аудитивной и аудиовизуальной музыкальной наглядности: английский язык как второй иностранный: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2007.
22. Максимова О. В. Лингвокультурологический потенциал русской авторской песни в практике преподавания русского языка как иностранного: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2008.
23. Kocaman O. The Effects of Songs on Foreign Language Vocabulary Acquisition // *ICLEL 2016 Conference Proceedings Book*, 2016. P. 1–126.
24. Ценя А. Методика формирования и совершенствования слухопроизносительных навыков румынских учащихся на основе русских песен (уровень В1): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2017.
25. Сорокина Н. В. Кейс-стади как метод педагогического исследования // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2011. P. 7–11.
26. Браймен А. Интервью в качественных исследованиях // *Социология власти*, 2007. P. 15–32.
27. Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования. Москва, 2001.

28. Miles M. B., Huberman M. A., Saldaña J. *Qualitative Data Analysis: A Methods Sourcebook*. London: Sage, 2014.
29. Švaříček R., Šedřová K. *Kvalitativní výzkum v pedagogických vědách*. Praha: Portál, 2007.



This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 7.11.2022

**Savchenko T. E.**

*Faculty of Education, Masaryk University, Brno, the Czech Republic*

### **USING POETIC TEXTS FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE AT SECONDARY SCHOOLS OF THE CZECH REPUBLIC: THE RESULTS OF PILOT STUDY**

The development of learners' communicative competence is the main goal in foreign language teaching. Numerous domestic and foreign researchers have noted that using poetic texts in foreign language teaching contributes to the development of four language skills: listening, reading, writing, and speaking. Our dissertation research focuses on the use of poetic texts in the Russian language teaching at secondary schools of the Czech Republic. This paper presents the results of a pilot study conducted in April – October 2021. The purpose of the study was to test the appropriateness of the data collection tools. The pilot study consisted of a semi-structured interview with a secondary school teacher who used poetic texts in his teaching practice, and a structured observation of his lessons. It was discovered that the chosen data collection tools were selected appropriately, as they lead to answering the main research question: how poetic texts are used to develop communicative competence in the Russian language teaching at Czech secondary schools. The interview with the chosen for the pilot study teacher and the observation of his lessons led to the conclusion that using poetic texts in Russian lessons helps to develop monologic and dialogic speaking skills, it also helps to develop listening and reading skills. It also helps to enlarge the learners' vocabulary. The use of poetic texts gives an opportunity to work with various grammatical and phonetic phenomena in a creative way; it is also one of the ways to introduce the learners to the culture of Russia. The frequency of the inclusion of poetic texts in the lessons is influenced by the school curriculum, the chosen textbook, the characteristics of the class and motivation of the learners.

*Key words:* communicative competence, Russian as a foreign language, semi-structured interview, structured observation, poetic text, qualitative research, Czech learners.

*About the authors:*

**Savchenko Tatiana Evgenievna**, Mgr. et Mgr., assistant at the Faculty of International Relations of the Prague University of Economics and Business (Prague, the Czech Republic), doctoral student at the Faculty of Education of Masaryk University (Brno, the Czech Republic); e-mail: savchenko@ped.muni.cz. ORCID ID 0000-0003-2186-5890. ResearcherID AAG-2658-2021

#### **References:**

1. Pišová, M., Kostková, K. "Didactics of Foreign Languages." *Subject Didactics: Development – Status – Perspectives*. Brno, 2015, pp. 67–87.
2. Chomsky, N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Mass., 1965.
3. Hymes, D. H. "On Communicative Competence." *Sociolinguistics*. Harmondsworth, 1972. pp. 1–47.
4. Canale, M., Swain, M. "A Theoretical Framework for Communicative Competence." *The Construct Validation of Test of Communicative Competence*. Washington D.C., 1981.
5. Van Ek, J. *Objectives for Foreign Language Learning*. Strasbourg, 1987.
6. Bachman, L. *Fundamental Considerations in Language Testing*. Oxford, 1990.
7. Byram, M. *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, 1997.
8. Usó-Juan, E., Martínez-Flor, A. "Approaches to Language Learning and Teaching: Towards

- Acquiring Communicative Competence through the Four Skills.” *Current Trends in the Development and Teaching of the Four Language Skills*. Berlin, 2006.
9. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*. Moscow, 2003.
  10. Šebestová S. *Opportunities to Develop Speaking Skills in English Language Teaching: Video Study*. Brno, 2014.
  11. Kyloušková H. *How to Use a Literary Text in Teaching Foreign Languages*. Brno, 2007.
  12. Kumaravadivelu, B. *Understanding Language Teaching: From Method to Postmethod*. New Jersey, 2006.
  13. Skopečková, E. *Literary Text in English Language Teaching. Specific Aspects of the Didactics of English-Written Literature in the Teaching of the English Language in the Context of Current Changes in the Czech Educational System*. Pilsen, 2010.
  14. Divišová L. *Concrete Poetry in Literary Communication in Foreign Language Teaching*. Prague, 2015.
  15. Riske, I. E. *Formation of Social and Cultural Competence among Students of the Upper Level of Education on the Material of English Poetry*. Saint Petersburg, 2000.
  16. Zhdanova, L. R. *Methodology of Work on Poetic Texts in Senior Classes of Lyceums and Gymnasiums: German Language*. Moscow, 2003.
  17. Aristova, A. E. *Formation of Phonetic Skills of Foreign Language Oral Speech Activity among Students of a Non-Language University*. Yekaterinburg, 2005.
  18. Romanenkova, O. A. *Methodology of Training a Simple Proposal of Russian Language Students of the National (Mordovian) Branch on the Basis of Poetic Text*. Nizhny Novgorod, 2005.
  19. Ivanov, A. A. *Improvement of English Colloquial Speech Based on Authentic Song Production*. Saint Petersburg, 2006.
  20. Loginova, E. V. *Formation of Dialogue-Based Social and Cultural Competence on the Material of Authentic Songs in the Study of French Language*. Tomsk, 2006.
  21. Makkoveeva, J. A. *Development of Foreign-Language Social and Cultural Competence among Students of Language Universities Based on Authentic Auditory and Audiovisual Musical Visuality: English Language as a Second Foreign Language*. Saint Petersburg, 2007.
  22. Maksimova, O. V. *Linguistic Culture Potential of a Russian Author’s Song in the Practice of Teaching Russian Language as a Foreign Language*. Saint Petersburg, 2008.
  23. Kocaman, O. “The Effects of Songs on Foreign Language Vocabulary Acquisition.” *ICLEL Conference Proceedings Book*, 2016, pp. 1–126.
  24. Tsenya, A. *Methodology of Formation and Improvement of Listening Skills of Romanian Students Based on Russian Songs (Level B1)*. Moscow, 2017.
  25. Sorokina, N. V. “Case Study as a Method of Pedagogical Research.” *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2011, pp. 7–11.
  26. Brymen, A. “Interview in Qualitative Research.” *Sociology of Power*, 2007, pp. 15–32.
  27. Strauss, A., Corbin, J. *Basics of Qualitative Research*. Moscow, 2001.
  28. Miles, M. B., Huberman, M. A., Saldaña, J. *Qualitative Data Analysis: A Methods Sourcebook*. London, 2014.
  29. Švaříček, R., Šedřová, K. *Qualitative Research in Pedagogical Sciences*. Prague, 2007.

Received 7.11.2022

## V. НОВЫЕ МОНОГРАФИИ

---

DOI: 10.35634/2500-0748-2022-14-115-120

УДК: 378:811.111(4)(049.32)

**Беляева Е. Г.**

*Санкт-Петербургский Государственный Университет (г. Санкт-Петербург, Россия)*

**РЕЦЕНЗИЯ  
НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ  
«THE ENGLISHIZATION OF HIGHER EDUCATION IN EUROPE» / «АНГЛИЗАЦИЯ  
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ»**

*Edited by Robert Wilkinson and Rene Gabriels  
Amsterdam University Press, 2021, 381 p.*

В последнее время все большую актуальность приобретают комплексные междисциплинарные исследования и анализ проблем высшего образования. Одной из таких важных и широко обсуждаемых проблем, безусловно, является введение английского языка как средства обучения (English as a Medium of Instruction, EMI) в высших учебных заведениях во многих европейских странах. Стремительно растущий объем англоязычных курсов и программ в учебных планах европейских университетов во многом объясняется глобализацией академической среды. Для того, чтобы претендовать на высокую позицию в международных университетских рейтингах, а также чтобы выстоять в глобальной конкуренции за привлечение лучших исследователей и талантливых студентов, европейские университеты вынуждены предлагать все больше программ на английском языке. Именно это явление все чаще описывается термином «англизация» (Englishization).

Концепция «англизации» уходит корнями в далекое колониальное прошлое, когда британцы принесли английский язык в колонизированные страны. Отчасти связанный с этим процесс лежал в основе все более широкого использования английских слов, например, во французском языке и вызвал сопротивление французских ученых и Французской академии. Позднее, после работы Филлипсона (1992) о лингвистическом империализме, исследователи и широкая общественность были обеспокоены распространением английского языка в общественной, коммерческой и академической сферах.

«Англизация» в широком смысле и «англизация» высшей школы является предметом публичных споров, во многих странах есть противники «англизации». Контекст и условия варьируются в каждой стране, в том числе там, где два или более местных языка противостоят английскому (например, Испания, Финляндия, Бельгия), где местный язык относительно недавно получил повышенный статус академического языка (например, страны Балтии) или где играют роль сложные политические факторы (те же страны Балтии). За пределами Европы, и особенно в Азии, «англизация» высшего образования также является предметом исследований и общественных дискуссий, однако данная монография ограничивается рассмотрением явления «англизации» высшего образования лишь в Европе.

Университет Маастрихт (Нидерланды), старейший университетов Европы, одним из первых ввел магистерскую программу по менеджменту и бизнесу на английском языке в 70-е годы прошлого века, а ученые-исследователи факультета искусств и социологии университета Маастрихт одними из первых начали пристально изучать явление «англизации». В университете Маастрихт уже четверть века существует Центр Европейских Исследований (The Centre for European Research, CERIM), более 10 лет осуществляет свою деятельность Центр интеграции содержания и языка в высшем образовании (Integrating Content and Language in Higher Education, ILCHE), где специалисты исследуют различные

аспекты высшего образования на английском языке как языке-посреднике. Не удивительно, что именно ученые университета Маастрихт Роберт Уилкинсон и Рене Габриэльс, многие годы последовательно и настойчиво изучающие явление «англизации», возглавили работу над коллективной монографией с целью изучить сходства и различия процесса «англизации» высшего образования в различных регионах Европы.

В целом, несмотря на значительное увеличение числа научных публикаций, посвященных вопросу об «англизации» высшего образования в Европе, само понятие «англизации» остается достаточно размытым и нечетким, а его определение, масштаб и влияние во многом зависят от контекста. Именно поэтому основная цель данной монографии – прояснить, как «англизация» понимается в системе высшего образования в Европе, и определить, как политика и практика внедрения английского языка как языка обучения и образования воспринимаются в каждом из 15 европейских регионов, рассматриваемых в монографии. В нее вошли статьи ученых-исследователей, описывающие, как «англизация» развивалась в их стране или области и какие аспекты исследуемого явления стали предметом публичных дискуссий.

В широком смысле понятие «англизация» может быть определено как растущее распространение английского языка в роли средства общения в неанглоязычных сообществах. В сфере высшего образования «англизация» означает увеличение количества научных публикаций на английском языке и относительное уменьшение публикаций на родном или местном языке, увеличение количества курсов и программ, преподаваемых на английском языке, более широкое использование литературы из англоязычного мира и увеличение доли международного персонала. Использование английского языка также распространяется на неакадемические университетские подразделения – отделы обслуживания, начиная с библиотеки и студенческих служб и заканчивая отделами кадров, международными отделами, отделами академической мобильности, и не в последнюю очередь на работников администрации, которым также приходится иметь дело со студентами и сотрудниками, не владеющими местным языком.

Рецензируемая коллективная монография, опубликованная в 2021 году издательством Амстердамского университета, представляет собой довольно масштабный проект, к участию в котором были приглашены ведущие специалисты-исследователи и известные ученые, такие как Дэвид Лагабастер, Слободанка Димова, Анна Кристина Хультгрэн, Магнус Густаффсон, Урсула Ланверс, Уте Шмидт и многие другие. Над монографией работал коллектив из 29 авторов, представляющих 15 европейских регионов (Австрия, Германия, Франция, Италия, Испания, Голландия, Фландрия, Швейцария, Швеция, Дания, Эстония, Латвия, Польша, Хорватия и Российская Федерация).

Монография состоит из введения, 14 глав и заключения. Интересно введение или вводная глава, написанная ответственными редакторами монографии Робертом Уилкинсоном и Рене Габриэльсом, под научным руководством которых работали авторы и коллективы авторов 14 глав по проведению исследования в своих странах и регионах. Авторский коллектив монографии принял участие в перекрестном рецензировании глав, посвященных другим регионам, что, вместе с критическим анализом и комментариями ответственных редакторов, обеспечило не только высокое качество содержания, но и единообразие формы изложения материала книги. Каждая из последующих 14 глав посвящена анализу процесса англизации высшего образования в том или ином европейском регионе, Эстония и Латвия рассматриваются в рамках одной главы. Заключительная глава написана Филиппом ван Парийсом, председателем Брюссельского Совета по Многоязычию (Brussels Council for Multilingualism) и содержит обобщение и анализ итогов представленных в монографии исследований, а также ряд выводов и заключений.

Во введении подробно обсуждается история вопроса об определенном противостоянии моноязычия и многоязычия, которое оставило заметный след в истории культуры Европы. Современная дискуссия, как в широких общественных, так и в академических кругах, показывает, что наряду со сторонниками монолингвального идеала общего для всех языка,

растет число тех, кто поддерживает языковое разнообразие или многоязычие, которое в большей степени соответствует и является более справедливым по отношению к поликультурной реальности современного мира. Несмотря на различия между европейскими странами, переход от первоначально одноязычного высшего образования к двуязычному, а иногда и многоязычному высшему образованию привел к обсуждению последствий «англизации» для качества высшего образования, культурной идентичности, неравенства между заинтересованными сторонами и самой возможности выразить озабоченность по поводу этого процесса. Данная монография свидетельствует о том, что во многих европейских странах переход от одноязычия к многоязычию, а чаще всего к двуязычию или «англизации» высшего образования, сопровождается общественными дебатами и столкновению различных мнений и точек зрения.

Во введении также подробно рассматриваются такие аспекты «англизации», как вытеснение английским языком местного языка в сфере высшего образования, участники и бенефициары процесса «англизации», языковая политика европейских государств, нормативные документы в сфере высшего образования, влияние англоязычных образовательных ресурсов, а также негативная коннотация самого понятия «англизация», подразумевающая доминирование англоязычных культур. Уилкинсон и Габриэльс вводят понятие «глокализация», указывающее на то, что глобальное усиление зависимостей за пределами национальных границ в различных областях идет в тесном взаимодействии с местными факторами. Глокализация как связь глобального и локального, выражается, в частности, в том, что «англизация» в различных европейских странах принимает различные формы, так как университеты в различных европейских странах делают все по-своему, с учетом местной специфики и, следовательно, «англизация» различается в зависимости от времени и места. Например, в Бельгии налицо явное сопротивление распространению английского языка в сфере высшего образования, в то время, как в Австрии «англизация» едва ли является предметом обсуждения. Концепция глокализации предполагает существование напряжения между локальным и глобальным, так как любое глобальное принуждение к соблюдению определенных стандартов зачастую приводит к определенному сопротивлению на местном уровне. В отличие от несколько устаревшей концепции «лингвистического империализма» Филлипсона, концепция глокализации справедливо подчеркивает, что англизация – это не одномерный, а многомерный процесс, в котором глобальное и локальное должны быть представлены как диалектически взаимосвязанные, а участники этого многомерного процесса могут свободно обсуждать и сознательно изменять языковой ландшафт, в котором они живут и работают.

С целью обеспечения единства подходов к анализу явления «англизации» высшего образования каждой исследуемой европейской страны и единообразия содержания глав, все исследования были нацелены на то, чтобы на материале исследуемого европейского региона ответить на целый ряд ключевых вопросов о том, как «англизация» определяется или концептуализируется в конкретном регионе и является ли уже самостоятельным признанным понятием или подпадает под такие понятия, как интернационализация, многоязычие или использование английского языка как языка обучения или языка-посредника (EMI). В некоторых европейских странах распространен другой термин (например, глокализация, *verengelsing*, *Anglisierung*, *anglicización*), или, возможно, в местном языке возник параллельный термин, имеющий иные коннотации. Каждая из 14 глав монографии также содержит анализ того, как воспринимается «англизация» в высшем образовании в данной стране, как проявляется это отношение и находится ли «англизация» высшего образования в зоне публичных дискуссий и каковы могут быть ее последствия для академических кругов и внешней среды в национальном масштабе. Все авторы глав данной монографии так или иначе ответили на вопрос о том, воспринимается ли «англизация» высшего образования как проблема в их странах и вызывает ли опасения в академической среде или в среде широкой общественности.

Авторы каждой из 14 глав предоставили обоснованный ответ на вопрос о том, рассматривается ли «англизация» высшего образования как серьезный вызов или угроза местному языку и, если это так, то в чем именно это проявляется. Каждая глава с той или иной степенью детализации отвечает на вопрос о том, существуют ли различия в отношении «англизации» высшей школы в различных предметных областях и каким образом явление «англизации» влияет на объем англоязычных курсов по той или иной дисциплине или на качество образования англоязычных программ в целом.

Каждая глава монографии в той или иной степени отвечает на вопрос, рассматривается ли «англизация» высшего образования как вызов культурной идентичности страны и каковы могут быть последствия изменения культурной идентичности для общества. Ведь как только английский язык становится средством обучения в высшем учебном заведении, это обычно имеет последствия не только для неанглоязычных сотрудников университета, но и затрагивает более широкий круг людей. Это отражается на местных услугах, предоставляемых муниципалитетом, который может почувствовать себя обязанным предоставлять услуги на английском языке. Этот эффект можно наблюдать в сферах общественного питания, индустрии развлечений, медицинских услугах, торговле, спорте – везде, где появляются прибывающие иностранные студенты и сотрудники. Таким образом, значительное число местных жителей, не являющихся студентами, испытывают необходимость отказаться от использования своего родного языка и говорить по-английски. Скорость и масштаб распространения английского языка, таким образом, зависит лишь от плотности притока иностранных студентов. Таким образом, «англизация» высшего образования часто выходит за рамки сферы высшего образования и может иметь более широкие последствия.

В рецензируемой коллективной монографии «англизация» высшего образования в каждой из исследуемых европейских стран рассматривалась на трех уровнях: микро- (повседневные исследования и образование на уровне факультета), мезо- (университет и ближайшее окружение), макро- (государственная или национальная языковая политика и глобальный контекст). На микроуровне «англизация» в первую очередь касается того, как вузовские преподаватели воспринимают качество образования на языке, который отличается от языка страны или региона; повышается или понижается качество образования на английском языке как языке-посреднике по сравнению с образованием на родном языке, влияют ли на него такие факторы, как квалификация преподавателей, содержание учебной программы, учебно-методические материалы и т.д. На микроуровне вопрос также заключается в том, меняется ли характер усвоенных знаний по дисциплинам – в пользу или во вред носителям местного языка. Различия могут быть очевидны между естественными, гуманитарными и социальными науками, так как в некоторых областях знаний язык обучения может играть особую роль и быть неразрывно связанным с предметом изучения.

На мезоуровне вопрос заключается в том, как «англизация» отражается на учебном плане университета, на кадровой политике, требованиях к профессорско-преподавательскому составу в плане их владения английским языком, на том, насколько тот или иной университет стремится к высоким рейтинговым позициям и высокой степени интернационализации. Важно и то, как «англизация» влияет на ближайшее окружение университета, где как услуги, предоставляемые внутри университета, так и услуги, предоставляемые за его пределами, постепенно становятся двуязычными или впоследствии многоязычными.

На макроуровне монография приглашает к обсуждению того, в какой степени «англизация» является результатом всемирной тенденции превращения научных знаний в товар и коммерциализации высшего образования. «Англизация» на макроуровне как выражение мирового соотношения власти и влияния рассматривается в терминах отношений власти и может менять уровень влияния между не говорящими по-английски, частично говорящими по-английски, свободно говорящими по-английски и говорящими по-английски

как L1 в пользу последних.

Вопрос на всех уровнях заключается в том, имеет ли «англизация» последствия для неравенства в образовании. Устанавливает ли «англизация» некий барьер для поступления в университет или для поступления на англоязычную программу? Англизация в университете также может влиять и на трудоустройство, поскольку работодатели могут быть склонны отбирать кандидатов со знанием английского языка. Существует опасность маргинализации сотрудников, не владеющих английским языком, что теоретически может стать одной из причин роста социальной неудовлетворенности.

Важно отметить, что в основу каждой из 14 глав положен глубокий анализ явления «англизации» высшего образования той или иной европейской страны и полученные в ходе проведенных исследований данные представлены в форме таблиц, диаграмм, а также фрагментов официальных документов, что делает выводы и заключения по каждой главе обоснованными и убедительными. Ученые-исследователи, авторы глав, использовали самые различные методы в получении искомым данным: социальный опрос, интервью, сравнительный анализ открытых статистических данных, а также официальные документы в открытом доступе и веб-сайтах образовательных учреждений. Все это делает данную монографию источником валидных данных для того, чтобы читатель смог сделать самостоятельные выводы на основе представленной в монографии информации.

Особый интерес представляет заключительная глава монографии «Англизация как пожизненная западня», в которой Филип ван Парийс высказывает мысль об англизации как о некоей неизбежности. Он пишет, что в сегодняшней Европе интернационализация движима тремя взаимоусиливающими механизмами: финансирование Европейского Совета, международные рейтинги и коммерциализация высшего образования. И все это способствует «англизации» высшего образования, так как в случае большинства европейских стран нельзя ожидать, что иностранные студенты пожелают изучать местный язык той европейской страны, в которой намерены получить высшее образование. В то же время динамика изучения английского языка настолько мощная, что неизбежно ведет к столь масштабному его распространению, и вот уже знание английского языка воспринимается как нечто само собой разумеющееся. С точки зрения автора заключительной главы, «англизация», безусловно, является проблемой по целому ряду подробно описанных в монографии причин. Однако на сегодняшний день невозможно избежать интернационализации университетов, достичь которой невозможно без увеличения объема использования английского языка, что неуклонно приводит к той или иной степени «англизации» высшего образования. Автор призывает европейские страны стремиться к поиску и достижению оптимального и в то же время очень хрупкого баланса между тем, чтобы использовать английский язык в той мере, в которой он позволит высшей школе стать и оставаться конкурентоспособной на современном рынке образовательных услуг и в то же время защитить местные языки от «медленной агонии исчезновения».

В рецензируемой коллективной монографии «Англизация высшего образования в Европе» глубоко исследуется явление «англизации» высшего образования с учетом широко спектра внутренних (система высшего образования, образовательные стандарты, местные образовательные традиции, современные локальные тенденции в развитии высшей школы и др.) и внешних факторов (глобализация высшего образования, интернационализация, международные рейтинги, геополитика и др.). Достоверность представленных данных и результатов анализа «англизации» высшего образования рассмотренных в монографии европейских регионов не вызывает сомнений.

В 9 главе, посвященной высшему образованию в Российской Федерации, говорится о том, что на сегодняшний день понятие «англизация» неприменимо к российскому высшему образованию, так как использование английского языка как языка обучения в высшей школе не является широко распространенным явлением. Наряду с тем, что объем англоязычных образовательных программ хотя и медленно, но неуклонно растет, следует сказать, что это

наблюдается по большей части в европейской части России. Другие территории Российской Федерации в различной степени следуют этой тенденции, однако очевидно и то, что на Дальнем Востоке и в других восточных регионах РФ все большее распространение получает китайский язык, а не английский. На национальном уровне «англизация» в российской высшей школе приняла облик интернационализации высшего образования и была поддержана на государственном уровне такими программами как «Проект 5-100» и «Приоритет 2030». Целью этих инициатив является усиление конкурентной позиции группы ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг и их участие в международных исследовательских проектах. Интернационализация российского высшего образования направлена прежде всего на продвижение российских университетов и повышение репутации страны на мировой арене высшего образования. Однако, на фоне общемировых тенденций глобализации и интернационализации научного знания, высшее образование в России в настоящее время остается моноязычным и русский язык, безусловно, остается преобладающим средством обучения как среди российских студентов, так и среди «интернациональных» студентов, особенно среди «внутренних международных» студентов из различных территорий СНГ. Объем англоязычных программ заметно выше в ведущих российских вузах, целенаправленно работающих над повышением своих позиций в мировых рейтинговых системах. Следует отметить заметное усиление роли английского языка в российском высшем образовании как языка академических публикаций, в то время как роль английского языка как средства обучения растет умеренными темпами. На сегодняшний день нет убедительных свидетельств того, что отечественные ученые серьезно озабочены «англизацией» российского высшего образования, как нет и свидетельств общественных дебатов на эту тему. Таким образом, понятие «англизация» является неуместным для описания российской высшей школы, поскольку использование английского языка в российских академических кругах не настолько широко, как это подразумевает данный термин.

Рецензируемая коллективная монография представляет интерес для специалистов в области высшего образования, языковой политики на национальном или институциональном уровне, для руководства образовательных учреждений и университетов, специалистов в области качества высшего образования, а также всех тех, кто занимается формированием, развитием и реформированием высшего образования на региональном или государственном уровне в целом, и, в частности, вопросами региональной, национальной или институциональной языковой политики.

Книга была представлена широкой общественности коллективом авторов на Международном Симпозиуме Ассоциации Специалистов в области интеграции содержания и языка в высшем образовании (Integrating Content and Language in Higher Education, ICLHE) 19 октября 2021 года на базе университета Маастрихт <https://iclhe-um.nl/symposium-2021/iclhe-symposium-2021>.

*Сведения об авторе:*

**Беляева Елена Геннадьевна**, кандидат педагогических наук, магистр прикладной лингвистики английского языка, доцент кафедры английского языка в сфере филологии и искусств, Санкт-Петербургский Государственный Университет (г. Санкт-Петербург, Россия). e-mail: e.g.belyaeva@spbu.ru. ORCID ID: 0000-0001-5749-0061. Researcher ID: C-9275-2016.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022

Received 12.10.2022

Н а у ч н ы й ж у р н а л

**МНОГОЯЗЫЧИЕ  
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**Том 14  
2022**

Ответственный за выпуск: И. С. Шульмина

Оригинал-макет: А. Ж. Фаттахова, С. Г. Морозов

Подписано в печать 22.12.2021. Вышел в свет 28.12.2021. Формат 60x84 1/8  
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 13,69.  
Тираж 100 экз. Заказ № 2318.  
Цена свободная

Редакция:

426034, Удмуртская Республика,  
г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 310  
Тел.: (3412) 916-267, e-mail: mnogoyaz@yandex.ru

Издательство:

Издательский центр «Удмуртский университет»,  
426034, Ижевск, Университетская, 1, корп. 4, к. 207.  
Тел./факс: +7(3412) 916-364, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография:

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»  
426034, Ижевск, Университетская, 1, корп. 2.  
Тел.: (3412) 68-57-18

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-74921 от 21 января 2019 г.  
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций